

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В.В. Виноградова РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. Пушкина

РУССКАЯ РЕЧЬ

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Издается
с января
1967 года.
Выходит
6 раз в год

З

МАЙ • ИЮНЬ

2017

ИНДЕКС 70788
ISSN 0131-6117

МОСКВА
"НАУКА"

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н.В. Мадигожина. Ностальгические реминисценции в «Парадоксах жизни» Дон-Аминадо

С.А. Макарова. Миф русских символистов о «музыке» стиха

В.Д. Серафимова. «А все-таки жизнь хороша...» (Поэтический язык Арсения Тарковского)

А.В. Петров. Арктический пейзаж в прозе Ивана Меньшикова

КУЛЬТУРА РЕЧИ

М.Н. Панова. Русский язык в сфере государственного управления и литературная норма

А.А. Шунейко. Рейд, рейдер, рейдерство

Гун Цзинсун. Причинные предлоги в разных стилях речи

Н.В. Черникова. Мужчина: лексикографический портрет

Э.Д. Головина. От «респекта» до «уважухи»

*Язык рекламы**Т.В. Игнатьева. На рынке недвижимости*

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ*О.В. Гладкова. Об особенностях списка «Повести от жития Петра и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма**К.В. Дорофеева. Преподобный Авраамий Галицкий и его Житие**В.Е. Денисова. Евдокия Московская – идеальный женский образ Древней Руси*

РУССКИЕ ГОВОРЫ*М.А. Грачев. Лингвистические аспекты русской игры в бабки*

ОНОМАСТИКА*Л.В. Степанова. Какие обращения бытуют в семьях Топонимика**Л.В. Михайлова. Ладога-Нево*

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА*И.П. Черноусова. «Заиграл в гуселышки яровчатые...», «Играют в шашки-шахматы...» (Игра в былинах)**Ю.А. Кожеева. «Душечка-сударушка и миленький дружок...» (Диминутивы в лирических песнях)*

СРЕДИ КНИГ*Смоленские говоры*

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»*Е.М. Ручимская. Последний куплет «Коробейников»*

Ностальгические реминисценции в «Парадоксах жизни» Дон-Аминадо

© Н. В. МАДИГОЖИНА,
кандидат филологических наук

Статья знакомит читателей со сборником «Парадоксы жизни» Дон-Аминадо, русского писателя-эмигранта, который мечтал о возвращении в «классическую» Россию и своим ностальгическим размышлениям придавал сатирическую форму с помощью реминисценций. Автор заметок старается показать, зачем та или иная «чужая» стихотворная строчка понадобилась поэту и как она создает комический эффект.

Ключевые слова: реминисценции, ирония, ностальгия, эмиграция.

This article represents to readers Russian emigrant writer Don Aminado's book of poems «Life's Paradoxes» and tries to understand particular qualities of his reminiscences and irony.

Key words: reminiscences, irony, nostalgia, emigration.

В первой половине XX века эмигрант из России Аминад Петрович Шполянский (1888–1957), поэт-сатирик, мемуарист, адвокат, печатавшийся под псевдонимом Дон-Аминадо, считался в Париже одним из лучших русских поэтов. Благодаря Дон-Аминадо, — замечал Д. Святополк-Мирский, — мы можем сказать про Париж: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Своеобразие стиля Дон-Аминадо, значение его творчества высоко оценивали его современники. «Одним из самых выдающихся русских юмористов, строки которого дают художественное наслаждение» назвал Дон-Аминадо близко знавший его И. А. Бунин [1]. М. Горький отмечал, что «Дон-Аминадо является одним из наиболее даровитых уцелевших в эмиграции поэтов», в стихах которого «отражаются настроения безысходного отчаяния гибнущих остатков российской белоэмигрантской буржуазии и дворянства» [2].

Одним из способов преодоления постоянной тоски по Родине был для него диалог с русскими классиками, использование реминисценций едва ли не в каждом лирическом тексте.

Дон-Аминадо прибегал к различным приемам стилизации, он, например, известен как автор многочисленных стихотворных пародий.

Здесь мы не будем обращаться к альбомам пародий этого автора, где обыгрывание оригинала — главная цель, но проанализируем произведения из сборника «Парадоксы жизни», где собраны ностальгические «признания» Дон-Аминадо. Постараемся понять, зачем та или иная «чужая» стихотворная строка понадобилась поэту, создает ли цитата комический эффект или писателю необходимо, чтобы читатель вспомнил классический текст и осознал, как автор его «обыгрывает».

Речь пойдет не о «скрытых» реминисценциях, которых у Дон-Аминадо тоже много, но о точных цитатах из классических текстов.

В сборнике «Парадоксы жизни» Дон-Аминадо чаще всего дает в кавычках одну строчку из классического, всеми узнаваемого, произведения, причем, как правило, реминисценция располагается в самом начале текста.

Так, «Труженики моря» начинаются стихом: «Уж небо осенью дышало...». Мы все помним хрестоматийные строки из «Евгения Онегина»: «Уж небо осенью дышало, / Уж реже солнышко блистало, / Короче становился день...». Картины даже поздней осени, любимого времени года Пушкина, проникнуты в целом светлым и гармоничным настроением. А у Дон-Аминадо уже во второй строке настроение резко ломается:

Уж небо осенью дышало,
Уже украли покрывало..
С террасы казино,
И ветер, в злости беспечальной,
На крыше флаг национальный
Уже сорвал давно.

Дальше следуют зарисовки нищенского эмигрантского быта, потом сны уносят лирического героя в любимую Россию:

И море снилось, но другое,
Далекое и голубое,
И милый Коктебель.
Курьерский поезд петербургский,
Горячий борщ, конечно, в Курске,
И северная ель [3. С. 26].

Пушкинская строка становится толчком для сопоставления двух стран, двух стилей жизни — и душой Дон-Аминадо оказывается в далекой России. И просыпается в отчаянии, слыша французскую речь.

Иронизируя над французами, впадающими в панику при четырех градусах мороза в стихотворении «Парижская зима», Дон-Аминадо с удовольствием останавливает взгляд на своих земляках, «русских шоферах», которые еще напоминают прежних россиян, умеющих радоваться белолицой и холодной зиме:

И только русские шоферы,
Землячеств разных земляки...
Плюют на жизнь, на мостовую,
Твердя мечтательно чуть-чуть:
«Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...» [С. 119].

Как видим, Дон-Аминадо опять воспользовался строчками из «Евгения Онегина», живописующими картинку русской зимы, только реминисценция появляется не в начале, а в конце стихотворения.

«Месяц у моря» опять возвращает нас к Пушкину, так как начинается строкой из известного романтического стихотворения «Черная шаль»:

«Когда легковерен и молод я был»,
Я тоже открытое море любил [С. 155].

Хотя в «Черной шали» говорится о страсти героя к «младой гречанке», но читателю вспоминаются и пушкинские стихи о любви к морю, и его философские раздумья, которые навевают свободные волны. О том же, только иронизируя над собственной жизнью, размышляет и герой Дон-Аминадо:

И взор мой скользит по небыстрым волнам
К суровым и милым душе берегам,
Чтоб в мудрой тиши охлажденных сердец
Покорно приять сухопутный конец [С. 156].

Стихотворение Дон-Аминадо, начинающееся с известного стиха Лермонтова: «Печально я гляжу на наше поколенье...», посвящено не столько «поколенью», сколько среде эмигрантов, в которой все меньше чувствуется духовное начало:

«Печально я гляжу на наше поколенье...»
Ни роскоши, ни даже старины!
В глазу ячмень. Во взгляде утомленье,
В кармане свист. И дудкою штаны [С. 163].

Бывшие русские интеллигенты в борьбе за свой убогий парижский быт постепенно забывают свое русское прошлое и лишь иногда рыдают, услышав знакомый романс.

Одно из стихотворений Дон-Аминадо без названия открывается строкой из «Несжатой полосы» Некрасова. Мы помним, что произведение это мрачное, посвящено тяжелой жизни русского крестьянства: «Поздняя осень. Грачи улетели, / Лес обнажился, поля опустели». У Дон-Аминадо речь идет об эмигрантском быте, пусть и не столь голодном, но тоже абсолютно безысходном. Стихотворение построено скорее на сатирическом сопоставлении, чем на противопоставлении реминисценции и основного текста:

« Поздняя осень... грачи улетели...»
Лица угрюмы... сердца опустели...
В смысле наличности тоже мираж.
В общем, довольно привычный пейзаж.
Нет горизонтов. Ни точек. Ни далей.
Все говорят про цианистый калий.
Все говорят, что над бездной висят.
Просят до вторника хоть пятьдесят [С. 142—143].

В середине появляется еще одна строчка из концовки «Несжатой по-
лосы», подводящая итог отчаянным попыткам эмигрантов вырваться из
душевной пустоты и материального неблагополучия:

Морда, как список тяжелых контузий...
Жизнь состоит из упорных иллюзий...
Вырвешься, кинешься... смотришь! стена.
«Грустную думу наводит она».

За этой «сильной» строкой следуют еще два четверостишия, пове-
ствующие об эмигрантской жизни, каждая строчка в которых заканчи-
вается многоточием, так как стенания эмигрантов бесконечны: «Ливни
холодные... Ветер с пустыни...».

Стихотворение «На путь добра...» включает память сразу о двух рус-
ских поэтах: Пушкине и Некрасове. Первая строфа звучит так:

Вы говорите: жизнь сурова,

Как вечный стан жестоких битв.
Ни окрыляющего слова.
«Ни звуков сладких, ни молитв» [С. 139].

«Закавыченная строчка» не начинает, как обычно, а замыкает строфу,
она взята из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» в слегка трансфор-
мированном виде:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Эти строки Пушкина, мы помним, цитируются и в стихотворении
Некрасова «Поэт и гражданин».

Дальнейшие сатирические обличения в стихотворении Дон-Амина-
до, призыв прибиться уже к какому-нибудь «стану», да и само название
«На путь добра...» напоминают сначала стиль Некрасова, а затем приоб-
ретают откровенно насмешливую интонацию, то есть автор иронизиру-
ет уже и над собственными «обличениями»:

На путь добра вступив фатальный,
Свинью встречая стороной,
Простите ей тот факт печальный,
Что родилась она свиной... [С. 139].

Цитируя Фета, Дон-Аминадо не удерживается и от имитации «формы» самого известного стихотворения этого автора, чем приближает свой текст к пародии:

Шум... Движение... Картины
Праздничных огней
Елки. Палки, Хворостины
Незабвенных дней [С. 171].

Строка из этого произведения тоже «закавычена», но поскольку читатель с первых строк уже «узнал Фета», то — вопреки своему обычаю — поэт дает реминисценцию не в начале, а ближе к концу текста. Это стихотворение Дон-Аминадо о новогоднем празднике русских эмигрантов, а процитирована строка из знаменитого весеннего произведения Фета, чем, видимо, подчеркнут контраст между весной и зимой, молодостью и старостью, радостью любви и усталостью пожилых друзей героя:

Вальс. Кружение. Порханье.
Сказка. Зимний сон.
«Шепот. Робкое дыханье»
Пожилых персон [С. 171].

Классические цитаты в большинстве своем Дон-Аминадо брал из произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета. Чаще всего цитата напоминает о сюжете и настроении «подлинника» и служит контрастом к жизни русской эмиграции в Париже XX века.

Хотя поэта Мятлева, прославившегося практически одним стихотворением (и то благодаря Тургеневу), сложно назвать «классиком», но в эпоху Серебряного века первая строчка из его произведения «Как хороши, как свежи были розы...» пользовалась огромной популярностью. Так, Игорь Северянин на закате дней неоднократно обыгрывал этот стих. В сборнике «Классические розы» помещено замечательное произведение самолюбивого гения, умирающего на чужбине. Оно написано в 1925 году и имеет то же название, что и весь сборник, чем подчеркивается первостепенное значение текста. Это стихотворение о несбывшихся надеждах, о потерянной России, о своей надломленной творческой судьбе.

Упомянутая строка Мятлева обыгрывается трижды в одном только стихотворении И. Северянина. В первой строке — воспоминания об ушедшей прекрасной молодости: «Как хороши, как свежи были розы / Моей любви, и славы, и весны...». Во второй строфе — скорбь о том, что вчерашней России уже нет и не будет, а такие, как он, вынуждены жить воспоминаниями: «Как хороши, как свежи ныне розы / Воспоминаний о минувшем дне!». И в последней строфе — горькое заключение: «Как хороши, как свежи будут розы / Моей страной мне брошенные в гроб!».

Эту цитату не мог обойти стороной и Дон-Аминадо, так как стих Мятлева как нельзя лучше подходил для выражения ностальгических настроений русских эмигрантов.

Напомним, что в центре произведения Мятлева — тема любви и красоты, скоротечности жизни. Высказывается отнюдь не новая мысль, что всё преходяще: и молодость, и женская красота, и любовь, вызванная этой красотой. Да и сама жизнь — всего одно мгновение. Да и прекрасна в жизни — только юность. Свежие розы ассоциируются, естественно, с молодостью и женской красотой. Стихотворение забытого поэта отчетливо делится на две части: вся первая часть — воспоминания: «как хороши, как свежи были розы...», «как я молил...», «как я берег, как я лелеял младость», «как ангел красоты», «как хорошо, как мило соплетались»... А во второй части — белый погост и «роз завянувший венок»: смерть уничтожает все, остаются лишь воспоминания.

Эта цитата обыгрывается в «Парадоксах жизни» Дон-Аминадо неоднократно, но не лирически, как в произведении И. Северянина, а сатирически. Строка появляется, например, в стихотворении на тему семейной ссоры. В начале муж произносит: «Как хороши, как свежи были розы...», глядя в окно и еще сам не понимая, к чему и почему он вспомнил этот стих. В финале супруга посещает гениальная мысль, и он делает вывод: «Как хороши, как свежи были жены... / Лет сто назад!» [С. 125].

Вскоре после революции покинув «новую Россию», лирический герой Дон-Аминадо так вспоминает свою недавнюю жизнь «на берегах Невы»: Как хороши, как свежи были розы / Еще вчера! / Какой сплошной поэзии и прозы / Была пора... / И как душой владели идеалы / Во всей красе. / И, вообще, какие либералы / Мы были все! [С. 192].

В другом стихотворении Дон-Аминадо так рисует свое поколение, оставшееся без Родины, склонное в самобичеванию и слезливости: «На склоне лет есть глупая привычка / Рыдать в жилет, Что, в общем, жизнь прошла, как пневматичка... / Была и нет! / Иль повторять, бессмысленно, сквозь слезы, / Раз сто подряд: “Как хороши, как свежи были розы...” / Лет сто назад!» [С. 181].

Идеальная Россия, конечно, не является поэту в образах советской страны 20-30-х годов, он восхищается дореволюционной Русью, где, как кажется ностальгирующим эмигрантам, все сезоны были хороши, а люди (преимущественно дворяне) молоды, здоровы и красивы. Дон-Аминадо иронизирует над этой упрощенной точкой зрения, но показывает, что он и сам подвержен подобным настроениям. Реминисценции из гражданской лирики Некрасова о безысходной крестьянской жизни, сопоставление моциона эмигрантов в Париже с умирающим от голода простым русским народом также носит сатирический характер. Конечно, это тяжело, когда «покупка зонтика пробила брешь в бюджете», но главная проблема эмигрантов все-таки не в нищенском быте, а в том, что «новые парижане» все больше отдаляются от реальной России, хотя ежедневно спорят о ее будущем и скоро «совершенно обалдеют от способов спасения Руси».

Литература

1. Современные записки. 1927. № 33. С. 523.
2. За рубежом. 1934. № 6. С. 10.
3. *Дон-Аминадо*. Парадоксы жизни. М., 1991. Далее указ. только стр.
4. *Игорь Северянин*. Классические розы (забытая книга). М., 1991. С. 29–30.

*Гимназия № 3 Дубна
Московской обл.*

Миф русских символистов о «музыке» стиха

© С.А. МАКАРОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается концепция «музыкальной» лирики XIX века в ее проекции на эстетику русских символистов, транспонировавших теорию лирической поэзии из области «чистого искусства» в жизнетворчество, жизнестроительство. Между тем исследование поэтических сборников «старших» и «младших» символистов доказывает противоречия между теорией и практикой, которые выражаются в звуковой организации, интонационной системе, метро-ритмическом строе, жанрово-композиционных формах. Символистские поиски «музыки» стиха на рубеже XIX-XX веков приводят не к «музыкальности», а к началу грандиозной реформы отечественного стихосложения.

Ключевые слова: теория «музыкальной» поэзии XIX в., эстетика символистов, лиризм, «музыкальная» семантика, напевная лирика, говорной стиль, интонационная система, звукопись, метро-ритмические инновации, реформирование силлабо-тонического стиха.

The article discusses the concept of «musical» poetry in XIX century in projection on the aesthetics of Russian Symbolists that have transposed the theory of lyric poetry from the area of «pure art» to the creative work, creative life. Meanwhile, the study of poetry of «senior» and «junior» symbolists shows that there are contradiction between theory and practice, that are expressed through sound organization, intonation system, metro-rhythmic structure, genre and compositional forms. Symbolists search for «music» in poetry at the turn of XIX–XX centuries don't lead to «musicality», but they lead to grand versification reform.

Key words: theory of «musical» poetry of the XIX century, Symbolists aesthetics, lyricism, «musical» semantics, melodious lyrics, speaking style, intonation system, metro-rhythmic innovations, reforming of syllabic-tonic verse.

В русской культуре первой половины XIX века впервые на теоретико-литературном уровне было осмыслено понятие «музыка» слова, в рамках романтической эстетики сформулировано содержание этой категории, связанное с «музыкой» человеческих чувств, богатством жизни сердца и словесной невыразимостью душевных нюансов. В. А. Жуковский обобщил весь тот идейный смысл, который вкладывался в «музыкальную» поэзию в период ее самого начального теоретического осмысления: «В произведениях художника мы наслаждаемся красотой создания, прелестью частей, гармониею целого и тому подобное, но все это есть одна низшая, так сказать, материальная сторона нашего наслаждения: мы можем дать себе отчет в том, что нас увлекает, можем указать на возвышенность или приятность содержания, на точность, живость, необыкновенность выражения, на музыку слов; но то, что безотчетно и неуловимо и что, однако, всему этому дает жизнь, это есть дух поэта, в создании его тайно соприсутственный!» [1].

Философия панмузыкальности не ограничила романтиков сугубо содержательным наполнением категории «музыкальность» поэзии — усиление психологизма, лиризма, творческой индивидуальности в стихотворных сочинениях привело к утверждению напевного интонационного стиля в русской лирике. Но романтические поиски «музыки» стиха неизбежно носили исторически ограниченный характер. Уровень развития литературного языка и русского стихосложения пока еще не позволял воплотить искомую «музыкальность» слова на лингвистическом, стихотворном, структурном уровне. Философские запросы на синтез искусств, «музыкальное» содержание поэтических произведений первой половины XIX века вступали в явный конфликт с художественной формой.

Во второй половине XIX века теоретическое осмысление «музыки» слова было продолжено поэтами «чистого искусства». Ясность содержания «музыкальной» поэзии, эстетическая изолированность от противоречивой эпохи не только привели «чистых лириков» к идеям синтеза

искусств, синкретизма культуры и истории, но также дали возможность обрести и осознать «музыку» стиха на уровне художественной формы. В своем эпистолярном творчестве, литературно-критических статьях А. А. Фет, Я. П. Полонский, А. К. Толстой углубляют разработку понятия «музыка» поэтического слова. «Чистые лирики» размышляют о фонике стиха, «музыке» рифм, «музыкальности» метро-ритма, «музыкальной» специфичности композиционных и жанровых форм. Теоретические замечания «чистых лириков» взаимодействуют с их художественной практикой.

Безусловно, в данном контексте необходимо говорить о совершенно исключительной роли А. А. Фета. В рамках «чистого искусства» он представил первую и единственную в русской культуре XIX века целостную концепцию «музыкальной» лирики в неразрывности ее философского истолкования, содержательных особенностей, художественной формы и психологии творчества. Для Фета «музыкальность» поэзии — это прежде всего эмоциональность, лиризм, воплощающиеся в мелодичности стиха, напевности интонаций: «Для передачи своих мыслей разумом человеческий довольствуется разговорною и быстрою речью, причем всякое пение является уже излишним украшением, овладевающим под конец делом взаимного общения до того, что, упраздняя первобытный центр тяжести, состоявший в передаче мысли, создает новый центр для передачи чувства. (...) Реальность песни заключается не в истине высказанных мыслей, а в истине выраженного чувства» [2. С. 175—176]. «Поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны», — заключает Фет [Там же. С. 168]. «Нераздельность» двух видов искусства, напряженная эмоциональность, раскрывающаяся в свободном строфическом голосоведении, гармоничное использование ритмико-мелодических фигур (анафоры, эпифоры, эпаналепсиса, спирали, синтаксического параллелизма) и — как следствие — напевный интонационный стиль, романсная композиция фетовских стихотворений стали вершинными явлениями в истории русской поэзии XIX века.

Вслед за романтиками, «чистыми лириками», А. А. Фетом русские символисты на рубеже XIX—XX веков транспонировали на новый теоретический уровень трактовку «музыкальной» лирики. О «музыкальности» поэзии писали практически все «старшие» (Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб) и «младшие» (А. А. Блок, В. И. Иванов, А. Белый, Эллис) символисты и единодушно понимали данное явление прежде всего как звуковую гармонию, мастерское владение формой, чаще приближаясь в своих замечаниях не к теории лирического искусства, а к стиховедению. В. Я. Брюсов так оценивал блоковскую поэзию: «Почти всегда стих Блока музыкален», так как он «большой мастер стиха, хотя и не стремящийся во что бы то ни стало к новым формам... Его стихи как бы просят музыки...» [3].

Вместе с тем «музыка» стиха для символистов была связана с напевной стихией лирических интонаций. Брюсов сравнивал «напевные» произведения И. А. Бунина с прозой: «В общем его стихи, лишенные настоящей напевности, живут исключительно образами и при их отсутствии обращаются в скучную прозу» [4]. Напротив, по убеждению символистов, стих гармоничен и музыкален там, где присутствует певучая сила поэзии. И вновь из поэтов-современников по напевной интонационности стиха символисты выделяют творчество А. Блока. Вяч. Иванов писал в 1907 году Брюсову: «Литературное событие дня — “Снежная маска” А. Блока... По-видимому, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. (...) Звук, ритмика, ассонансы пленительны. Упоительное, хмельное движение... Дивная тоска, и дивная певучая сила!» [5].

Действительно, к 1890-м годам русский стих был абсолютно готов к воплощению напевной мелодичности в ее символистской интерпретации — теоретическая ориентация символистов на поэтические традиции XIX века в данной связи совершенно очевидна. Все силлабо-тонические метры были продуктивно освоены, «музыкальные» трехсложные размеры оставались популярными как никогда, романсная лирика в ее кульминационном развитии прозвучала в фетовских «Вечерних огнях», напевный интонационный стиль в творчестве «чистых лириков» достиг своего апогея.

Но не будем забывать, что во второй половине XIX века благодаря творчеству поэтов-реалистов Некрасовской школы в русской поэзии не менее властно утвердился «говорной» стих с его разговорными интонациями и просторечными оборотами. Кроме того, поэзия должна была отстаивать свои законные права на фоне небывалого расцвета прозаических жанров. К концу столетия напевный стих, говорной стиль в поэзии, с одной стороны, и художественная проза — с другой, подошли в своем развитии к определенному «рубежу», свидетельствующему о том количественном накоплении содержательной энергии, которая неизбежно должна была принять новые качественные взаимоотношения и формы. Этот историко-литературный конфликт получил объективное выражение в противоречиях теории и практики, традиций и новаторства русских символистов.

Так, Брюсов — один из первых теоретиков символизма, автор многочисленных рецензий, учебника «Основы стиховедения» — как никто другой экспериментировал с приемами «омузыкаливания» поэтического высказывания. Внимание к эвфонии, обращение к инновационным ритмическим модуляциям, тематическая ориентация сочинений на связь с музыкой (Циклы «Все напевы», «Вечерние песни», «Сонаты») сочетаются у Брюсова с поисками того обобщенного и многозначного содержания, которое бы приблизило словесный текст к музыкальной безграничности символа, как в стихотворении «Осеннее прощание

эльфа: «В небе благодать, в небе радость, Солнце льет живую / сладость, Солнцу — верность, Солнцу — вздох! / Но листок родного клена, прежде сочный и зеленый, / наклонился и засох. / В небе снова ясность мая, облака уходят, тая, / в завлекательную даль...» [6].

Брюсов олицетворяет природу, использует максимально абстрактные образы неба, солнца, весны, дали. Но символическая емкость брюсовских образов не приводит к искомому эффекту «музыкального» содержания, неопределенного и импрессионистичного в своей полисемичности. Более того, фигуры переноса (*enjambement*), сочетание длинных и коротких поэтических строк, лексические повторы способствуют появлению того импровизационного интонационного голосоведения, которое удаляет силлабо-тонический стих от традиционной мелодической монотонии, метро-ритмической инерции, лирической напевности. Брюсовский стих начинает звучать не просто индивидуально «незнакомо», но и заметно экспериментально, рационалистично.

В свою очередь, для З. Н. Гиппиус метро-ритмическое и интонационно-мелодическое новаторство ассоциировалось с совершенно другими содержательными задачами. Убежденная в том, что поэтическое творчество — это своеобразная молитва, талантливая мэтресса символизма пытается воздействовать стихом как внушающим заговором, таинственной магией, завораживая слушателя экспрессивными созвучиями. Стихотворения Гиппиус насыщены аллитерациями и ассонансами, ритмическими стяжениями стоп и метрическими переборами: «Тебя приветствую, мое поражение, / тебя и победу я люблю равно; / на дне моей гордости лежит смирение, / и радость, и боль — всегда одно...» [7]. Достигается ли желанная «музыка» стиха, молитвословие?.. Индивидуальное и непредсказуемое варьирование междуударных интервалов в единстве с индивидуалистичными нотками духовных исканий, нравственных колебаний перерастают в разговорные интонации, на поверхности которых оказывается не мелодическая монотония стопы, а тоническая выделенность отдельных лексем. В результате стих Гиппиус приближается к говорному интонационному стилю, «прозаизируется» и звучит не столько напевно, сколько тонично.

С идеей поэзии как молитвы связано творчество еще одного «старшего» символиста — А. М. Добролюбова. Эксперименты смелого новатора в области сближения поэзии и музыки, стиха и прозы на первый взгляд кажутся беспрецедентными. Своим стихотворениям, а также фрагментам текстов Добролюбов сообщает динамическое звучание в музыкальных темпах — *adagiomaestoso* (медленно и величественно), *andantequasiadagio* (умеренно, ближе к медленному), *andanteconmoto* (умеренно с движением), *adagiolamentoso* (медленно и жалобно). Стихотворению «Молебное» тоже предпослано темповое исполнение — *andanteconfuoco* (умеренно и страстно): «В одинокой горнице / Я склоняюсь в молении / Пред

Великим Господом; / Поклоняюсь сладостный, / Словно цвет предутренний...» [8]. Между тем создается впечатление, что темповые обозначения в стихотворениях Добролюбова имеют чисто внешний характер — поэтическое содержание нередко расходится с обозначенным характером звучания. К тому же молитвословный стих получает явный семантический и интонационный «ореол», лишаящий произведения свободного голосоведения. Экспериментальные формы остаются вне единства с содержанием и музыкально-поэтическими декларациями.

Символистская концепция «музыкальности» стиха была чрезвычайно многогранной и стилистически полифоничной. Как известно, К.Д. Бальмонт, сопрягавший теорию стиха с идеалистически-философскими построениями о «всегласной музыке мира», «мире как изваянном стихе», «соединении двух строк через рифму, вместе уходящих в напевную неопределенность», полагал, что поэт строит свою «таинственную часовню» из напевности «Русского словесного начала», базирующейся на гласных и согласных звуках. Все звуки, считал Бальмонт, имеют свою семантику и связаны с музыкальными «ритмами Миротворчества». Так, гласный «о» для Бальмонта был звуком восторга, торжествующего пространства; гласный «у» — музыкой шумов, вскриком ужаса; в звуке «л» поэту слышался лепет волны; в согласном «р» — скорость, узорность, спорность. Нет необходимости говорить о субъективности данных поэтических рассуждений, связанных с главным тезисом Бальмонта: «современный стих, принявши в себя колдовское начало Музыки, стал многогранным и угадчивым» [9]. Музыка, поэзия, отдельные элементы стиха трактовались исключительно эмоционально — отдельные звуки стиха символически семантизировались Бальмонтом.

Действительно, Бальмонт — пожалуй, самый «эвфоничный» поэт из всех символистов. Через усиленные аллитерации, ассонансы, звукопись, сверхдлинные поэтические размеры, цезурные наращивания и усечения он реализовывал «колдовство» музыкально-поэтического начала: «Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит, / Звон стеблей, ковыль поет, поет, поет, / Серп времен горит сквозь сон, горит, горит, / Слезный стон растет, растет, растет, растет...» [10]. Но стих Бальмонта звучал художественно нарочито, фонетически неестественно. В стиховедческих исследованиях Б. Эйхенбаума («Мелодика русского лирического стиха»), К. Тарановского («Звуковая ткань русского стиха в свете фонологических дистинктивных признаков») современных лингвистов убедительно доказывается характерность звукописи для говорного стиха. В напевном стиле аллитерации, напротив, затрудняют мелодический вокализм, усиливают шумовые эффекты. Искомая «музыка» стиха превращалась у Бальмонта в «антимузыку».

Бальмонт не был единственным в субъективном понимании фонетики стиха. А. Белый, придававший огромное значение поэтическому ритму, на второе место по художественной функциональности ставил словесную

инструментовку и интерпретировал ее достаточно своеобразно. Наиболее ярко теоретическое понимание вопросов поэтической фоники у А. Белого нашло отражение в стиховедческих работах 1909 года. Так, в статье «Шарль Бодлер», отмечая, что «во французской поэзии нет равного Бодлеру инструменталиста», он делает очень важное замечание, указывая, что «есть неизменное соответствие между звуком и смыслом» произведения и что «насыщая стих ассонансом и аллитерацией, Бодлер является отдаленным предтечей свободного стиха» [11].

В этот период А. Белый не выстраивает концепцию семантического ореола звуков (позднее такие попытки осуществлялись — см. полемическую статью Б. Эйхенбаума «О звуках в стихе»), но размышляет о возможности других, не менее противоречивых путей исследования инструментовки: «...Можно бы связать различные модуляционные ходы с музыкальными ходами (на секунду, терцию, кварту и т.д.), что дало бы возможность отождествить гамму из двугласных и гласных с хроматической и диатонической музыкальной гаммой; в последнем случае можно было бы сравнивать мелодию гласных у различных поэтов» [12]. Приблизительность и субъективность предложенного А. Белым метода анализа поэтической фоники очевидны, ибо теоретик стиха не учитывает специфику двух видов искусства: в музыке интонационно-звуковая линии мелодии строго зафиксирована в интервалике, в поэзии подобная фиксация невозможна. Тем не менее не отметить музыковедческий подход в трактовке стихотворных проблем невозможно — музыка и стих едва ли не отождествляются поэтом.

Применивший в стиховедческих исследованиях музыкальную нотацию, назвавший себя «композитором» языка, А. Белый и в поэтической практике пробует максимально «омузыкалить» стихотворную фактуру, обращаясь при этом не столько к фонике, сколько к ритмике. «Поэт-композитор» экспериментирует с вариациями междуударных интервалов, синтактической структурой строк, акцентной экспрессией слова, ориентируясь как на бесконечное многообразие ритмических комбинаций в музыке, так и на разрушение метрических канонов силлабо-тонической версификации, «надоевшей» своей классичностью, как, например, в стихотворении «Образ вечности» (с посвящением Бетховену): «...В жизни загубленной / образ возлюбленной, / образ возлюбленной — Вечности, / с ясной улыбкой на милых устах. / Там стоит, / там манит рукой... / И летит / мир предо мной ...» [13.С. 95—96].

В процитированном стихотворении явно просматривается не правильное чередование стоп, а актуализация лексической акцентности, ритмики слова, говорного стиля. Думается, напевность в стихе А. Белого отсутствует однозначно. Но совершенно неопровержимо также другое — поиски «музыкальности» поэзии привели его, как и других символистов, к метро-ритмическим инновациям, которые переросли

в реформу силлабо-тонической системы стихосложения. В творчестве символистов параллельно классическим метрам начинают сосуществовать дольники, тактовики, акцентные стихи, верлибры. Благодаря символистам русская версификация как никогда становится интонационно многоголосной, ритмически разнообразной, что вместе с тем свидетельствует о богатейшем стихотворном потенциале русского языка и глубоко национальных путях развития отечественного стихосложения, как и символистского течения, прозвучавшего в мировом культурном контексте максимально индивидуально и неожиданно.

Как можно было заметить, практически все приведенные в качестве примеров стихотворные фрагменты имеют неклассическую метро-ритмику: «старшие» и «младшие» символисты не только «раскачивают» каноны монополюно господствовавшей системы стихосложения, но и теоретически интерпретируют инновационные формы через сопоставление с силлаботоникой. Вместе с тем «младшие» символисты в начале нового, двадцатого, столетия расширяют границы теоретической поэтики, стиховедческих рассуждений о «музыкальности» стиха, звуковой экспрессии ритма. Свою концепцию «младосимволисты» развивают до философии «музыкальной» лирики, способной нравственно преобразить как индивидуалистичную личность современной эпохи, так и духовно «обветшавшее» общество. Синтез искусств, магия слова, власть заговора, творчество поэта-теурга, драматическая мистерия, духовное всеединство, религиозная соборность становятся ключевыми словосочетаниями в эстетике «младосимволистов». Огромные надежды при этом возлагаются на словесно-музыкальные ритмы, отличающиеся свойствами глубокого эмоционального проникновения и воздействия на слушателей.

«Младосимволисты» впервые в отечественной теории «музыкальной» лирики, как, впрочем, и истории символизма, преодолевают романтический раскол между мечтой и реальным миром, эстетическую изоляцию «чистого искусства» от окружающей действительности и декларируют идеи жизнотворчества, жизнотроительства. Без новой личности, без нового общества не будет нового будущего! Утопическое мифотворчество «младосимволистов» отличалось воистину эпохальной грандиозностью и, пожалуй, не имело аналогов в истории культуры. Символистские претензии на духовное переустройство общества были созвучны грядущим социальным потрясениям, революционным событиям в России. Потому и оказались востребованы новое слово, новая поэтическая ритмика, новые стихотметрические формы.

С религиозно-мистических высот звучат призывы А. Белого и Вяч. Иванова о «творящей форме», в которой осуществляется не индивидуалистический «музыкальный монолог», а объединяющий «музыкальный унисон» [14. С. 149]; где «важна не сила звука, а мощь отзвука» [Там

же. С. 196]; где художник перестает писать для себя, а творит в связи с «божественным всеединством» и воспитывает себя ради «творческой реализации этой связи» [Там же. С. 160]. Только в этом случае символизм превращается из литературного приема в жизнетворчество и «соединение». Вслед за Белым Вяч. Иванов воплощает жизнестроительную теорию «музыкой» стиха, над которой много размышлял и которую неуклонно пытался обрести в новых интонациях и ритмах: «Из чуткой тьмы пещер, расторгнув медь оков, / Стремится Музыка, обвита бурной тучей... / Ей вслед — погони вихрь, гул бездн и звон подков, / И светоч пламенный, как метеор летучий...» [15]. Но «музыка» не звучала, о чем ему писали Брюсов, Блок, хотя поэт-теург и продолжал отстаивать «музыкальные» замыслы своих стихотворных сочинений. Исследователи отмечают специфичную «тяжеловесность» стиха Вяч. Иванова, которая рождается в результате активного использования коротких слов или однозначно ударных лексем — стихотворные строки становятся повышеннотоническими, интонационно приближаясь к говорному стиху; лексемы эмансипируются, своеобразно «выпадая» из строфического голосоведения.

Общие стихометрические тенденции на рубеже XIX–XX веков определяются с максимальной объективностью. Символисты, взявшие курс на теоретическое обоснование «музыкальной» лирики, жизнетворчества стиха, в своей поэтической практике пошли по пути новаторских экспериментов с поэтической семантикой, фоникой, звукописью, акцентуацией, силлабической структурой строк, междуударными интервалами, силлабо-тонической метрикой, строфикой. В результате в напевный стих стали властно вторгаться интонации говорного стиля, в стихотворную структуру — прозаические элементы, что в конечном счете привело к стиранию границ жанровых и родовых форм. «Расшатывание» силлаботоники обернулось тонизацией русского стиха и утверждением переходных форм дольника, тактовика, а также декламационно-тонической системы и свободного стиха. Поиски «музыкальности» актуализировали в лирике скрытый потенциал сугубо имманентных выразительных средств и привели к реформированию отечественной версификации. В единстве с другими художественными тенденциями на рубеже двух столетий *музыка* способствовала рождению нового поэтического *слова*.

К сожалению, поэтическая напевность со всей очевидностью уходила в прошлое вместе с тем особым лиризмом, который передавал гармоничное единство человека с красотой мира. Индивидуальные ритмы рубежа XIX–XX веков, созвучные индивидуалистичным героям тревожной эпохи, приносили в русский стих диссонансные интонации. История звучала катастрофами, душа не пела — не пелась и поэзия... Только в раннем творчестве А.А. Блока на недостижимой высоте

воссоздавался тот напевный стих, который последовательно развивал традиции фетовских «Вечерних огней»:

Я никогда не понимал
Искусства музыки священной,
А ныне слух мой различал
В ней чей-то голос сокровенный.

Я полюбил в ней ту мечту
И те души моей волненья,
Что всю былую красоту
Волной приносят из забвенья.

Под звуки прошлое встает
И близким кажется и ясным:
То для меня мечта поет,
То веет таинством прекрасным [16.С. 360].

Но «вечерние огни» напевного стиха очень скоро погрузились у Блока в «ночную тьму». С вершины музыкального осмысления катастрофических ритмов эпохи и диссонансов революции стали раздаваться страстные призывы поэта к интеллигенции о необходимости услышать новую музыку, слиться с жизненной дисгармонией, проникнуться ритмами народной революции, понять музыкальный порыв во имя обретения гуманизма, рождения человека-артиста, гармонического звучания мирового оркестра. Блок на определенное время уверовал в культуру будущего, накопившуюся в «синтетических усилиях революции, в этих упругих ритмах» [17. С. 128]. С другой стороны, поэт сожалел о том, что «музыка эта — дикий хор, нестройный вопль для цивилизованного стиха, ...она противоположна привычным для нас мелодиям...» [Там же. С. 129]. И все же Блок видел единственный путь перевоспитания «цивилизованного слуха»: «...Карточные домики цивилизации разлетаются при первом дыхании жизни; <...> в этих ритмах, а не в рационалистических обобщениях, отражена действительная жизнь века» [Там же. С. 125]. Яркая попытка эстетического постижения музыкальных ритмов дыхания жизни, революции закончилась для Блока молчанием, что, впрочем, органически сочеталось с его идеей о неравномерной пульсации музыкальных ритмов бытия. Рушился символистский миф о «музыке» стиха, несмотря на глубокие теоретические истолкования. Прежних высот «искусства музыки священной» поэзии символистов повторить было не суждено.

Литература

1. Жуковский В. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1983. С. 399.
2. Фет А. А. Сочинения. В 2 т. М., 1982. Т. 2.
3. Брюсов В. Я. Ремесло поэта. М., 1981. С. 327–328.

4. *Брюсов В. Я.* Среди стихов: 1894—1924. М., 1990. С. 311.
5. Литературное наследство. Т. 85 (Валерий Брюсов). М., 1976. С. 496—497.
6. *Брюсов В. Я.* Собр. соч. В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 463.
7. *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 111.
8. *Минский Н. М., Добролюбов А. М.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2005. С. 488.
9. *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. М., 1915. С. 376.
10. *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 376.
11. *Белый А.* Арабески. М., 1911. С. 254.
12. *Белый А.* Символизм. М., 1910. С. 255.
13. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1966. С. 95—96.
14. *Иванов В. И.* Родное и вселенское. М., 1994.
15. *Иванов В. И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1978. С. 94.
16. *Блок А. А.* Собр. соч. В 6 т. М., 1971. Т. 1. С. 360.
17. *Блок А. А.* Собр. соч. В 12 т. Л., 1932—1936. Т. 8.

ИМЛИ им. А. М. Горького

«А все-таки жизнь хороша...» Поэтический язык Арсения Тарковского

© В.Д. СЕРАФИМОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассмотрены основные мотивы, поэтика стихотворений Арсения Тарковского исторической, военной и философской тематики. Выделены мотивы дома, бессмертия, любви к жизни, к России, ее языку.

Ключевые слова: поэзия А. Тарковского, мотив, Россия, бессмертие, дом.

The article analyzes the main motives, poetics of poems by Arseny Tarkovsky of historical, military and philosophical contents. Selected motives of the house, immortality, love to life, to Russia, to its language.

Key words: poetry by A. Tarkovsky, motif, Russia, immortality, house.

В своих воспоминаниях Тарковский подчеркивал: «Я был воспитан в преклонении перед законами человечности, уважения к личности и достоинству людей. Я считаю, что самое главное в мире — это идея добра. Идея добра во всех ее воплощениях» [1. Т. 2. С. 235]. В центре внимания Тарковского — человек, его место в мире: «Я человек, я посередине мира» [Т. 1. С. 172]; он говорит: «Узнал я, что земная ось / Проходит сквозь меня» [Т. 2. С. 119]. «Я каждый день минувшего, как крепью, / Ключицами своими подпирал...» [Т. 1. С. 243].

«Я век себе по росту подбирал» — один из важнейших творческих принципов поэта, в котором важным, основополагающим является понятие дома. В каком бы столетии, времени, географическом пространстве ни жил человек, его воля, стремления направлены к созиданию, свершению, сохранению дома, малой Родины, и в более широком, общечеловеческом — единению людей:

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него, и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом... [Там же. С. 242].

Со стихами Тарковский выступил в печати в 1926 году, в 30-е годы он редко публиковал свои оригинальные стихотворения, но имя его было известным в кругу писателей, он знакомится с О. Э. Мандельштамом, с вернувшейся из эмиграции, из Франции, М. Цветаевой. Знакомство с ней перерастет в дружбу, в творческие контакты.

«Неожиданным и драгоценным подарком современному читателю» назвала книгу А. А. Тарковского «Перед снегом» А. А. Ахматова в своей рецензии: «Эти долго ожидавшие своего появления стихи поражают рядом редчайших качеств. Из них самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облеченными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце... Как вечно и в то же время современно это звучит! Он уже ожил “на пирушке живых” и рассказал нам много о себе и о нас» [2].

Поэзии Тарковского присуще постоянство мотивов (исследователи давно обратили на это внимание), с годами углубляющаяся разработка излюбленных тем, среди которых — неприятие насилия, сопротивление злу. В стихотворениях, посвященных истории России, таких, как «Петр», «Петровские казни», выражена гуманная позиция поэта — утверждение ценности человеческой жизни. Описывая город, воздвигнутый Петром Первым, он назовет время его царствования «обезумевшим веком»: «И снова блуждал обезумевший век...». Писатель предъявляет Петру Первому гневный упрек:

Ты в бронзу закован, и сердце под ней
Не бьется, смирённое северным веком,—
Здесь царствовал циркуль над грудой камней
И царский отвес не дружил с человеком [Т. 2. С. 78].

Тарковский творчески преемствует идеи поэмы Пушкина «Медный всадник», обвиняет Петра Первого в том, что власть пренебрегала жизнью конкретного человека, проводит параллель между веком нынешним и петровским, прибегая к таким средствам художественной выразительности, как олицетворяющие сравнения, метафорические эпитеты: *томление ночи, слепое столетье, обезумевший век, братствовал с тьмой* и т.д. Образы стихотворения рождают ассоциации («Вздымались копыта коня надо мною...») с пушкинскими строками, с трагедией «маленького» человека.

Я понял, куда нас оно завело,
Томление ночи, слепое столетье. {...}
Я видел тебя и с тобой говорил,
Вздымались копыта коня надо мною,
Ты братствовал с тьмой и не бросил удил
Над нищенским домом за темной Невою [Там же. С. 78–79].

Негативное отношение к жестокости Петра Первого — в его портрете в стихотворении «Петровские казни»: «У, буркалы Петровы, / Навыкате белки!» [Т. 1. С. 246].

Любовь к своей земле, к России, ее традициям, корням поэт выразит в стихотворении с эпиграфом из «Слова о полку Игореве» *Кони ржут за Сулою*:

Русь моя, Россия, дом, земля и мать!
Ты для новобрачного — свадебная скатерть,
Для младенца — колыбель, для юного — хмель,
Для скитальца — посох, пристань и постель,
Для пахаря — поле, для рыбака — море,
Для друга — надежда, для недруга — горе...
Для сердца сыновьего — негасимый свет
Нет тебя прекрасней и желанней нет [Там же. С. 114].

Образные сопоставления, сравнения, риторические вопросы с опорой на русскую историю проникнуты любовью к России, желанием беречь и защитить ее — стихотворение создано в годы войны:

Разве горький Игорь, смертью смерть поправ,
Твой не красил кровью лебяжий рукав?
Разве киноарный плащ с плеча Рублева
На ветру широко не полощет снова?
Как душе — дыханье, руке — рукоять.
Хоть бы в пропасть кинуться — тебя отстоять [Там же].

Трагическому и героическому периоду жизни советского народа в годы Великой Отечественной войны посвятит свои произведения Тарковский, добровольцем ушедший на фронт, работавший как военный корреспондент в газете «Боевая тревога». В 1943 году он был награжден Орденом Красной Звезды. Среди поэтов-фронтовиков его поэзия привлекает глубоким психологизмом, философичностью, художественным совершенством. После тяжелого ранения под городом Городком Витебской области Тарковский находился в военных госпиталях, где ему ампутировали левую ногу.

Война рассматривается Тарковским как космическая трагедия, в стихотворениях неизменно присутствует тема памяти о погибших товарищах, о них вступают в разговор с автором, как в военных стихах А. Т. Твардовского «Я не знаю никакой моей вины» и «Я убит подо Ржевом». И так же, как в стихах Твардовского, у Тарковского звучит мотив вины перед погибшими: «Это сознание вины предстает в облике “ночных гостей”» [3]:

Я не был убит на войне,
Так значит — и вправду везло мне.
Но братья стучатся ко мне:
— И помни, — твердят мне, — и помни...
— И помни, что были у нас
И матери наши, и дети... [Т. 1. С. 359].

Повтор – основной прием поэтики фольклора – глагол *и помни* побуждает хранить память о тех, кто отстоял свободу, проникнуться трагической судьбой солдат, их эмоциональным обращением к живым.

Исток героизма советского народа на войне – патриотизм:

Вы нашей земли не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим караваем, —
Штыком вы отрезали лучшую треть.
Мы намертво знаем, за что умираем:
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам — за ворованный хлеб умереть! [Там же. С. 110].

Глагол *умереть* звучит как приговор врагам.

Свою глубокую любовь к России Тарковский выразил в стихотворении «Словарь», основанном на развернутой метафоре его неразрывной связи с родной почвой, со «святым» языком:

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровавые, костяные,
Прямые продолжения корней.

Возникают мотивы бессмертия, вовлеченности в поток жизни: «Я призван к жизни кровью всех рождений...»,

И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка [Там же. С. 190].

Поэзии Тарковского в целом свойственно жизнеутверждающее начало: в стихотворении «Верблюды» он говорит: «Привыкла верблюдья душа / К пустыне, тюкам и побоям. / А все-таки жизнь хороша, / И мы в ней чего-нибудь стоим» [Там же. С. 170]. Поэт ясно сформулировал причину своего оптимизма в стихотворении «Жизнь, жизнь»:

Бессмертны все. Бессмертно всё. <...>
Есть только явь и свет.
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком [Там же. С. 240].

Свое поэтическое бессмертие Тарковский обрел.

Литература

1. *Тарковский А.* Собр. соч. В 3 т. М., 1991. Указ. только том и стр.
2. *Ахматова А. А.* Собр. соч. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 244–245.
3. *Воронова Т. А.* Военная лирика Арсения Тарковского // *Русская речь*. 2007. № 3.

*Московский педагогический
государственный университет*

Арктический пейзаж в прозе Ивана Меньшикова

© А.В. ПЕТРОВ,

доктор филологических наук

В статье рассматриваются лингвистические средства создания арктического пейзажа в прозе Ивана Меньшикова. Особое внимание обращается на образы солнца, Полярной звезды, северного сияния. Отмечаются колоризмы, олицетворение природных объектов, употребление ненецких заимствований в переносном значении.

Ключевые слова: северный текст, язык Ивана Меньшикова, пейзаж, колоризм, олицетворение, сравнение, метафора, эпитет.

The article deals with the linguistic means of creating the Arctic landscape in the prose by Ivan Menshikov. The center of attention are the images of the sun, of the North star, of aurora borealis. Attention is also paid to colorisms, personification of natural objects, the use of Nenets loanwords in the figurative sense.

Key words: Northern text, the language of Ivan Menshikov, landscape, colorism, personification, simile, metaphor, epithet.

Круг создателей мифопоэтического образа Русского Севера не ограничивается его уроженцами. Так, в 1934 году в Ненецкий округ из Москвы приехал молодой писатель Иван Николаевич Меньшиков (1914–1943), который с энтузиазмом окунулся в самую гущу тундровой жизни, он записывал сказки, предания, легенды северных кочевников, изучал их быт и характер, научился говорить по-ненецки. Два года он проработал

в окружной газете «Нарьяна Вындер». Как вспоминал Константин Симон, «Меньшиков поехал на Север не смотреть, он поехал жить и работать, принципиально считая, что людей по-настоящему можно узнать только тогда, когда работаешь с ними, а не тогда, когда смотришь на них» [1].

Иван Меньшиков восторженно отзывался о жителях тундры: «Какой это хороший, честный и простодушный народ — ненцы. Как они тянутся к культуре, как жадно хотят все знать. Нет, я просто в восторге от них, я влюблен в них! Книгу о них напишу. Непременно напишу!» [Там же. Курсив здесь и далее наш. — А.П.]. И сдержал слово — написал отражающие нравы и обычаи ненецкого народа яркие, талантливые книги: «Полуночное солнце» (1939), «Человек не хочет умирать» (1939), «Друзья из далекого стойбища» (1940), «Легенда о Таули из рода Пырерко» (1941), «Человек ищет счастье» (1946). В годы войны Меньшиков — корреспондент газеты «Комсомольская правда», он пишет фронтовые очерки и рассказы. Погиб журналист и писатель в 1943 году при выполнении задания редакции.

Александр Михайлов в очерке «Русский Ваня» отмечал: «Молодой писатель безошибочно почувствовал дух времени, характер борьбы, всколыхнувший тундру в период коллективизации. Драматизм, накал этой борьбы в изображении Меньшикова не мешает ему оставаться тонким лириком в описании интимных отношений, в описаниях природы» [2].

Арктический пейзаж Ивана Меньшикова — удивительный, трепетный и в то же время безыскусный, простой. Писателя отличает чуткая наблюдательность, тонкое чувство цвета. Палитра красок разнообразна, однако ожидаемого белого цвета практически нет, *белый* употребляется исключительно терминологически: *белый медведь*, *белая куропатка*. Среди колоризмов в северной прозе Меньшикова преобладают синий, фиолетовый, лиловый, розовый, оранжевый цвета. Писатель поэтизирует природу тундры, используя олицетворения, метафоры, сравнения, эпитеты.

Ключевой образ арктического пейзажа — солнце — неизменно представляется живым существом, наделенным определенными привычками, пристрастиями, чувствами. Чаще всего оно *медлительное*, *ленивое*, *сонное*: «Мягкое розоватое *солнце лениво плывет* над морем» (Старик); «...*солнце устало опустилось* на плечи высокой сопки в полуночной стране»; «И *солнце* стояло в небе, *жаркое, веселое и немного сонное*» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «...поднялось *сонное ноябрьское солнце*» (Тэнэко); «еще долго не показывается *солнце, медлительное и спокойное*» (Памятник);

Сравнения, олицетворения характеризуют солнце в представлении жителей тундры: «*Солнце, как ожиревший белый медведь*, выползает из-за гор» (Тэнэко); «...*солнце, как медведь в берлоге*, лежало в море»; «...утреннее *солнце*, розовое, *как мясо семги*» (Нярвей); «показалось *солнце*, и на *бойких лыжах оно побежало* по тундровым сопкам» (Лисенок плачет в ночи); «...пошел в ту сторону, где *процает* с землей *солнце*» (Легенда о Таули из

рода Пырерко); «Она не видела, что *солнце уже утонуло в Карском море*» (Нярвей).

Солнце дарит красоту и расцвечивает северную природу: «От блеска его лучей *озеро искрилось и принимало цвет солнца*. <...> Кончиками лучей оно окрашивало легкие облака *рубиновым и палевым цветом*, более ярким у краев и густым посредине» (Уста, говорящие правду); «Древнее *солнце* плыло по Карскому морю, зажигая волны *бирюзовым светом*» (До самого сердца земли); «Лучи его просвечивали сквозь маленькие листья тальника, и куст походил на *бледно-палевое пламя костра*» (Памятник); «Весеннее *солнце* по утрам *выплывало* из темно-зеленого моря, и *гребешки волн рубиновыми змейками* мчались от востока на запад» (Полуночное солнце); «*Нежно-сиреневый круг* поднимался от океана и, пламенея с каждой минутой, *переливаясь радугой*, мерно качался над горизонтом. Он доходил до зенита, до Нгер Нумгы, и, став *рубиновым или пунцовым*, медленно таял, умирая» (Друзья из далекого стойбища).

Великим чудом, символизирующим победу жизни над смертью, представляется *полуночное солнце*, данный оксюморон точно и емко характеризует полярный день, когда солнце не закатывается, а буквально кружится на небе: «И вновь над Таули *кружится полуночное солнце*» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «Древнее *солнце*, спокойное и мудрое, как сказки слепой Нярконэ, поднималось над Большой землей и *кружилось много дней, не закатываясь*» (До самого сердца земли); «*Солнце* уже более не купалось в море. Оно *кружилось над тундрой* и весело топило снег» (Нярвей); «...ощущала щекой прохладную ласковость *полуночного солнца*, заглядывавшего в чум сквозь полуткрытый полог» (До самого сердца земли); «На севере *в полуночи ярко горело солнце*» (Полуночное солнце); «Июльское *солнце* уже месяц *кружится над тундрой*, и от этого воздух кажется удушливым и пряным»; «*Солнце* в розовом тумане *доползло до полуночи*. Полчаса постояв на севере, почти касаясь горизонта, оно стало подниматься...» (Неистовый сын Лаптандера).

Летние белые ночи по праву именуются солнечными ночами: «...наступала *солнечная ночь*. Солнце не закатывалось. Оно стояло в северной стороне...»; «*Заря встречалась с зарей*, так коротка была *ночь*» (Легенда о Таули из рода Пырерко).

Еще один важный символ арктического пейзажа – Полярная звезда, по-ненецки *Нгер Нумгы* – *гордая, одинокая, яркая, холодная*: «*Нгер Нумгы* – звезда ясовеев – *сверкала ярко* в синевато-черном небе ночи» (Боги); «...*озябшая красавица Нгер Нумгы* по-прежнему *одиноко* качалась» (Под осенними звездами); «И только *Нгер Нумгы гордо стояла* почти над палаткой Тони Ковылевой. *Яркая и холодная*» (Друзья из далекого стойбища); «Ало-оранжевая заря полыхала на севере против слабо тлеющей

в ночном небе *Нгер Нумгы — Полярной звезды*) (Полуночное солнце); «... синела одиноко *Нгер Нумгы — Полярная звезда*» (Под осенними звездами).

Звезды арктического неба в изображении Меньшикова *бледные, далекие, мертвые*, светящиеся *мягко-голубым* светом: «Сквозь целлулоидное оконце палатки по-прежнему блесст *далекий и мертвый звездный мир*»; «Неуверенный мягкий мрак ползет по снегам от горизонта, и *бледные северные звезды* становятся ярче»; «...стоит огромный и печальный мир ледяных пространств, страна холмов, озер и болотистых низин под этим мгlistым небом и россыпью *бледных арктических звезд*» (Друзья из далекого стойбища).

Арктические звезды низко висят над тундрой: «И ничего в мире нет, кроме *низких*, кое-где проступающих *звезд, бледных, мягко светящихся*»; «*Качаются низкие северные звезды...*» (Друзья из далекого стойбища); «*Мягко-голубым светом* белеют *низкие осенние звезды*» (Под осенними звездами). Они кочуют, подобно тундровому народу: «*Звезды из Большой земли перекочевали в Малую к острову Колгуева*» (Нярвей).

Луна уподобляется золотой монете: «Старик замолкает, хмуро глядя на луну, что *золотой монетой* висит над мокоданом» (Легенда о Таули из рода Пырерко). *Мокодán* — «дымовое отверстие в верхней части чума» [4]. Она подобна медному тазу: «*Бледная луна* встает на востоке, широкая, как *медный таз*» (Неистовый сын Лаптандера). Луна — источник необычного света: «*Полная луна* источала *оранжевый свет*. Луна была огромна, и около нее от земли до зенита стояли *два серебряных столба*» (Боги).

При создании арктического пейзажа невозможно обойтись без описания полярного сияния как наиболее характерного природного явления: «...вспыхивает на полнеба *северное сияние, сумеречное и холодное*» (Друзья из далекого стойбища); «Над ним качался *изменчивый оранжево-алый полукруг северного сияния*, постепенно удаляющегося в ночь, к Полярной звезде» (Первая жена тадибея); «Предвесенняя ночь была звонка морозом, сияла *холодным великолепием сполохов*» (Змея с Золотой реки).

Интересно восприятие полярного неба одним из героев, профессором-геологом, который северное сияние сравнивает с Эйфелевой башней: «*Лиловый сумрак* лежал на снегах отражением *северного сияния*. Звезды померкли. Их скрыли *сплохи нежно-сиреневого цвета*. Широкой полосой они плыли от *Полярной звезды, алея* с каждой минутой. Потом они погасли, и высокая башня, *похожая на Эйфелеву*, вспыхнула в низком небе, и на вершине ее горела *голубая Полярная Звезда*» (Шах и мат, товарищ!).

В цветовой гамме арктического пейзажа при описании зимы преобладают цвета *лиловый, фиолетовый, синий*. По вершинам сопков бегут *лиловые тени*, а в оврагах уже отстает мрак, неуверенный и рваный» (Тэнэко); «...по сопкам побежали *синеватые тени*, похожие на оленье рога...» (Памятник); «*Темно-синие сумерки* наползали на тундру» (Легенда

о Таули из рода Пырерко); «... *лиловеют снега и фиолетовые тени* ползут по сопкам от северных звезд» (Друзья из далекого стойбища); «Скоро станут льды — так сильно печет солнце *ослепительно фиолетовые снега*» (Нярвей).

Лето в тундре окрашено в *оранжевый, розовый, красный* цвета: «...по *розовым* зыбким *мхам* вдоль речек и озер» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «По *оранжевой шкуре тундры* прыгали с кочки на кочку белые куропатки» (Первая жена тадибея); «Вершины сопок обнажили *оранжевые макушки*» (Наш собственный корреспондент); «Олени выбрасывают копытами *гроздья оранжевых брызг*» (Неистовый сын Лап-тандера); «...*кроваво-оранжевые скалы*» (Женщина шьет саван); «Ветер выдул в ребрах холма снег. Ребра были *оранжево-красные*» (Боги); «*Бледно-оранжевая тундра* с никелевыми тарелками озер качалась под самолетом...» (Друзья из далекого стойбища).

Органично включаются в пейзажные описания ненецкие слова в переносном значении: «Ветер нес за собой длинные *аргиши* туч и проносился над тундрой с тихим свистом» (Легенда о Таули из рода Пырерко). *Аргйш* — «обоз из нескольких десятков и более саней, запряженных оленями и привязанных один за другим» [4]; «Он бежал по тундре, надевающей снежную *малицу* зимы...» (Под осенними звездами); «Эта ночь была так холодна, что даже луна оделась в серебряную *малицу* мороза» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «... река Сюррембой-Яга уже сбрасывает в океан свою ледяную *малицу*» (Девушка с реки Сюррембой-Яга). *Мáлиця* — «на севере: одежда из оленьих шкур с капюшоном» [5. С. 338]; «Медленно и глухо оседал в оврагах снег, и на побережье появились первые *ясовеи* весны, пунухи — тундровые воробы» (Легенда о Таули из рода Пырерко). *Ясовей* — «старожил, знаток местности; проводник» [6].

Ненецкие названия месяцев отражают годовой природный цикл: «В *месяц Большого Обмана* солнце выползает из своей берлоги, которая спрятана в море; в *месяц Отела* наступают длинные дни. Но в середине лета — *Комариный месяц* и *Мошкаринный месяц* — солнце ходит вокруг твоего чума не закатываясь. Три месяца длится великий день» (Легенда о Таули из рода Пырерко) — в данном фрагменте последовательно называются апрель, май, август, сентябрь; обращает на себя внимание мифологическая картина выхода солнца из морской берлоги.

Мифологические сравнения людей с природными явлениями, объектами отражают представления о мире жителей тундры: «Он любил ее, семнадцатилетнюю Нэвлю, красивую, как *заря, рожденная в море*» (Змея с Золотой реки); «Широкие уши его, просвеченные солнцем, стали нежно-розовыми, как *мартовская заря*» (Горящее сердце Данко); «Такую, как в сказке поется: “Глаза — *две звезды Нгер Нумгы*, руки — *крылья лебедей*, лицо — нежнее первого *снега* и круглое как *луна*”» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «Твое лицо *чудесней*

северного сияния в месяц Большой Темноты» (Легенда о Таули из рода Пырерко).

Озера, холмы, сопки сравниваются с лебедями, оленями, китами: «... на озерах, *подобно голубым лебедям*, отдыхают усталые *туманы*» (Легенда о Таули из рода Пырерко); «... *холмы до самого горизонта, пестрые, как весенняя шкура оленя*» (Нярвей); «*небо, как шкура голубого песка весной, меняло свою окраску*» (Змея с Золотой реки); «...*сопки стали походить на выброшенных морем китов*» (Нярвей).

Особое внимание уделено ветру, снегу: «Разорванные *тучи* походили на *седые космы безумных старух*, разбитые яростью ветра, бушующего в вышине» (Под осенними звездами); «...*визжит по-песцовьи ветер* в кустах» (Первая жена тадибея); «Ветер крепчал. Он гнул тундровый *лозняк*, и тот *жалобно свистел*; казалось, что и *лозняк тоскует* по ушедшему лету, и *кланяется*, и *машет* улетающим лебедям ветвями на прощание»; «Снег падал на *тальник*, но тот сгибался и сбрасывал его с себя, точно *не хотел надевать белую одежду зимы*» (Нярвей).

Часто одушевляется *поземка* — «метель без снегопада, поднимающая снег с поверхности земли» [5. С. 546]: «*Поземка закружилась и заплясала* на вершинах сопки, спускаясь в долины» (Первая жена тадибея); «... *заскулила поземка*» (Наш собственный корреспондент); «Курится *поземка* вокруг чумов, *ероша* и без того лохматых собак, свернувшихся калачами у нарт (Друзья из далекого стойбища).

Описывая поведение представителей арктической фауны, Меньшиков перечисляет участников птичьих базаров: «Она уже чувствовала удушливое дыхание тундрового июля, крикливое великолепие озер, полных *лебедей, гусей и уток*. По оранжевой шкуре тундры прыгали с кочки на кочку *белые куропатки* и кричали странными, отрывистыми голосами» (Первая жена тадибея); «*Птичьи базары* на гранитных скалах были так шумны, что заглушали прибор» (Полуночное солнце).

Арктический пейзаж сравнивается со сказочными образами русского фольклора: «Река Сюррембой-Яга легла на моем пути сказочным полотенцем, будто его бросил Иванушка-дурачок, спасаясь от меня, словно от Кощея Бессмертного» (Девушка с реки Сюррембой-Яга). Встречаются и книжные сравнения: «Прямая трава, жесткая, как наконечники стрел, пролегла от чума к чуму, уже тронутая дыханием осени. Трава была жестка, и бледно-золотые линии умирания окаймляли листья» (Ожидание); «Края оврагов оторочены резкой каемкой кустарника. Это похоже на атолл — коралловый ошейник с лагуной в середине» (Друзья из далекого стойбища).

Читая прозу Ивана Николаевича Меньшикова, находишь так много точных, свежих и глубоких наблюдений за жизнью природы

арктической тундры, что понимаешь: так мог написать только человек, искренне полюбивший ее, проникшийся ее суровым обаянием.

Наследие этого талантливого писателя требует дальнейшего внимания и изучения как часть языковой репрезентации Севера в русской литературе.

Литература

1. Пономарев Б.С. Литературный Архангельск. События, имена, факты. Архангельск, 1989. С. 112.
2. Михайлов А. А. Северная тетрадь. О родном крае, о литературе, о товарищах, о себе. Архангельск, 1976. С. 16.
3. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 219.
4. Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2008. С. 15.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991.
6. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 854.

*Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова*

Русский язык в сфере государственного управления и литературная норма

© М.Н. ПАНОВА,
доктор филологических наук

В статье рассматривается проблема функционирования русского языка как государственного в сфере государственного управления, обусловленная противоречиями между рекомендациями академических словарей и реальной речевой практикой.

Ключевые слова: русский язык как государственный, нормы официально-делового стиля, реальная речевая практика в сфере профессиональной деятельности государственных служащих.

The article deals with the problem of the usage of the Russian Language as a State Language of the Russian Federation in the field of public administration. This problem is related to some contradictions between the recommendations of the academic dictionaries and actual speech practice by public officials.

Key words: the Russian Language as a State Language of the Russian Federation, linguistic norms of the Russian Language, actual speech practice of public officials.

Профессионализм государственного служащего определяется не только уровнем его правовой, административной, организационной культуры, но и уровнем культуры профессионального общения, включающей в себя, в первую очередь, речевую культуру. Ошибки в устной и письменной речи подрывают доверие к государственному служащему как представителю государства, снижают авторитет органа государственной власти, в котором он работает.

Владение государственным языком является обязательным для каждого специалиста административно-правовой сферы. В соответствии с законодательством Российской Федерации (федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и «О системе государственной службы Российской Федерации») на государственную службу имеют право поступать граждане Российской Федерации, «владеющие государственным языком Российской Федерации». В Федеральном Законе Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» определены сферы, в которых русский язык как государственный подлежит обязательному использованию. Прежде всего это деятельность федеральных органов государственной власти; органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов; органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе деятельность по ведению делопроизводства, судопроизводства, проведению выборов и референдумов и т.д.

В качестве языка, применяемого в сфере государственного и муниципального управления, выступает образцовая разновидность национального языка — русский литературный язык, важнейшим признаком которого является его нормированность. Помимо знания языковых норм госслужащий должен иметь представление о стилевых нормах, об особенностях функциональных стилей русского языка, в первую очередь это касается понимания специфики официально-делового стиля как наиболее актуального для представителей этой профессии.

Тем не менее, очень часто обнаруживаются речевые ошибки в служебных и нормативных документах, не прошедших, судя по всему, лингвистическую экспертизу.

Так, в течение нескольких лет в Типовой инструкции по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти (2002 г.) наречие «вразрядку» писалось неправильно: «Слово “статья” печатается с красной строки с прописной буквы *в разрядку*...».

В большинстве служебных писем употребляется речевое клише «С уважением, А. М. Иванов». Использование запятой здесь вызывает вопросы, поскольку значение этой фразы — «Уважающий Вас А. М. Иванов» или «Относящийся к Вам с уважением А. М. Иванов», и запятая, по правилам русской пунктуации, здесь не нужна.

Встречается в документах, хотя и реже в последнее время, такая ошибка, как употребление после предлога *согласно* существительного в форме родительного падежа вместо дательного — «согласно приказа» (неправильное грамматическое управление) вместо правильного *согласно приказу*. Об этой ошибке в выступлениях советских деятелей революционного времени (1917 г.) и даже в официальных документах писал еще А. М. Селищев, объясняя ее влиянием канцелярского языка, а точнее — «канцелярской речи невысокого ранга канцелярских чинов (например, военных писарей): *согласно заявления, предложения, постановления, плана*» [1.С.61]. К сожалению, эта ошибка актуальна и в наши дни. Приведу пример из недавнего личного общения с нотариусом. Указав ему на неправильное словосочетание «согласно завещания» в выданном мне документе, я услышала удивленное: «А мы всегда так пишем, у нас так принято!».

В соответствии с Трудовым кодексом РФ сотрудники должны ознакомиться с приказами работодателя «под роспись». В современных толковых словарях у существительного *роспись* отмечаются следующие значения: 1. от глагола *расписать* (приступить к росписи собора); 2. Декоративная живопись на стенах, потолках зданий и предметов быта (роспись керамики, художественная роспись); 3. Письменный перечень, список (роспись расходов) (устар.). В данном случае сотрудники, по-видимому, должны поставить *подпись*, потому что «подпись» — это «собственноручно написанная фамилия».

Причиной этого недоразумения стало неуместное в письменной речи, тем более в документе, употребление разговорного слова «роспись» в значении «подпись». Таким образом, это, скорее, не языковая, а стилистическая ошибка.

Вопрос о том, как правильно, в соответствии с нормами литературного языка: *ознакомиться с приказом под роспись, под подпись, под подписку* или *под расписку* надо было решить составителям нормативного документа заранее. Подобных ошибок в документах, как уже было отмечено, можно избежать при условии их лингвистической экспертизы, качественного редактирования на этапе подготовки. Исправить же ошибку в утвержденном распорядительном или нормативном документе невозможно.

Анализ реальной речевой практики в сфере государственного управления показывает, что помимо явных языковых ошибок и стилистических недочетов здесь встречаются принятые и широко распространенные в административно-правовой сфере, но непривычные для образованного носителя языка, варианты написания слова, выбора грамматической формы, постановки знака препинания, употребления прописной или строчной буквы.

В этом случае можно говорить о *традициях корпоративного языка* госслужащих, которые, в первую очередь, проявляются в письменном профессиональном общении. Именно эти традиции определяют непривычный

для образованного носителя языка, читающего служебный документ, выбор варианта написания слова, грамматической формы, постановки знака препинания, прописной или строчной буквы (например, для маркирования высокого социального статуса служебных должностей, названий подразделений органов управления, учреждений) и т.д. То, что, с точки зрения лингвиста, является языковой ошибкой, у рядового государственного служащего не вызывает вопросов, поскольку для него это совершенно естественной вещь, привычный факт повседневной речевой практики [2. С. 223–225; 3. С. 19].

В русском языке существует большое количество сложных случаев словоупотребления, использования грамматических форм, различных орфографических и пунктуационных трудностей. При этом в лингвистических справочниках, словарях встречаются разночтения, вызванные вариативностью языковой нормы. Мы согласны с мнением В. В. Свинцова, который предлагает ввести в научный обиход термин «ортологическая трудность». Автор подчеркивает, что есть практические языковые трудности, актуальные для конкретной языковой личности, но не являющиеся «общезначимыми» для всех, кто говорит по-русски и, в частности, для сообщества профессиональных филологов. Но в русском языке существуют и действительно трудные случаи, причина которых кроется, в частности, «в объективном несовершенстве “языкового законодательства”, то есть либо в лакуарности, либо в избыточности норм и правил использования языка» [4].

Трудные случаи русского языка нежелательны в экзаменационных материалах, при тестировании школьников и студентов. Однако здесь можно отказаться от включения подобных языковых трудностей в материалы для тестирования и найти разумные критерии оценки работ. Иное дело — профессиональная деятельность людей, связанная с составлением служебных документов, нормативных правовых актов. С одной стороны, они сталкиваются с разными толкованиями языковых феноменов в лингвистических справочниках и словарях, с другой — с противоречиями между рекомендациями лингвистов и составителей различных служебных справочников и инструкций, авторами которых нередко являются не специалисты-филологи, а юристы и представители других направлений гуманитарных наук. А поскольку пользователями таких рекомендаций выступают работники органов государственного управления, для них авторитетными становятся именно предписания государственных законов и служебных документов.

Официально-деловой стиль, используемый при составлении документов, практически не приемлет наличия в тексте вариантов нормы, так как его доминантой является, по классическому определению М. Н. Кожинной, фактическая и смысловая «точность, не допускающая инотолкований» [5]. Здесь, безусловно, необходимо единообразие, использование одного

из существующих в языке вариантов, стандартизация языкового оформления документных текстов

Нормализация и кодификация литературного языка предполагает анализ национального корпуса текстов, относящихся к различным функциональным стилям, ведь в идеале национальный корпус языка характеризуется представительностью, сбалансированным составом самых разнообразных с точки зрения языка и стиля текстов. Однако при определении нормативного варианта, авторы правил орфографии и пунктуации и составители лингвистических словарей, отслеживая современные тенденции развития литературного языка, на наш взгляд, не в полной мере учитывают целый пласт текстов, относящихся к корпоративной культуре, имеющей многолетнюю историю и традиции, — государственной службе. Это тексты официально-делового стиля, в том числе служебных документов [3].

В настоящее время сложилась странная ситуация: если госслужащие пишут с прописной буквы оба слова в словосочетании «Государственная Дума» (то есть так, как в тексте Конституции Российской Федерации), они тем самым нарушают нормы современного русского литературного языка. Ведь в соответствии с правилами орфографии, в этом словосочетании, являющемся официальным названием органа власти, с прописной буквы пишется только первое слово [6]. В список исключений из этого правила по традиции входят *Общество Красного Креста и Красного Полумесяца* и некоторые другие названия международных организаций, но для названия одной из палат представительного и законодательного органа нашей страны в этом списке места не нашлось. Если в тексте внутреннего документа слово *министр* или другие названия должностей пишутся с прописной буквы, то, по мнению ряда лингвистов, это не корпоративная традиция, а исключительно проявление чинопочитания. Хотя составители документа в данном случае, выбирая вариант написания, руководствуются Указом Президента РФ [7]. Получается, что составители лингвистических словарей всегда правы, а чиновники, составители документов, которые обязаны в совершенстве владеть государственным языком, находятся в положении постоянных нарушителей норм русского литературного языка.

С другой стороны, юристы, законодатели не всегда прислушиваются к разумным пожеланиям лингвистов. Так, академические издания орфографических словарей (в том числе последнее издание Русского орфографического словаря [8], а также одобренные Орфографической комиссией РАН Правила русской орфографии и пунктуации) уже более двадцати лет рекомендуют написание прилагательного *разыскной* с приставкой *раз-*. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2003 г. № 60 предусматривает внесение изменений в соответствующие правовые документы, в которых предложено написание *оперативно-разыскной*,

что и было впоследствии выполнено. Однако в названии и тексте «Закона об *оперативно-розыскной* деятельности» сохранено устаревшее написание прилагательного — *оперативно-розыскная деятельность* [2. С. 224].

Таким образом, законодательная и исполнительная власть до сих пор не могут договориться о единообразном написании термина, а об уважении авторами упомянутого закона мнения авторитетных лингвистов в данном случае и говорить не приходится.

В 2009 г. Государственная дума приняла решение о единообразии использования в законодательстве слов «паралимпийский» и «сурдлимпийский», якобы приведя их в соответствие с международной терминологией (ср.: *paralympic games*). И сейчас не только в законе «О физической культуре и спорте в РФ», но и в ряде других законов рекомендованные Русским орфографическим словарем написания слов *параолимпийский*, *сурдоолимпийский* и *сурдололимпийский* заменяются новыми — *паралимпийский* и *сурдлимпийский*.

Такое положение нельзя считать приемлемым. Проблема описания и урегулирования спорных случаев несоответствия норм, принятых в языке документов, нормам современного русского литературного языка, рекомендованным лингвистическими словарями, проблема нахождения разумного компромисса между авторами словарей и служебных инструкций представляется нам чрезвычайно своевременной.

Действительно, существует большое количество сложных вопросов, в том числе имеющих отношение к пограничным областям юриспруденции и лингвистики. Следовательно, необходимо привлекать к проблемам функционирования языка государственного управления внимание и лингвистов, и юристов, законодателей, коллегиально участвовать в редактировании документов, нормативных правовых актов, служебных инструкций..

Культура речи в коммуникативном аспекте требует учета функциональной дифференциации языка и прагматических условий общения. Каждая функциональная разновидность языка имеет свои особенности, которые не нужно игнорировать. Это относится в первую очередь к официально-деловому стилю литературного языка, к его функционированию в административно-правовой сфере в качестве государственного языка РФ.

Не вызывает сомнения тот факт, что языковые нормы, не связанные с системными закономерностями языка, а являющиеся результатом установленной обществом конвенции, то есть некоторым набором условных соглашений, в случае их пересмотра, уточнения и адаптации применительно к сфере государственного управления, не вызовут болезненной реакции лингвистов — составителей словарей. Подобные ортологические трудности следует рассмотреть в первую очередь и сформулировать четкие

рекомендации для госслужащих: ведь для них владение литературным языком — это профессиональное требование.

Анализ трудных случаев словоупотребления, грамматики, орфографии и пунктуации, актуальных для административно-правовой сферы, нахождение компромисса лингвистов-«теоретиков» и лингвистов-«практиков», упорядочение рекомендаций, способствующих повышению качества документов, — важная задача государственной языковой политики.

Требует скорейшей реализации задача ассимилирования «корпоративных» (традиционных) норм русского языка, сложившихся на государственной службе, в частности, и в административно-правовой сфере в целом, в систему норм, зафиксированных словарями современного русского языка. «Существующая де-факто “корпоративная” норма нуждается в некоторых случаях в кодификации — описании и закреплении ее в словарях, справочниках и учебных пособиях в качестве варианта, то есть диспозитивной нормы, а в некоторых случаях она должна быть заменена общепринятым и кодифицированным в академических словаряхписанием, словоупотреблением и т.д. и изъята из служебных инструкций как языковая ошибка» [9].

Литература

1. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917—1926). М., 2003. С. 61.
2. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М., 2004.
3. Панова М. Н. Русский язык в сфере государственного управления: актуальные проблемы и пути их решения // *Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всерос. науч.-практ. конф.* (Москва, 7 дек. 2012 г.): сб. ст./ отв. ред. О. Н. Киянова. М., 2013.
4. Свинцов В. В. Как правильно, или о причинах языковых затруднений // *Русская речь*. 2012. № 4. С. 33—38.
5. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. М., 1977.
6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2007.
7. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. N 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» / *Российская газета*. Федеральный выпуск № 3968. 12 янв. 2006.
8. Русский орфографический словарь / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. М., 2012.

9. Киянова О. Н., Панова М. Н. Языковые варианты в текстах законов и служебных документов: к вопросу о придании нормативного статуса некоторым корпоративным вариантам нормы / Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сб. м-лов Культурного форума регионов России (Якутск — Москва, 25 сент. 2015 г.) / Сост., общ. ред. Астафьевой О. Н., Коротеевой О. В. М., 2015. С. 393.

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Институт бизнеса
и делового администрирования (ИБДА)*

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00151 «Ортологические трудности русского языка и корпоративные нормы в административно-правовой сфере»

Рейд, рейдер, рейдерство

© А.А. ШУНЕЙКО,
доктор филологических наук

В статье с различных точек зрения проанализированы слова с корнем *-рейд-*, функционирующие в русском языке, выявлены несоответствия и пропуски в словарях, дано основанное на речевой практике определение слов, отсутствующих в толковых словарях русского языка.

Ключевые слова: лексическая семантика, культура речи, современный русский язык.

This article from different perspectives analyzes the words with «raid» roots which operate in the Russian language. It reveals inconsistencies and omissions in the dictionaries; gives the definition based on the customary usage of the words that are not included in the explanatory dictionaries of the Russian language.

Keywords: lexical semantics, speech culture, the modern Russian language.

Русский язык знает несколько слов с корнем (компонентом) *рейд*: *рейд, рейда, рейдер, рейдерский, рейдерство, рейджвит, рейдирование, рейдировать, рейдовик, рейдовый*. Может возникнуть впечатление, что они объединены последовательными регулярными словообразовательными связями, единством происхождения, преемственностью семантики, сходством использования и тождественностью оценочных значений. Но на самом деле это не совсем так, а в ряде случаев — совершенно иначе. Слова существенно различаются по всем параметрам, между ними нет линейной преемственности. И вообще нет ни одной лексической характеристики, которая объединила бы их все.

В общем виде различия между этими словами можно описать так. *Рейд, рейдер, рейдерский, рейдерство* относятся к активной лексике и повсеместно используются в различных стилях и ситуациях: в бытовой речи, публицистике, художественной литературе, официальном общении и научной сфере. А *рейда, рейджвит, рейдирование, рейдировать, рейдовик, рейдовый* либо только появились в языке, либо уже исчезли из активного употребления, либо выходят из него.

Базовые корни и закрепленные за ними понятия заимствованы из различных языков: нидерландского и английского. В русский язык эти слова попали (или образовались непосредственно в нем) в разное время: от начала XVIII до начала XXI века. Одни значения этих слов нейтральны и общеупотребительны, другие нейтральны и специальные, а третьи негативны; преемственность в передаче значений избирательна, между всеми перечисленными единицами ее нет. Словари часть этих слов отражают, а часть не включают вовсе. Причем различные словари это делают не одинаково, эпизодически, избирательно и не всегда последовательно.

Рейд-1: Водное пространство, расположенное непосредственно при входе в гавань и защищенное от ветров и волн. *На рейде парусники ожидали попутного ветра* [1]. Слово стабильно сопровождается однотипными комментариями, в соответствии с почти двухсотлетней традицией, но наблюдаются разночтения: одни словари снабжают его пометой «мор.», то есть фиксируют как морской термин, а следовательно, слово ограниченное в употреблении, другие же никакими специальными пометами не сопровождают, то есть воспринимают как слово общеупотребительное. Объяснение этому найти трудно. Если выстроить источники толкований в хронологической последовательности, то общая картина окажется странной: сначала у слова не было пометы «мор.», потом она появилась, затем опять исчезла и возникла вновь. То есть слово сначала было общеупотребительным, потом стало терминологическим, затем вернулось к характеру исходного использования и тут же перешло опять в разряд терминов. В реальной речи такие трансформации представить себе сложно. Вероятнее всего, наличие/отсутствие пометы — следствие вкусовых предпочтений конкретных лексикографов и степени детализации подачи материалов в словарях. Но это нейтральное объяснение не снимает вопроса о том, каково же слово *рейд-1* на самом деле.

Неопределенность в оценке степени широты употребления сочетается у этого слова с общей стабильностью существования и использования. За двести лет оно не сужало и не расширяло своей семантики. Послужило базой для образования прилагательного *рейдовый-1-1*.

Рейд-2: «а, м. [англ. raid]. 1. Кавалерийский или воздушный налет, набег на тыл или фланг противника (воен.). 2. *перен.* Внезапная общественная ревизия, производимая группой активистов по заданиям общественных организаций (нов.). *Р. для проверки работы бюро жалоб. Р. легкой кавалерии*» [Там же]. Разночтения в толкованиях *рейд-2* носят тот же характер, что и у *рейд-1*: в одних случаях первое значение сопровождается пометой «воен.», то есть воспринимается, как военный термин, в других оно лишено помет, то есть трактуется как общеупотребительное. Примечательно, что второе значение в словаре Ушакова описывается как переносное и новое. Последующие авторы этого не делают,

что позволяет датировать возникновение этого значения не позднее со- роковых годов XX века.

Рейд-3: «-а, м. (геймеры) значение: группа игроков, собравшихся для достижения какой-то цели, например, выполнения квеста. Пример текста: *Рейд в накс на келя. Но как только вы попали в партию или рейд и собрались в поход в инстанс — приготовьтесь к тому, что лидер партии (и особенно рейда) потребует... Буду приходить раза 2—3 в неделю исключительно на рейды. Рейды низкого лвл не нужны и бессмысленны — нет шмота, нет опыта слаженного действия команды*. Варианты: *райд*» [2].

Это слово существенно отличается от *рейд-1* и *рейд-2*. Оно имеет орфописический вариант, не входит в литературный язык, относится к молодежному сленгу, используется в речи геймеров, следовательно, определенно ограничено в своем употреблении. Из трех слов оно самое молодое — появилось не ранее конца XX века. Обнаруживает синхронные словообразовательные связи со словом *рейджит* и не обнаруживает их со словами, образованными от *рейд-1* и *рейд-2*.

Взаимная координация между словами *рейд-1*, *рейд-2* и *рейд-3*, по большей части, достаточно прозрачна. По всем признакам (происхождение, значение, словообразовательные связи) *рейд-1* и *рейд-2* являются омонимами. *Рейд-1* проникло в русский язык в начале XVIII века, как раз в тот период, когда из нидерландского языка активно заимствовалась различная терминология. С того времени практически не меняло своей семантики и продолжает функционировать в качестве нейтральной единицы. Несколько иная картина наблюдается со словом *рейд-2*. Заимствовано оно было не ранее XIX века и уже в первой половине XX стало расширять свою семантику, что проявилось в появлении переносного значения: *рейд-2-2*. Это значение послужило базой для возникновения слова *рейдовик*. Слова *рейдер-2-1-1*, *рейдер-2-1-2*, *рейдерский*, *рейдировать*, *рейдерство*, *рейдовый* возникли, скорее всего, от *рейд-2-1*, но вполне возможно, что были и заимствованы как самостоятельные единицы. Произошло это все не сразу, а растянулось на столетие.

Статус слова *рейд-3* спорен. Оно, безусловно, является омонимом по отношению к *рейд-1*. А его координация с *рейд-2* не так очевидна. Они имеют единый источник заимствования, хотя и проникли в русский язык с интервалом в столетие, и обнаруживают некоторое единство семантики, подталкивающее к тому, чтобы воспринимать *рейд-3* в качестве третьего значения *рейд-2*. Но большую или решающую силу при идентификации имеют два отчетливо противопоставленных фактора. Во-первых, у них существенно различные семантические ядра или категориальная семантика: у *рейд-2* — «действие», а у *рейд-3* — «группа». Во-вторых, эти слова продуцируют различные, не пересекающиеся между собой словообразовательные ряды. Следовательно, логично все три слова: *рейд-1*, *рейд-2* и *рейд-3* — считать омонимами.

Рейда: устаревший вариант *рейд-1*, который с соответствующей пометой, отсылкой и примером употребления помещен в БАС [3].

Рейдер-2-1-1: «а, м. Военный корабль, имеющий боевое задание самостоятельно действовать на коммуникациях противника, главным образом, в целях уничтожения неприятельских судов. (...) *Военным кораблям на этом пути приказано поступать по своему усмотрению с немецкими подводными лодками и рейдерами* (...)» [Там же].

По свидетельству БАС, впервые это слово фиксируется в первом издании словаря С. И. Ожегова 1949 года. Слово ни в одном словаре не сопровождается ограничительными пометами. Это несколько странно в контексте того, что *рейд-2-1* пометой «воен.» непоследовательно сопровождается. Получается, что лексикографическая практика так и не определилась с вопросом, является ли *рейд-2-1* ограниченным в своем употреблении, но уверена, что *рейдер-2-1-1* — общеупотребительное слово. Еще одна неопределенность связана с происхождением слова: в равной мере можно предположить и то, что оно образовано от *рейд-2-1* с помощью суффикса *-ер* (*костюмер* и т.п.), и то, что оно заимствовано в готовом виде и имеет нечленимую основу.

Рейдер-2-1-2: «человек, занимающийся рейдерством». Толковыми словарями это значение не фиксируется. Оно представлено в энциклопедических словарях: «(англ. raider) (сленг) — физическое или юридическое лицо, приобретающее акционерную компанию без согласия ее акционеров, работников, администрации, использующее в этих целях процедуру покупки на открытых торгах, агрессивное скупающее контрольный пакет акций» [4]. Толкования интересны как первые словарные фиксации, в целом верны, но в то же время ориентированы авторами на специфику их словарей, а потому включают избыточную информацию и не в полной мере соответствуют употреблению слова в современном русском языке.

Рейдер-3: «[англ. raider < raid — набег, налет] — 3) *рейдеры* — кочевники, путешествующие гл. обр. на машинах и живущие около городов и поселков» [5]; «2. Р. (Fallout) — в компьютерной ролевой игре Fallout крупные банды, живущие в пустоши» [6]. Сопоставление этих двух дефиниций позволяет предположить, что номинации людей и компьютерных персонажей связаны так же, как то и другое связано с *рейд-3*. Первая культовая игра «Fallout» вышла в 1997 г. Значение еще не до конца оформилось, возникло не ранее конца XX века. В равной мере можно предположить, что оно образовано от *рейд-2-1*, от *рейд-3*, или было заимствовано как новая самостоятельная единица. В любом случае, более тесные семантические связи оно обнаруживает с *рейд-3* и вне зависимости от того, названы ли компьютерные персонажи именем кочевников или наоборот, маркировано как относящееся к виртуальной сфере.

Рейдерский-2-1-1: это слово отдельно толковыми словарями не фиксируется; представлено только как прилагательное к существительному *рейдер-2-1* и отдельно присутствует в орфографическом словаре.

Рейдерский-2-1-2: «имеющий отношение к рейдерству» словарями это значение не фиксируется вообще.

Рейдерский-3: «имеющий отношение к компьютерным играм, геймерам и современным кочевникам». Словарями это слово не фиксируется.

Рейдерство-2-1-1: «вид военных действий». Толковыми академическими словарями это слово не учитывается вообще. Оно представлено только в одном словаре энциклопедического типа — «Словаре конфликтолога», вышедшем в 2009 как электронное издание: «Захват или уничтожение торговых судов в ходе войны, осуществляемый военными судами — рейдерами» [6]. Являясь по своей сути верным, это определение не соответствует требованиям полноты и последовательности лингвистических толкований и содержит фактическую погрешность, что вполне объяснимо квалификацией авторов и не может быть поставлено им в вину. Напротив, они как ученые, которые первыми ввели слово в лексикографическую практику, дали ему право словарного гражданства, заслуживают благодарного упоминания. Более точным и последовательно включенным в лексикографическую традицию определением представляется такое: «Вид стремительных военных действий (набег, налёт), который осуществляется различными войсковыми соединениями (авиацией, кавалерией, разведкой, судами, танками) и партизанами в тылу противника с различными целями (нанесение ущерба, разведка) и проводится мобильными обособленными подразделениями, действующими самостоятельно без поддержки основных сил».

Рейдерство-2-1-2: «вид осознанной человеческой деятельности» Это слово толковыми словарями не фиксируется, отражается только в орфографическом словаре. То есть лингвистами его присутствие в языке осознается, но комментарии оно не удостоивается. И это при том, что есть статья в «Википедии», есть несколько фильмов, романов и множество исследований, посвященных самому явлению, постоянные упоминания в прессе, — то есть масса фактов, свидетельствующих о том, что слово активно используется в различных функциональных жанрах. В настоящее время значение этого слова отражает только «Словарь конфликтолога»: «2. Незаконный захват, поглощение предприятия (собственности) против воли его собственника или руководителя.». Этот же словарь содержит еще две объемные статьи: «рейдерство муниципальное» и «рейдерство товарное», в которых воспроизводятся типовые схемы действий, ориентированных на осуществление этих видов захвата чужой собственности.

Рейджвит: «сущ., м.р. (геймеры, онлайн-игры) значение (1): выход игрока из онлайн-игры в порыве гнева, сопровождающийся

эмоциональными и негативными высказываниями или оскорблениями в текстовом или голосовом чате, как правило, вследствие проигрыша. Значение (2): иногда употребляется по отношению к обычным чатам, когда чем-то разгневанный или расстроенный пользователь покидает чат. Пример текста: *Вчера он зашел к нам на сервер, хотел поиграть, но я его убивал каждый раунд и в результате довел до рейджвита*. Происхождение: От англ. rage-quit (ragequit) “яростный выход” слово из англоязычного геймерского жаргона. Синонимы: слив» [2].

Рейдирование: «ъ е, я, ср. Действие по знач. глг. *рейдировать*» [3].

Рейдировать: «рю, руешь, сов. и несов. (воен.). Совершить (совершать) *рейд* (см. *рейд*² в 1 знач.). *Рейдирующая конница*» [1]. С оценкой этого слова наблюдается та же загадочная картина, что и с определением принадлежности *рейд*-2: словарь Ушакова относит его к военной лексике, БАС не сопровождает этой пометой, затем в МАС помета возникает вновь, и в ТСЕ опять исчезает. С учетом того, что все четыре словаря относятся к авторитетным изданиям, а больше слово нигде не фиксируется, на этом примере в чистом виде представлена неопределенность отнесения.

Рейдовый: «á, м. (нов.). Участник рейда (см. *рейд*² во 2 знач.)» [Там же].

Помета «нов.» в словаре Ушакова указывает на то, что слово возникло не позднее сороковых годов XX века. Оно было создано по образцу номинаций: боевик — «член боевой группы», плановик — «работник плановой сферы», строевик — «строевой офицер», хоровик — «участник хоровой деятельности» и т.п.. Судя по тому, что Национальный корпус русского языка это слово не фиксирует, общеупотребительным оно так и не стало: из разряда неологизмов сразу перешло в разряд устаревших. *Рейдовый-1*: «а я, о е (мор.). *Прил. к рейд*¹. *Рейдовая стоянка*. *Рейдовая бочка* (бочка на рейде на мертвом якоре для пришвартовки к ней судна без отдачи якоря)» [Там же].

Рейдовый-2: «а я, о е (воен. и нов.). *Прил. к рейд*²» [Там же].

Избирательность лексикографических толкований объясняется тем, что слова *рейдер-2-1-2*, *рейдерский-2-1-2* и *рейдерство* появились и стали активно использоваться в русском языке не ранее конца XX века.

Отдельный интерес представляет собой тот факт, что эта небольшая группа слов насыщена словообразовательными синонимами, то есть словами, которые формально образованы с помощью различных частей и при этом имеют тождественные словообразовательные значения: *рейдер* и *рейдовый* — «человек, занимающийся рейдерством», *рейдерский* и *рейдовый* — «имеющий отношение к рейдерству», *рейдерство*, *рейджвит* и *рейдирование* — «процесс осуществления рейдерства». На одиннадцать полнзначных слов три синонимических ряда.

Эта картина — следствие самоорганизующегося столкновения двух процессов: омонимического отталкивания, то есть стремления к тому, чтобы различные лексические значения передавались специфическими

средствами, и унификации, то есть стремления к тому, чтобы единые категориальные (грамматические и словообразовательные) значения передавались едиными средствами. Поскольку действие этих процессов никто не в силах регулировать, а сами они противоположны по направленности, то в результате получается ситуация, при которой ни тот, ни другой процесс не побеждают, не доминируют.

Слова *рейдер-2-1-1*, *рейдерский* и *рейдерство* представлены только в специальных словарях. Но они фиксируют не языковые, а понятийные значения, толкуют понятие как объект, характеризующийся набором черт, актуальных для специальности, лексикон которой словарь описывает. Поэтому необходимо установить собственно языковые значения этих слов.

Восстановим значение и оценочный план слов из характера современных словоупотреблений: *рейдер* — *рейдерский* — *рейдерство*. Три эти единицы сводятся к единому семантическому комплексу: *рейдер* — «тот, кто занимается рейдерством», *рейдерский* — «относящийся к рейдерству», *рейдерство* — «вид осознанной человеческой деятельности». Таким образом, основное внимание сосредоточено на слове *рейдерство* как суммирующем семантические особенности всех трех слов. Контексты для анализа взяты из самого представительного в этом отношении источника — Национального корпуса русского языка, полно отражающего характер современных словоупотреблений и демонстрирующего все их особенности. Таких контекстов сотни.

Анализ их совокупности позволяет точно выявить значение и оценочный план слова *рейдерство*. Для этого необходимо проделать принятые в лексикографии и лексикологии процедуры, то есть установить: какими прямыми определениями оно сопровождается, в какие синонимические ряды включается, с какими единицами сочетается (какие единицы выступают в качестве его атрибутов) и каков общий оценочный план контекстов, в который оно включается. Рассмотрим характеристики по отдельности, а затем суммируем информацию.

Прямые толкования, которые раскрывают вкладываемый носителями русского языка в слово смысл: «⟨...⟩ идет рейдерство. Сегодня в Бишкеке бандиты приходят к предпринимателю с нотариусом, достают пистолет и говорят: “Перепиши свое дело на меня!”»; «90% незаконных захватов имущества основаны на недобросовестной регистрации юридических лиц... все рейдерские захваты построены на коррупции»; «рейдерство» (незаконный отъем собственности); «рейдерство получило широкое распространение, превратившись в самостоятельный вид преступления»; «Одним из проявлений неуважения к собственности, к труду других людей выступают незаконные захваты фирм (так называемое рейдерство)»; рейдерство — «грубый захват бизнеса с использованием административного ресурса». Толкования различаются широтой и степенью своей детализации,

но основное семантическое ядро называемого понятия в них представлено достаточно четко.

Характер и содержание прямых толкований, которыми сопровождается слово в контекстах, однозначно свидетельствуют о том, что в современном русском языке оно не является нейтральным названием профессиональной деятельности, а используется как номинация вида криминальных, безусловно негативно оцениваемых действий.

Суммируя все это, сложившееся в современном русском языке значение слова можно описать так: *рейдерство* – существительное, обозначает вид осознанной человеческой деятельности, тесно связанной с криминалом и состоящей в насильственном незаконном захвате чужой собственности, который осуществляется различными способами, как с применением физической силы, так и с использованием финансовых и административных рычагов давления на потерпевшую сторону. Рейдерство существует в экономической, политической, культурной и экологической сферах жизни общества. Носителями русского языка этот вид деятельности оценивается негативно.

Соответственно, *рейдерский* – прилагательное, характеризует объект как имеющий непосредственное отношение к рейдерству, занимающийся им, являющийся компонентом его действий или результатом.

Литература

1. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
2. Молодежный сленг // Вокабула Энциклопедии, словари, справочники – онлайн // <http://www.вокабула.рф/>
3. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. М.-Л., 1950–1965.
4. Экономический словарь // [http:// enc-dic.com/economic/Rejder-13343.html](http://enc-dic.com/economic/Rejder-13343.html)
5. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2000.
6. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. М., 2009. Электронная книга // <http://www.litmir.co/br/?b=222888>

*Государственный технологический университет
Комсомольск-на-Амуре*

Причинные предлоги в разных стилях речи

© ГУН ЦЗИНСУН

Причинные предлоги в русском языке различаются и стилистически: у них разные возможности функционирования в разных стилях речи. Лишь некоторые из них стилистически нейтральны и поэтому употребляются как в разговорной, так и в книжной речи, в большинстве же они закреплены за книжными стилями речи. Это обусловлено прежде всего активным развитием деловой письменности в XVIII веке. В данной статье уточнена возможность функционирования русских причинных предлогов в том или ином стиле речи, распределены сферы их употребления, а также выявлен стилистический фактор недопустимости синонимической замены среди рассматриваемых предлогов.

Ключевые слова: причинные предлоги, стилистические различия, разговорная речь, книжная речь, речевое клише.

Causal prepositions in the Russian language differ stylistically: this group of prepositions is uneven in the different speech styles because of their various functions. Among them only a few are stylistically neutral and therefore they function as in the spoken and in written discourse, and the rest of them is mainly used in the written language. This is the primary result of active development of business letters in the XVIII century. This article clarifies the possibility of functions of the causal prepositions in a particular style of speech in the Russian language and divides the scope of their use.

Key words: causal prepositions, stylistic differences, spoken language, written language, speech clichés.

Предлог в современном русском языке понимается как такая служебная часть речи, которая, обладая отвлеченным лексико-грамматическим значением, указывает на отношение управляемого компонента к управляющему, входит в состав определенного члена предложения склоняемой формы и отражает подчинительные отношения между объектами, объектом и действием, объектом и признаком в составе словосочетания [1].

В лингвистических исследованиях последнего десятилетия особый акцент делается на функциональных особенностях предлога: предлог равноправен с падежной формой, поскольку он так же, так и управляемый падеж, выполняет функцию соединения подчиняющего и подчиняемого компонентов для выражения определённых грамматических отношений, вводя в словосочетание или предложение косвенный падеж имени существительного или обобщенно-предметного местоимения, поэтому данная часть речи называется служебной [2. С.122].

В силу семантической специфики лексического наполнения предложных конструкций предлоги становятся содержательно разнообразными, но в настоящем исследовании наше внимание сосредоточено только на предлогах с причинным значением, при этом мы ограничиваемся изучением одного из их свойств — стилистических различий.

В современном русском языке выделяются предлоги, которые в определенной степени стилистически своеобразны и, соответственно, недопустима их замена другими. Среди них особое место занимают производные предлоги, которые обладают либо только книжным, либо только разговорно-бытовым оттенком и при этом закреплены только за каким-то определенным стилем речи: «Но он не жаловался на судьбу и не желал себе иной доли, чем та, которую имел *по милости* Курфюрста» (Василь Быков. Главный кригсман) (*по милости* — предлог с разговорно-бытовым оттенком); «Например, этим отличаются девочки-подростки в возрасте 14—15 лет *вследствие* недополучения внимания, заботы и любви в семье (Известия. 2002.3 февр.) (*вследствие* — предлог с публицистическим оттенком) [3].

Следовательно, между причинными предлогами также наблюдаются существенные стилистические различия, в результате которых выявляется их неравномерная возможность использования в текстах разных стилей: одни из них допустимы для употребления в том или ином стиле речи, а другие — только в определенном стиле. Стилистические пометы к причинным предлогам даны в разных толковых словарях, к примеру, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: *В силу чего — предлог с род.п. (книжн.)* [4. С. 238].

Меньшую часть причинных предлогов следует отнести к стилистически нейтральной лексике: *из, за, от, по* и др., а некоторым другим свойственна книжная окраска, поэтому они в первую очередь фигурируют в книжном стиле, например: *по причине, в связи с, в силу* и т.д. На этом основании можно утверждать, что в современном русском языке межстилевыми, т.е. пригодными для употребления в разных функциональных стилях речи, чаще всего признаются непроизводные причинные предлоги, а стилистически маркированными — производные причинные предлоги типа *в силу, вследствие, ввиду* и мн. др., омонимичные предложно-падежным сочетаниям с определенными знаменательными частями речи [5].

Обратимся к рассмотрению характера поведения причинных предлогов разной структуры в разных функциональных стилях речи и в то же время их стилистических различий.

Так, производные причинные предлоги *по причине, вследствие, ввиду, по случаю, по поводу, в силу, в связи с, согласно, под влиянием, в соответствии* с обладают книжной окраской и, следовательно, характерны для текстов книжно-делового, канцелярского, научного, газетно-публицистического стилей. Приведем примеры употребления этих предлогов в книжных стилях речи:

«Экстренная отмена запрета допустима только в том случае, если должник отправляется за границу на лечение или *по причине* смерти близких родственников» (Комс. правда. 2011. 12 мая);

«*По случаю* международного дня медицинской сестры, который ежегодно отмечается 12 мая, вице-председатель демократической партии Валентина Булига поздравила медсестер с их профессиональным праздником» (Там же);

«В 1955 г. в журнале “Вопросы психологии” было опубликовано хранившееся в архиве приветственное письмо И. П. Павлова Г. И. Челпанову *по поводу* открытия Психологического института, которое тогда многим показалось удивительным» (Вопросы психологии. 2004. 13 апр.);

«Именно она *в силу* служебных обязанностей расставляла контролеров по объектам, то есть на заводских проходных» (Комс. правда. 2011. 12 мая);

«В апреле *в связи с* повышенной неопределенностью спрос немного сократился, но по-прежнему сохраняется на очень высоком уровне» (РБК Daily. 2011. 28 апр.);

«Согласно уставу партнерства, чтобы созвать внеочередное собрание членов НП РТС, достаточно было уже 20% голосов» (РБК Daily. 2011.18 апр.);

«В соответствии с приказом Минпрома ПМР и до особого распоряжения будут обогреваться здания детских садов, школ и больниц» (Новый регион 2. 2011.13 апр.);

«Но Вселенная скоро изменится *под влиянием прогресса...*» (Известия. 2002.16 мая).

Отысканный причинный предлог *по милости* и первообразные предлоги *через* и *с* закреплены за сферой разговорной речи:

«*По милости* этого человека я потерял почти целый год — в 2005-м меня ни в аренду не отдали, ни зарплату не заплатили» (Советский спорт. 2009. 15 янв.);

«В одном случае *через* жадность создают империю, в другом — *через* жадность грабят ларек» (Новая газета. 2003.30 янв.);

«Или она *со страху* с балкона сиганет» (Дина Рубина. Окна).

Предлог *через* обладает наиболее заметной сниженной стилистической окраской (разговорно-просторечной), а его употребление в контексте книжного стиля расценивается как речевая ошибка, вследствие чего невозможна и его замена каким-то другим предлогом, ему синонимичным, но характерным только для книжной речи. Например, недопустимо употребление *через* вместо *по причине* в предложении «Вижу я, начал он *через* тоску свою / *по причине* своей тоски — в кабачок» [Г. И. Успенский. На постоялом дворе (Летние сцены). В рассказе А. П. Чехова «Письмо к ученому соседу» выражение с предлогом *чрез* (вместо предлогов *за* или *благодаря*) является одним из средств речевой характеристики и помогает создать образ полуграмотного, но претендующего на образованность человека: «Я пламенно люблю астрономов, поэтов, метафизиков, приват-доцентов, химиков и других жрецов науки, к которым Вы себя причисляете *чрез* свои умные факты и отрасли наук, т.е. продукты и плоды» [6]. Комический эффект в этом примере создается в том числе за счет нарушения лексических условий употребления предлога *чрез*, а также за счет включения книжной формы *чрез* (а не *через*) в контекст с большим количеством нарушений норм книжной речи.

Предлог *по милости*, в силу переносного (антонимического) значения, в котором употребляется его субстантивный компонент, имеет иронический характер, отмечаемый словарями, например: «*По милости* кого или чьей (ирон.) — из-за кого-н., по вине кого-н. *По твоей милости опоздали*» [4. С. 168].

Причинные предлоги *из-за*, *из*, *за*, *от*, *по*, *благодаря* являются стилистически нейтральными и могут быть использованы как в разговорной, так и в книжной речи:

«Он (гольф) был олимпийским видом спорта, но был вытеснен *из-за* буржуазности, затем снова возвращен в олимпийскую семью» (Комс. правда. 2011.14 мая);

«Подросток может попытаться покончить с собой *из* желания привлечь к себе внимание: это или демонстрация («посмотрите, на что я способен»), или манипуляция (“вы не хотите, тогда я вам так отвечу”))» (Комс. правда. 2011.4 февр.);

«Транслятор Лаврова *благодаря* простоте входного языка и высокой эффективности компиляции приобрел большую популярность. (Computerworld. 2004).

«В самом деле видели статую? — спросила девушка и, вынув руку из воды, мизинцем, который ей *по глупости* показался наименее мокрым, приткнула сбившиеся волосы под косынку» (Фазиль Искандер. Время счастливых находок);

«Справедливой критике подверглись проверяющие органы, сурово карающие *за нарушение* закона о применении контрольно-кассовых машин» (Богатей. 2003. 24 апр.).

Предлоги *в связи с, согласно, в соответствии с, в силу*, характерные для научной речи, стали речевыми клише и в жанрах деловых документов, поэтому они функционируют как в научном, так и официально-деловом стилях речи. Так, *в связи с, в силу* используются в заявлениях, объяснительных записках; *в соответствии* — в юридических документах: «Прошу выдать мне новый паспорт *в связи с* потерей прежнего»; «*В силу* сложившихся семейных обстоятельств я не могу присутствовать на заседании жилищной комиссии 3 марта 2011 года»; «*В соответствии с* пунктом 2 параграфа 5...»; «*Согласно* постановлению Правительства РФ...».

Таким образом, причинные предлоги (как и союзы, частицы) всегда важны функционально: они объединяют знаменательные слова в минимальную синтаксическую единицу — синтаксему, обогащая ее определенным стилистическим оттенком. В то же время между причинными предлогами обнаруживаются очевидные различия стилистического характера, вызывающие затруднение при выполнении их синонимической замены. Это обусловлено в том числе исторически: значительная часть причинных предлогов сформировалась в сфере книжной речи в эпоху ее активного развития. Стилистически нейтральными является примерно третья часть предлогов (*из-за, из, за, от, по, благодаря*), а большинство остальных — это производные предлоги, функционирующие преимущественно в книжных стилях (*по причине, вследствие, ввиду, по случаю, по поводу, в силу, в связи с, согласно, под влиянием, в соответствии с*). Такие предлоги, как *согласно, в соответствии, в связи с* формируют речевые клише в некоторых жанрах деловой письменной речи.

Литература

1. Колесникова С.М. Современный русский язык. Морфология. М., 2015. С. 221–222.
2. Колесникова С.М. Роль предлога в реализации градуальной семантики текста (на материале художественно-поэтических текстов М. Цветаевой) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сб. научн. тр. М., 2016. С. 122.
3. Максимова В. И. Стилистика и литературное редактирование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/6307281/page:72/> (дата обращения: 23.09.2016).
4. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
5. Современный русский язык. Анализ языковых единиц: учеб. пособие для студентов филол. фак. пед. ун-тов и ин-тов в 3-х ч. Ч. 2: Морфология / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 1995. С. 140.
6. Чехов А.П. Письмо к ученому соседу [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека. URL: <http://ilibrary.ru/text/32/p.1/index.html> (Дата обращения: 22.09.2016).

*Московский педагогический
государственный университет*

Мужчина: лексикографический портрет

© Н.В. ЧЕРНИКОВА,
доктор филологических наук

В статье на основе лексикографического анализа описываются семантические, прагматические, фразеологические, стилистические свойства существительного *мужчина*.

Ключевые слова: *мужчина, мужик, лексикографический портрет, семантика, коннотации.*

In article on the basis of the lexicographic analysis semantic, pragmatical, phraseological, stylistic properties of a noun the man are described.

Keywords: *man, man, lexicographic portrait, semantics, connotations.*

Составив лексикографический портрет понятия «женщина» [1], мы обратились к лексикографическому анализу понятия «мужчина». Семантика существительного *мужчина* в толковых словарях представлена по-разному. Например, в 4-томном словаре русского языка оно зарегистрировано как однозначное с оттенками значения: *мужчина* – «лицо, противоположное по полу женщине // взрослый человек этого пола в отличие от юноши, мальчика // лицо мужского пола, отличающееся мужеством, твердостью» [2]. Большой толковый словарь русского языка у леммы *мужчина* фиксирует два значения: 1) «лицо, противоположное

по полу женщине // взрослый человек этого пола в отличие от юноши, мальчика»; 2) «лицо мужского пола как воплощение определенных свойств, качеств (суровости, твердости, честности и т.п.)». *Настоящий мужчина. Будьте мужчиной. Из него не получится мужчины. Вести себя как мужчина* [3].

Несмотря на некоторое расхождение в толковании слова, словари единодушны в главном: в основе его содержания лежат ядерные смысловые элементы: «лицо», «пол», «не женщина». На них базируются два оттенка значения моносеманта [2] и второе значение полисеманта [3], которые отражают универсальные (общечеловеческие) представления о свойствах, качествах лиц мужского пола: «мужество», «твердость», «суровость», «честь» и т.п. Предполагаем, что экстралингвистические факторы – востребованность данных мужских качеств в современном обществе (при их отсутствии, по мнению женщин, у многих представителей мужского пола) – стали причиной развития семантики слова. На рубеже XX–XXI веков произошла дивергенция («расщепление») смыслового содержания существительного *мужчина*, т.е. преобразование оттенка значения в самостоятельное значение. В результате – прежде однозначное слово [2] стало многозначным [3].

Как отмечают этимологические словари, слово *мужчина* представляет собой собственно русское образование с суффиксом *-ин(а)* от прилагательного *мужской* по аналогии со словом *женщина* [4]. *Мужской* и *мужчина* восходят к общеславянскому *муж*, употреблявшемуся в древнерусском языке с XI века в значениях «человек», «мужчина», «именитый человек», «супруг» [5].

Итак, *муж* и *мужчина* – это этимологически родственные слова, имеющие один общеславянский корень. И если в современном языке за словом *муж* закреплено значение «женатый мужчина (по отношению к своей жене)», то прежде *муж* – это не только супруг, но и вообще мужчина, а также мужчина в полных годах, возмужалый, в зрелом возрасте. Вспомним слова Марины Мнишек в поэме А. С. Пушкина «Борис Годунов», обращенные к Григорию Отрепьеву, выдающему себя за царевича Дмитрия: «Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа».

Именно в таких значениях лексема *муж* зарегистрирована в словаре В. И. Даля, где *мужчина* – один из членов сильно развернутого словообразовательного гнезда. *Муж* – «человек рода *он*, в полных годах, возмужалый; возрастной человек мужского пола... супруг, народн. хозяин, образующий с женой чету... *Муженек, муженка*, – *нушка, мужилка* ласкат. ... *Мужак*... *пск. твр.* здоровый парень и силач. *Мужик*, муж, мужчина простолудин, человек низшего сословия; крестьянин, помещанин, селянин, пахарь, земледел, – *делец*, – *пашец*, *хлебопашец*; *тягловой* крестьянин, *семьянин* и *хозяин*... *Здоровый мужик, дюжий человек, крепкий, видный, но грубоватый. Человек необразованный,*

невоспитанный, грубый, неуч, невежа... *Мужлан, мужланюга, мужло... пск. грубый, неотесанный мужик, неуклюжий парень...*» [6].

Обратившись к словарям синонимов, мы выявили вторичные средства обозначения понятия «мужчина»: *дядя* (разг.), *мужик* (прост.), *муж* (уст. и высок.) / *ко мн. собир.: сильный пол* [7], *сильная половина человечества*. Каждая единица синонимического ряда отличается от других его членов семантическими, коннотативными, стилистическими и прочими признаками.

В современном неофициальном общении высокая речевая частотность характерна для лексемы *мужик*, которая имеет давнюю традицию употребления. В народной культуре *мужик* — это деревенский (обычно женатый) мужчина, крестьянин. В классической художественной литературе находим множество примеров подобного употребления. Например: «Раз я видел, сюда мужики подошли, деревенские русские люди» (Некрасов. Размышления у парадного подъезда). В XIX веке, в зависимости от речевой ситуации и социального статуса коммуникантов, в семантике лексемы *мужик* актуализировались амбивалентные оценочные коннотации — «труженик, пахарь, сеятель, работник» и «грубый, невежественный, невоспитанный, неопрятный человек».

В наше время за словом *мужик* закреплены разные коннотативные смыслы. Во-первых, оно нередко выступает в функции характеристики с положительным оценочным значением: *Он настоящий мужик!* В зависимости от ситуации общения в этом высказывании актуализируются семантические признаки «сила», «крепость», «надежность», «ответственность», «честность», «мужество», «бесстрашие» и т.п., т.е. качества, которые априори присущи представителям сильного пола. Во-вторых, социально значимым остается закрепленное в современных толковых словарях отрицательное значение «невоспитанный, грубый, неопрятный человек» (*мужик мужиком; как был мужиком, так и остался*).

Однако нередко носители языка при упоминании о представителях мужского пола в неофициальном общении используют данный языковой знак в оценочно нейтральном значении. Причем такое словоупотребление свойственно разговорной речи даже образованных слоев населения. Например: *В приемной ожидали своей очереди два мужика в строгих деловых костюмах; Из машины вышел солидный мужик, это был сотрудник московской мэрии.*

Считаем, что широкое распространение просторечного слова *мужик* вместо нейтрального *мужчина* объясняется разными причинами. Одна из них — снижение общей культуры речи и культуры общения, которым охвачены все, без исключения, слои населения, что обусловлено прежде всего экстралингвистическими факторами. Другая причина — это ослабление, а иногда и утрата «среднестатистическим» мужчиной исконно мужских качеств, в числе которых деловитость, стойкость к жизненным

невзгодам, ответственность за выполняемую работу, надежность, честность, честь. Многие мужчины перестали быть опорой для своих жен, детей. Под влиянием социальных условий женщина берет на себя функции мужчин. Вот и звучит из уст современной феминистки пренебрежительное, а иногда и презрительное: *мужичишка, мужичонка, мужичье*, а также: *Ну и мужики пошли!*

В духовно-ментальном пространстве русского народа на протяжении столетий формировались представления об отличиях от женского мужского мышления, характера, поведения. Многие сложившиеся социальные стереотипы, касающиеся осмысления образа мужчины коллективным сознанием, нашли отражение во фразеологии русского языка. Обратившись к фразеологическим словарям, словарям пословиц и поговорок [8; 9], мы выявили тематические группы паремий, смысловым центром которых является *мужчина (муж)*.

Мужчина – кормилец, содержатель семьи: *Муж – дому строитель, нищете отгонитель; Отцам копить, а деткам сорить*.

Основное занятие мужчины – труд: *Бабе – изба, мужику – соха; Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*.

Мужчина – воин: *Воин воюет, а жена дома горюет; Мужичок не кочеток, а драться хочет*.

Мужчина – хозяин, опора, защита для своей жены, семьи: *За мужниной спиной как за каменной стеной; Без мужа – что без головы; без жены – что без ума*.

Перечисленные группы паремий содержат положительные коннотации, показывающие сложившиеся стереотипы оценки лиц мужского пола.

В народной фразеологии закрепились и некоторые бытовые стороны образа мужчины. Мужчина любит выпить: *Где кабачок, там и мужичок; Задумал мужик брагу сварить, а черт уже с чаркой стоит*; хорошо поесть: *Путь к сердцу мужчины лежит через желудок*. Мужчина порой надеется на счастливую удачу: *На авось мужик и хлеб сеет*; спохватывается только тогда, когда приходит беда: *Пока гром не грянет, мужик не перекрестится*.

Одним из свидетельств богатства содержания понятия «мужчина» являются стилистические средства литературного языка, в частности эпитеты. Обратившись к «Словарю эпитетов русского литературного языка», созданному на основе обследования художественных и публицистических текстов русских писателей XIX–XX веков, мы выяснили, что в нем зарегистрированы эпитеты только к существительному *муж* [10]. В словаре отмечены следующие семантические зоны, актуальные для индивидуального и коллективного сознания, рождающие разнообразные ассоциации и интерпретации:

супруг – эпитеты, имеющие положительные коннотации: *безропотный, благодущный, благопристойный, благоразумный, верный, добрый, домовитый,*

дорогой, достойный, заботливый, идеальный, кроткий, ласковый, любящий, милый, нежный, образцовый, умный, чадолюбивый (устар.), честный, чуткий и др. Например: «А во-вторых, замечу я, *благопристойные мужья* для умных жен необходимы» (Пушкин. С. Г. Родзянке); «Живете вы с *серьезным, умным мужем*» (Есенин. Письмо к женщине); эпитеты с отрицательными коннотациями: *вероломный, вздорный, грозный, грубый, гуляющий (разг.), жадный, ленивый, неверный, недостойный, плохой, сварливый, скупой, скучный, эгоистичный* и др. Например: «Что может быть на свете хуже семьи, где бедная жена грустит о *недостойном муже*, и днем и вечером одна» (Пушкин. Евгений Онегин); «*Старый муж, грозный муж*, режь меня, жги меня: я тверда, не боюсь ни ножа, ни огня» (Пушкин. Цыганы);

деятель на каком-либо общественном поприще (в современном языке употребляется обычно в возвышенной, торжественной речи) — эпитеты, имеющие исключительно положительные коннотации: *бесстрашный, благочестивый, великий, высокочтимый, гордый, дерзновенный, именитый, мудрый, порфиноносный (устар.), почтенный, разумный, рассудительный, сильный, славный, смелый, твердый, ученый* и др. Например: «Ничто так не поразительно, как дивная и горестная судьба этих трех *великих мужей*: Минина, Палицына и Никона» (Белинский. Русская история для первоначального чтения); «Войско... приступило к Волоку Ламскому, где начальствовал *храбрый, опытный муж* Василий Иванович Березуйский» (Карамзин. История Государства Российского).

Перечисленные эпитеты являются общеязыковыми, они частотны в литературном языке, следовательно, отражают типичный, сформировавшийся образ мужчины — супруга и государственного или военного деятеля.

Особый интерес представляют индивидуально-авторские эпитеты, в основе которых лежат неожиданные, часто неповторимые смысловые ассоциации. В «Словаре эпитетов» к слову *муж* в значении «деятель на каком-либо поприще» зарегистрирован только один редкий эпитет *твердо-осторожный*, который употребил В. А. Жуковский в поэтической повести «Рустем и Зораб»: «Иди же в бой, Зораб, не опрометчивым ребенком, а *твердо-осторожным мужем*».

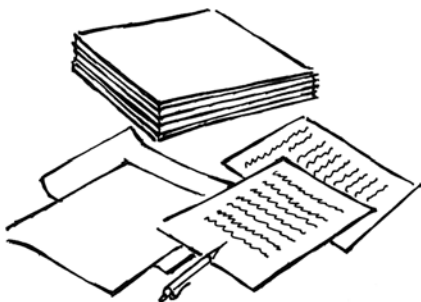
Проведенный анализ показал, что в русском языковом сознании образ мужчины, как и женщины, многомерен, он складывается из противоречивых, порой амбивалентных признаков, обладает богатством разнообразных ассоциаций и интерпретаций.

Литература

1. Черникова Н. В. *Женщина: лексикографический портрет* // Русская речь. 2015. № 3. С. 61—67.
2. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986. Т. II.

3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2004.
4. *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
5. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 1999. Т. II.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2002. Т. II.
7. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1969.
8. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1978.
9. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2007.
10. *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.

*Мичуринский государственный аграрный университет
Мичуринск Тамбовской обл.*

От «респекта» до «уважухи»

© Э. Д. ГОЛОВИНА,
кандидат филологических наук

Чем обусловлена продуктивность тех или иных словообразовательных типов (моделей) в определённые периоды нашей истории? Какие из них продуктивны сегодня? В каких сферах общественного бытия наблюдается актуализация данных моделей и почему? Ответы на эти и другие, смежные вопросы предлагаются в заметках, посвященных именам существительным на *-уха* в современном русском языке.

Ключевые слова: язык СМИ, словообразовательный тип, словообразовательная продуктивность, словообразовательная модификация, жаргонизация национального языка.

In her article called «From “respect” to “uvazhukha”» professor E. Golovina analyzes functioning of the nouns ending with «-ukha» in modern mass media language based on thorough certification of enormous material. Victorious procession of the productive world-building model «-ukha» is considered as a testimony of the slang element extending in Russian language in XXI century.

Key words: mass media language, world-building model, word-building productivity, world-building model, slang element extending.

Начнем с того, что «принудительную» структурно-семантическую связь производного слова с производящим описал еще Г. О. Винокур в своих «Заметках по русскому словообразованию» [1]. Предсказуемость словообразовательных пар есть не что иное, как продуктивность каждой данной словообразовательной модели.

В порядке анализа конкретного материала рассмотрим, в какие словообразовательные пары входят частотные в современном медиадискурсе имена существительные на *—уха*.

До конца XX века в медийном предъявлении было известно единственное оценочное имя существительное «показуха». Когда его описывал Л. П. Крысин [2], данной лексемы еще не было ни в одном словаре.

Судя по всему, слово родилось как экспрессивный жаргонизм из терминологического словосочетания «показные полеты» в языке летчиков. Мудрый К. И. Чуковский, в противовес пуристам, слово «показуха» приветствовал за его выразительность. И оказался прав: оценочное словцо живо и сейчас (обозначаемое им явление, к сожалению, тоже), однако пик его частотности остался в прошлом веке. Современные примеры: «Давайте уж сокращаться по-настоящему, а не для *показухи*» (Бизнес Новости. 2015. № 12); «Явление приставов Законодательному Собранию депутат Туруло назвал “*показухой*”» (Навигатор. 2015. № 13).

Т. Ф. Ефремова в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» [3] представляет шесть омонимичных словообразовательных элементов *—ух-*, задействованных в системе субстантивов современного русского языка. К анализу медийного дискурса наших дней имеют отношение два из этих элементов.

Во-первых, это «достаточно регулярная, но непродуктивная (свойственная преимущественно лишь словам диалектной речи) словообразовательная единица», как в словах типа *краюха* (от *край*), *зеленуха* (от *зеленый*), *заваруха* (от *завариться*).

Во-вторых, это «достаточно регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая стилистически сниженные синонимы мотивирующих имен существительных», например: *Валуха* (от *Валя*), *комнатуха* (от *комната*) [Там же].

Как видно из примеров, слова на *—уха* восходят к разным частям речи — существительным, прилагательным и глаголам. Непосредственно именами прилагательными в наших материалах мотивировано всего несколько из них:

половуха (от *половой*) — физиологическая реальность: «Духовка» — это на «Культуру (телеканал. — Э.Г.)», «*половуха*» — это к нам» (Эхо Москвы. Человек из телевизора. 2015. 26 сент.);

желтуха 1 (от *желтый*) — бульварщина: «Ну что там смотреть, одна *желтуха*!» (МК. 2014. 28 февр.); «Вчерашний школьник называет себя журналистом и начинает «гнать *желтуху*» (Бизнес Новости. 2014. № 39);

чернуха 1 (от *черный*) — темные стороны жизни: «Главное, чтобы не было *чернухи*, сцен насилия» (Аргументы недели. 2014. № 43); «Ну что вы в своей коммунистической газете одну *чернуху* пишете!» (Голос народа. 2010. № 1); «Может, Балабанов снимал “*чернуху*”? Но “*чернуха*” — кино без надежды» (Точка Ру. 2014. № 3);

чернуха 2 (от *черный*) — беззаконие, беспредел: «Неужели власти города так сильно боятся коммунистов, что не гнушаются откровенной *чернухой* и нарушениями закона?» (Информационный бюллетень КПРФ. Киров. 2016. Июнь); «У нас перестала работать конституция, когда пошла откровенная *“чернуха”* на городских выборах. Потом мы вышли на выборы в госдуму, и там опять пошла *“чернуха”*» (Навигатор. Киров. 2012. № 8).

Значительно большая часть отаждективных образований мотивирована словосочетаниями «прилагательное + существительное» и тождественна им:

Бытовуха 1 (бытовое правонарушение): «Полковник старательно уводил журналиста от шпионских страстей и пытался всё свести к обычной *бытовухе*» (Аргументы недели. 2015. № 26); «Они ищут *“бытовуху”* и не хотят признавать, что действуют по политическим мотивам» (Собеседник. 2015. № 18); «Всё же стихийно происходило. И изначально это была чисто *бытовуха*» (Бизнес Новости. 2012. № 26); «Причина банальна донельзя — пьяная *“бытовуха”*» (Мир криминала. 2012. № 33); «Макаров и Хисамов предложили зарезать жертву армейским ножом, чтобы подать расправу как банальную *бытовуху*» (Мир криминала. 2014. № 46);

выкидуха (выкидное лезвие): «Мужчина остановил свой выбор на *выкидухе* — ноже с выкидным лезвием, имевшем ограничитель для руки и прочный клинок» (Мир криминала. 2013. № 5);

желтуха 2 (желтая пресса): «Про селебрити пишут не в “Комсомольской правде”, а в какой-нибудь *желтухе*» (Комс. правда. 2013. 7 нояб.);

лобовуха (лобовое стекло): «Но характер травмы и отверстие от удара головой в *“лобовуху”* изнутри с водительского сидения показали, что это был именно он» (Источник новостей. 2016. 16 янв.); «Через заднее стекло “Жигулей” в *лобовуху* автомобиля майора полетели пули» (Мир криминала. 2014. № 38);

мокруха (мокрое дело): «Асаро готовит очередную *“мокруху”*: он велел подчиненному перерезать горло своему давнему недругу» (Мир криминала. 2014. № 7); «Стволы и гранаты для той *мокрухи* выделил Осина» (Мир криминала. 2014. № 43);

ролевуха (ролевая игра): «Ролевые игры действительно освежают отношения. Если не заигрываться. Пока ваше желание во время *ролевухи* направлено на любимую — это нормально» (Комс. правда. 2012. 27 сент.);

спецуха (специальная операция): «Белых санкционировал ... *“спецуху”*, зачистку, скупку маргиналов и мочилово конкурентов» (Вятские плутни. 2010. 17 сент.).

Отметим, как разнообразна сочетаемость исходных адективов, давших жизнь широко употребительному сегодня существительному *заказуха* — «заказное убийство»: «Потом все переругались, вплоть до разборок с бандитами. Слава Богу, удалось избежать взаимной *заказухи*» (Бизнес Новости. 2013. № 29); «Ментовская *заказуха*» (Мир криминала. 2013. № 51); «*Заказуха* по-таджикски» (Мир криминала. 2014. № 5); «Железобетонная

“заказуха”. Пропавшего липецкого депутата убили и закатали в бочку с цементом» (МК. 2013. 6 марта);

«заказное мероприятие»: «— Приходилось участвовать в заказных митингах и мероприятиях? — Мы никогда не участвовали в “заказухе”» (Вятский наблюдатель. 2015. № 6); «Ну еще верят в то, что все это финансируется американцами, а потому люди просто не ввязываются в эту “заказуху”» (Бизнес Новости. 2012. № 40);

«заказной компромат»: «Я в своей жизни уже с таким количеством “заказухи” сталкивался и посильнее и побольнее. Вспомнить те же наезды НТВ» (Навигатор. 2012. № 12); «Кандидатов много, но все шансы у одного», — так, помнится, называлась нехитрая “заказушка”...» (Вятская особая газета. 2014. № 23);

«заказное произведение»: «“Заказуху ненавижу!”. Легендарному композитору Давиду Тухманову — 75 лет» (Аи Ф. 2015. № 29); «Захар, ваш сборник — этакая заказуха...» (Аи Ф. 2015. № 14); «Все эти отзывы — чистой воды заказуха» (Мир криминала. 2013. № 5); «Мне совсем неинтересны производственные романы, политические памфлеты и всякого рода “заказуха”» (Наш город. 2015. № 104).

Академическая «Русская грамматика» в параграфе 279 [4] представляет следующую модель на —уха: существительные, «мотивированные как беспрефиксными, так и префиксальными глаголами». Обращают на себя внимание при этом экспрессивно-эмоциональные пометы — в сравнении с нашим сегодняшним восприятием: *показать* — *показуха* (нов. разг. неодобр.); *(не)везти* — *(не)везуха* (нов. прост.).

Высокая частотность отглагольных новообразований на —уха в современной медийной речи позволяет говорить о продуктивности данной модели в современном русском языке. Например:

веселуха (веселиться): «*Веселуха*, мемы и прочая юмористическая компания — это замечательно» (Навигатор. 2015. № 1); «Часто ли вас приглашают на всякие такие пьяные *веселухи*?» (Конкурент. 2012. № 23); «Но самая *веселуха* пришлось на арию Лыкова, обставленную как телешоу» (МК. 2014. 31 янв.); «А Россия тем временем уже вовсю готовится к новой *веселухе*» (Вятская особая газета. 2013. № 31);

замануха (заманить): «Если вы не крутой специалист, не советую соглашаться на предложенную *замануху*» (Мир криминала. 2014. № 40); «Фейковые объявления называются *заманухами*» (Эхо Москвы. Говорим по-русски. 2015. 4 окт.);

непруха (не переть): «Нелли ошиблась всего три раза из 33, однако на этом чемпионате у слониhi началась *непруха*» (МК. 2014. 27 июня); «Праздничная *непруха*. Ограбление в Рождество» (Мир криминала. 2013. № 3);

пруха (переть): «*Пруха* на рыбалке» (Вятский наблюдатель. 2013. № 15);

расслабуха (расслабиться): «Такая *расслабуха*, что не хотелось ничего делать» (Вятская особая газета. 2007. № 22).

Оговоримся, что некоторые словопроизводные пары здесь допускают неоднозначные трактовки. Существительное на *—уха* в них может быть с одинаковой вероятностью мотивировано как глаголами, так и существительными (о чем речь впереди). Иллюстрацией может служить слово *везуха* (от *везти* или от *везение*): «И если по части рождаемости в какой-то момент еще может случиться нечаянная *везуха*, то по части смертности, увы» (Вятская особая газета. 2013. № 2); «Дальше моя личная *везуха* продолжалась. Абсолютно случайно мой пиджак оказался копией официальной формы, в которую одели российскую делегацию» (Российская газета. 2013. № 246).

Бросается в глаза очевидное преобладание в массиве исследуемых существительных на *—уха* словообразовательных единиц второго типа, описанных в словаре Т. Ф. Ефремовой. Это имена существительные, мотивированные существительными же, где суффикс *—уха* имеет модификационное значение. «Суть словообразовательной модификации заключается в добавлении к основному значению мотивирующего слова некоторого дополнительного смысла» (4. Т. 1. С. 183), а также моментов субъективно-оценочных и стилистических. Так, реку Волгу «речухой» вряд ли назовут (ср.: «Мы стояли на мосту через *речуху*, которая протекала между нашей школой и оперным театром» (Аргументы недели. 2016. № 33), а *видуха* — это не просто «вид», а намек на то, что человек выглядит, мягко говоря, неважно: «Ну и *видуха* у губернатора!» (устный диалог. Киров. 2015. 9 окт.).

Традиционно источником модного поветрия в словообразовании считается тюремный жаргон, что доказывают следующие примеры:

кликуха и погремуха (клика): «И вам лишь осталось гордиться угрюмо *кликухой* мальчика из Уржума» (Вятская особая газета. 2013. № 13); «А мы, что, все *погремухи* воров и самозванцев должны запомнить?!» (За решеткой. 2011. № 3);

поселуха: «Существует такой вид наказания, как колония-поселение. Большинство *поселух* находится на севере» (Мир криминала. 2014. № 8); «Вот и к нам на *поселуху* заехал именно такой “настоящий вор”, 23-летний первоход» (Мир криминала. 2014. № 17);

доказуха (доказательство): «Это железная *доказуха*» (ТВ «Россия 1». Тайны следствия. 2012. 11 янв.); «С *доказухой* у следствия все в порядке» (Мир криминала. 2012. № 51); «Видимо, с *доказухой* у следствия было слабовато» (Мир криминала. 2013. № 42); «Поднакопив *доказухи*, опера перешли в наступление».

Однако сегодня от спецконтингента в части речевых трендов мало отличаются носители «интеллигентских» жаргонов — представители творческих профессий, в том числе работники СМИ, искусства и т.д.:

дезуха (дезинформация): «По городу пошла гулять *дезуха*» (Вятская особая газета. 2012. № 9);

прессуха (пресс-конференция): «Официальную статистику подбили еще в сентябре на *прессухе* по случаю Международного дня туризма»

(Аргументы недели. 2016. № 26); «Сходи-ка, там какая-то *прессуха* неважная» (Эхо Москвы. Человек из телевизора. 2013. 21 дек.);

рецензуха (рецензия): «На одну из этих книжек я тиснул *рецензуху*» (Вятская особая газета. 2007. № 24);

рекламуха (реклама): «На нашем театральном небосклоне нынче множество мнимых звезд, сфабрикованных всякими денежными вложениями и *рекламухой*» (Имена. 2007. № 4);

басуха (бас-гитара): «Была у меня импортная “*басуха*” из ГДР» (Бизнес Класс. 2015. № 2);

китчуха (китч): «Дайте им (тусовщикам. — Э.Г.) самую вычурную идею, самую глупую *китчуху* за неразумную стоимость» (С. Минаев. Dухless).

Однако для функционирования подавляющего большинства субстантивов на —уха характерно отсутствие предопределенности возрастом, полом, профессией и т.д. языконосителей.

Это эмоциональное обозначение жизни как таковой и различных ее реалий:

житуха (жизнь): «Три месяца работа, две недели дома. Деньги неплохие. Чем не *житуха*?» (Мир криминала. 2014. № 38);

бытовуха 2 (быт): «Говорю искренне: люблю “*бытовуху*”. Мне нравится стирать, убирать, мыть, сажать огород» (Аи Ф. 2015. № 32. Е. Ваенга); «Как только в нашем кино появляется тряпка, так сразу теряется смысл жизни. *Бытовуха*, убившая мир» (Бизнес Новости. 2015. № 8); «Да, затопило, да, взорвалась электрическая подстанция, да, повалило деревья, но это не государственных масштабов катастрофа, а обычная *бытовуха*» (Про город. 2012. 3 ноября);

голодуха (голод): «Кражи и авантюры, иногда совершавшиеся явно с *голодухи*» (Аргументы недели. 2015. № 26); «Больше всего наш сегодняшний автор страдал не от угрызений совести, а от *голодухи*» (Мир криминала. 2014. № 6);

порнуха 1 (порнография): «(Зритель ругает спектакль. — Э.Г.): жалко денег, ушли, *порнуха*» (Собеседник. 2016. № 37); «Охлобыстин обрушился на всю западную культуру, которая, по его мнению, навязывает России не свойственные нам “ценности”, сеет кровь, грязь и *порнуху*»;

порнуха 2 (секс): «Мужик отвлекся от *порнухи* и выскочил во двор, так и не удосужившись надеть штаны» (Мир криминала. 2013. № 40); «Не думала, что ты считаешь меня шлюхой! *Порнухой* заниматься я не собираюсь!» (Криминальные истории. 2015. № 6);

сексуха (секс): «5—6 песен мне нравятся из всего этого вороха. А в основном всюду *сексуха*, водка» (Аи Ф. 2016. № 15).

Синонимы в словообразовательных парах часто обозначают отрицательные переживания и состояния, например:

депрессуха (депрессия): «Я наконец-то понял, почему испытываю такую *депрессуху*, готовя очередной обзор СМИ» (Деловая Вятка. 2013. № 4);

«Эстрадная *депрессуха* в зарубежье давно не котируется» (Комс. правда. 2015. 3 июня);

невезуха (невезение): «Как говорят, *невезуха*. Несчастный случай» (Комс. правда. 2016. 5 июля); «На самом деле причины *невезухи* куда более земные» (Аргументы недели. 2016. № 31);

стыдуха (стыд): «В этих делах все у нас пока как-то по-плебейски, враскорячку получается — *стыдуха* одна!» (Точка Ру. 2012. № 10);

Как в живой, так и в медийной речи, рекордсменами по употребительности являются имена существительные «*уважуха*», «*движуха*» и «*развлекуха*», а последнее даже попало в академический «Русский орфографический словарь» [5].

В печатных и электронных СМИ сверхмодное слово «*движуха*», не зафиксированное, однако, пока словарями общерусской лексики, употребляется в виде нескольких семантических вариантов.

Во-первых, *движуха* — это интенсивное движение, активные действия: «А я человек подвижный, люблю *движуху*, велосипед» (Вятский край. 2016. № 41); «Он заскучал, он захотел *движухи*, он к хаосу ведет Мадагаскар» (Д. Быков. Мадагаскарское).

Во-вторых, это креативность, продвинутость: «Спектакли, где все кипит от настоящих страстей... Шолохов — отстой, Пряжко — *движуха*!» (Аргументы недели. 2014. № 14); «Если на сцене белковые тела бормочут вульгарную мерзость и держат в руках гаджеты — это *движуха*. А исполнение классической пьесы по тексту — отстой» (Аргументы недели. 2014. № 14); «В Кирове не хватает организации молодежного досуга, так называемой “*движухи*”. Например, многие мои друзья увлекаются сноубордингом, а у нас нет парка» (Наш город. 2013. № 6); «В Кирове коворкинг появился только спустя 7 лет. Просто кому-то хотелось *движухи*» (Бизнес Новости. 2013. № 24).

В-третьих, это сомнительная активность, шумиха: «”Правое дело” выглядит таким бессмысленным экспериментом, игрой ради игры, *движухой*» (Бизнес Новости. 2011. № 27); «Кто за всем этим цирком стоит? ...Повод для *движухи* как у тех, так и у других, в принципе, один и тот же» (Вятская особая газета. 2011. № 36); «Ради чего вся эта избирательная *движуха*?» (Наша версия. 2015. № 50).

В-четвертых, это мероприятие, где можно «оторваться»: «Больше *движухи* и угара. Взрывы, пожары и откровенные сцены» (Комс. правда. 2014. 22 окт.); «Все старательно изображали *движуху*, то есть двигались в разных направлениях, бешено целовались, громко хохотали» (Д. Быков. Списанные)

У существительного *развлекуха* просматриваются, по меньшей мере, два семантических оттенка. Во-первых, это развлечение: «Помимо “*развлекухи*” дети получают какие-то позитивные и правильные мысли в голосу» (Репортёр. 2016. № 43); «Еще и ребенка с собой прихватил — пусть

сызмальства к мужским *развлекухам* приучается» (Мир криминала. 2013. № 41). Во-вторых, это развлекательное зрелище: «Зрители предпочитают “развлекуху”» (Аи Ф. 2014. № 21); «А что было делать с остальной *развлекухой*, тоже отменять?» (МК. 2014. № 2); «Ничем другим следствие не может объяснить “развлекуху” с пальбой и трупами, которую устроил 64-летний пенсионер» (Мир криминала. 2013. № 14).

Существительное *уважуха*, синонимичное своему мотиватору «уважение», может употребляться в тексте как самодостаточное: «Есть бабло — *уважуха*, нет бабла — *уважухи* нет» (Аи Ф. 2016. № 16).

Значительно чаще «компанию» ему составляют близкие по значению слова *почет*, *авторитет*: «Сначала на меня все смотрели как на дурака, а сейчас — *уважуха* и почет» (Источник твоего города. 2014. 15 авг.); «Почет и *уважуха* со стороны остальных и неофициальное звание “Рыбак года” стоят дорогого» (Мир криминала. 2012. № 33); «С малолетства Сява имеет талант решать любые вопросы, за что получил авторитет и *уважуху* среди папанов» (Конкурент. 2012. № 26).

Однако чаще всего «уважуха» сочетается сегодня и в живой речи, и в масмедиа с давним заимствованием из французского «респект», которое трактуется современными лексикографами как устаревшее. Например: «Первый рэп-альбом “Respect и *Уважуха*”, состоящий из 27 треков, Воля выпустил в 2007 году» (Мир криминала. 2014. № 9); «Вам будет респект и *уважуха*, что вы проголосуете за такие решения» (Вятский наблюдатель. 2014. № 44). Ср.: «Толик внимательно слушал Арчи, всем своим видом демонстрируя “*уважуху*”. Впрочем, Арчи довольно скоро обучил его и Принцессу более нейтральному слову “респект”» (А. Аствацатуров. Люди в голом).

Проанализированный материал ведет нас к выводу, что если 50 лет назад наблюдалось «широкое пополнение литературного языка советской эпохи терминологической и профессиональной лексикой» [6], то тренд наших дней — жаргонизация национального языка. Не является исключением и речевая практика органов управления и СМИ, что с очевидностью противоречит федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации».

С «лихих 90-х» наше общество находится во власти криминально-уголовной стихии. Поведенческая, в том числе речевая, «приблатненность» во всех сферах жизни, в искусстве, в литературе, в межличностных отношениях стала сегодня обычной и даже модной. Криминальное аргю, по выражению В. С. Елистратова [7], разгерметизировалось, практически перестав быть замкнутой периферической лексической подсистемой.

Победное шествие представленной нами продуктивной словообразовательной модели на —уха — это одно из свидетельств активизации жаргонной стихии в русском языке XXI столетия.

Жаргонизация современных средств общения поддерживается различными внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами.

Это и стремление к корпоративной обособленности общения, и необходимость профессиональной детализации реалий, и закон экономии речевых средств, и психологическая потребность в эмоциональной составляющей процесса общения, и эстетическая потребность в лексическом разнообразии речи, и вечно живая в человеке установка на игру — в том числе языковую.

Русский народ всегда отличала коммуникативная креативность. По словам поэта Владимира Вишневского, «язык — наша самая работающая стихия». Лингвистический анализ современного медийного дискурса правоту известного сатирика, думается, подтверждает.

Литература

1. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию. М., 1959.
2. *Крысин Л. П.* Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964. С. 153—156.
3. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996. С. 482.
4. *Русская грамматика.* М., 1980.
5. *Русский орфографический словарь* / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2005.
6. *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка.* М., 1968. С. 136.
7. *Елистратов В. С.* Словарь московского арго. М., 1994.

Киров

*Язык рекламы***На рынке недвижимости**

© Т.В. ИГНАТЬЕВА,

кандидат филологических наук

Объявление о продаже жилой недвижимости является элементом деловой коммуникации. Оно сочетает черты стандартизации и экспрессивности, испытывает влияние разговорной речи.

Ключевые слова: язык рекламы, объявление, речевой жанр.

The announcement of sale of the residential real estate is an element of business communication. It combines traits of standardization and expressivity. The announcement is influenced by informal conversation.

Key words: advertizing language, announcement, speech genre.

Мы можем наблюдать, как активно развивается рынок недвижимости на протяжении последнего десятилетия, а потому создается большое количество разнообразных рекламных текстов, связанных с продажей и покупкой объектов. Объявление о продаже недвижимости является уникальным рекламным текстом, так как может быть распространено по различным каналам (газеты, журналы, Интернет). В работе проанализированы объявления о продаже жилой недвижимости, размещенные на сайтах avito.ru, domofond.ru, yarmarka-gyazan.ru.

Т. А. Козина предлагает следующую классификацию рекламных текстов в соответствии с их структурой: 1) только заголовочное высказывание; 2) заголовок и основное рекламное сообщение; 3) только рекламное сообщение [1 С. 8–9]. По этой классификации объявление о продаже недвижимости относится ко второму типу.

Важнейшая конкретная информация сообщается в первых строках, что позволяет усилить рекламное воздействие. В заголовках объявлений о продаже недвижимости можно выделить несколько смысловых единиц: сообщение о товарной категории, площади, цене и районе размещения. Набор этих компонентов является вариативным, часто сообщение о товарной категории в рекламе жилых помещений заменяется информацией о площади. Приведем пример, содержащий обозначенные смысловые единицы: «2 комн. кв. Цена: 4 500 000 р. Центр,

Осенний 1-й переулоч, 5/10 кирпичного дома, 76/68/40/11,5, комнаты 19,5 и 20,2 кв. м, кухня 11,5 кв.м. ...Квартира с удачной планировкой, теплая, сухая, светлая, тихие соседи. Рядом центр. рынок, бизнес-центр "Флагман"...» (в заголовке содержится сообщение о цене и площади; uagmarka-guazan.ru, дата обращения: 5.03.2015).

Концовка (кода) в объявлении о продаже недвижимости побуждает покупателя к немедленному действию: покупке, запросу более подробной информации и т.д. Обычно она состоит из двух частей: первая – это фраза, призывающая совершить покупку; вторая часть содержит контактную информацию (номер телефона, электронный адрес и др.).

Нужно отметить, что в анализируемых нами рекламных текстах примеров использования концовки (коды) с призывающей частью немного. Призывающая часть может быть выражена устойчивыми формулами: *въезжай и живи; заезжай и живи; заходи и живи; звоните сегодня, заселяйтесь завтра* и др.: «Продается 3-х комн. квартира С РЕМОНТОМ. 67/45/8,5 кв.м, с/у совм. в плитке, окна ПВХ, РЯДОМ С 3-МЯ ШКОЛАМИ И Д/САДОМ, зеленой зоной и великолепной инфраструктурой. Звоните расскажу!» (пунктуация из первоисточника; domofond.ru, дата обращения: 26.01.2015).

Некоторые авторы объявлений стремятся к наибольшей эффективности и выразительности текста и создают индивидуальные призывные выражения, например: «Дом находится на Московском (Мервино), вне досягаемости ... кровельное покрытие мягкая черепица шинглас. водосточная система. СРОЧНО!!! ХОЗЯИН!!! P.S Также могу построить дом по вашему проекту, любой сложности за короткие сроки» (avito.ru, дата обращения: 9.02.2015); «Продается 3-х комнатная квартира 50 кв.м, 1 этаж 2-х этажного кирпичного дома ... Реальному покупателю торг» (domofond.ru, дата обращения: 26.01.2015).

Объявления о продаже недвижимости также можно разделить на две категории: редактируемые сотрудниками газеты или сайта и не редактируемые. Нередилируемые объявления демонстрируют специфические представления авторов об особенностях жанра и эффективных языковых средствах. Например, наряду с обратным порядком слов из разговорной речи заимствуются конструкции с дательным падежом: «3-к квартира, 100 м², 5/10 эт. Для большой, дружной семьи, квартира площадью 100 м², изолированные комнаты, кабинет, кладовка, отапливаемая лоджия. В центре города, кому рядом нужен детский сад и школа, стоимость ниже аналогичных квартир. Звоните сегодня, заселяйтесь завтра!!!» (domofond.ru, дата обращения: 26.01.2015).

Конструкции экспрессивного и разговорного синтаксиса (сегментированные, парцеллированные, эллиптические, повторы, параллельные конструкции) являются мощным средством воздействия на

потребителя, выполняют контактоустанавливающую и эстетическую функции. Синтаксический строй текста рекламного объявления характеризуется наличием общих черт стереотипности, эллиптичности, экспрессивности, субстантивности [1. С. 19].

Важнейшей характеристикой жилой недвижимости является уровень комфорта [2]. Жилье по уровню комфорта и маркетинговым характеристикам принято разделять на эконом-класс, комфорт- и бизнес-класс. Некоторые объекты характеризуются как элитное жилье. Вместе с тем, официальной классификации типов жилья не существует, это затрудняет исследование семантических единиц.

Объявление — необходимый, доступный многим инструмент деловой коммуникации. Успех продавцу обеспечивает индивидуализация объявления при помощи различных языковых средств и стремление всесторонне охарактеризовать объект, т.е. полнота текста. В центре семантической сферы объявления о продаже жилой недвижимости находится концепт «комфорт», отождествляемый с традиционными ценностями и современными маркетинговыми характеристиками.

Литература

1. Козина Т.А. Синтаксис рекламного объявления как средство реализации основных функций рекламы: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2008.
2. Игнатьева Т.В., Брызгунова Н.С. Концепт «комфорт» в речевом жанре объявления о продаже недвижимости // М-лы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного»: филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 26–28 ноября 2015. М., 2015. Вып. XVI. С. 251–253.

*Рязанский государственный медицинский университет
им. академика И. П. Павлова*

***Об особенностях списка «Повести от жития
Петра и Февронии Муромских»
Ермолая-Еразма***

© О.В. ГЛАДКОВА,
доктор филологических наук

В статье впервые рассматривается значение пунктуации и графики авторского списка (Сол. 287/307) «Повести от жития Петра и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма для понимания композиции произведения.

Ключевые слова: житие, пунктуация, графика, точка, прописная буква, список, рукопись.

The paper first discusses the importance of punctuation and graphic author's list (Sol. 287/307) Tale from the life of Peter and Fevronia of Murom by Ermolai-Erasmus for the understanding of its composition.

Key words: life, punctuation, graphic, point, capital letter, list, manuscript.

«Повесть от жития Петра и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма (далее — Повесть), посвященная редкой для древнерусской житийной традиции аскезе — супружеству во Христе, — произведение хрестоматийно известное, имеющее давнюю историю изучения и неоднократно переиздававшееся. Почти все современные публикации текста памятника сопровождаются разделением его на части-«новеллы» с указанием номеров частей римскими цифрами и на абзацы. Такое разделение, вопреки рукописным данным, стало порой восприниматься как авторское: «"Повесть" представляет собой небольшой ансамбль, состоящий из четырех глав-эпизодов, выстроенных в причинно-следственную и хронологическую цепочку» [1], что на самом деле не соответствует членению текста, его пунктуации и графике в дошедшем до наших дней автографе Ермолая-Еразма.

Первая публикация Повести была осуществлена в 1860 году без разделения на части [2], которые впервые появились в издании М. О. Скрипиля в 1949 году [3]. Скрипиль разделил Повесть на пять частей. В ставшем классическим издании Р. П. Дмитриевой текст Повести был разделен на четыре части, которым предшествует предисловие: часть I начиналась со слов «Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром...», часть II — со слов «Слыша же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли...», часть III — со слов «По мале же дний предреченный князь Павел отходит жития сего», часть IV — со слов «Егда же приспе благочестное преставление ю...» [4. С. 209—223 и след.]. Деление Дмитриевой отчасти совпало с делением Скрипиля (I—III части), отчасти разошлось с ним (IV часть, у Скрипиля выделена V часть). Четырехчастное деление «по Дмитриевой» прочно закрепилось в дальнейших изданиях Повести [5, 6], в хрестоматии Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева [7], а также в иных трудах [8, 9]. Решившись в 2008 году на издание Повести по принципу «знак в знак», мы отказались от четырехчастного деления текста [10. С. 218—235].

Задача настоящей статьи заключается в попытке реконструкции смыслового членения текста Повести на основе анализа некоторых графических и пунктуационных особенностей ее авторского списка (Сб. сер. XVI в., № 287/307 в составе Соловецкого собрания Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге). Прежде всего проанализируем положения в тексте сочетаний более крупных по сравнению с обычными точек, иногда находящихся между верхней и нижней границами строки и отделенных как от предыдущего, так и от последующего текста заметным интервалом (•), с прописными буквами [10]. Таким образом, можно будет попытаться ответить на вопрос, насколько случайной или неслучайной была постановка разного вида точек и прописных букв в тексте Повести. По мнению ученых «школы Лихачева», при современном издании не стоит воспроизводить знаки препинания древних рукописей [11], что отразилось в современной практике издания многих древнерусских текстов.

Обратимся к рукописи. Крупная точка в автографе Ермолая-Еразма используется достаточно активно, хотя следует признать, что ее, в отличие от прописных букв, не всегда можно с уверенностью идентифицировать (такие случаи в нашем издании Повести были оговорены особо [10. С. 218–235]). Если прочтение текста с учетом постановки обычных точек дает возможность увидеть ритмическое построение Повести и стихотворные вставки, впрочем, обычные в агиографии [12; 10. С. 181–189; 13. С. 301–305], то анализ постановки большой точки в сочетании с последующей прописной буквой дает возможность судить об авторском композиционно-смысловом членении текста. Рассмотрим *все* случаи употребления большой точки и прописных букв. Если быть до конца точными, то «малых прописных», поскольку единственная «большая прописная» собственно текста Повести начинается ее, определяя таким образом место этого житийного памятника в контексте сборника.

Безусловно, богословское вступление (предисловие) выделено автором как относительно самостоятельный компонент текста, его заканчивает самый сильный и визуально самый заметный знак (• • •), который далее в тексте Повести больше не встречается: «яко ж сих святых прослави о них же нам слово предлежит • • •» (Текст Повести цит. по [10. С. 218–235] с сохранением авторских знаков рукописи, но с упрощением орфографии). Последующий текст начинается с новой строки и прописной буквы.

Наиболее значимая маркировка после • • • — сочетание предшествующей крупной точки (которая либо заканчивает значимый фрагмент, либо начинает его, либо совмещает две эти функции) и прописной буквы, с которой начинается следующая фраза (синтагма), например: «видимая ж небесная стихия сотвори солнце и луну и звезды • И на земли ж древле созда человека по своему образу» (пример из вступления). Очевидно, что сочетания предшествующей крупной точки и прописной буквы делят на пять не равных по объему частей вступление, а затем тоже на пять и тоже не равных по объему частей и собственно житие. Таким образом, во вступлении обнаруживаются следующие части, относительно самостоятельные в смысловом плане: 1) описание Творца и сотворение им видимого и невидимого (начало: «Богу отцу. и с присносущному слову божию сыну»); 2) сотворение человека (нач.: «И на земли ж древле созда человека по своему образу»); 3) желание Творца спасти человека (нач.: «Бог же безначальный создав человека почти и (его. — *О.Г.*)»); 4) рассуждение о божественной и человеческой природе Христа, притча о древе, искупительная жертва Христа, слова Павла (нач.: «Егда ж благоволением отчим»); 5) подвиги во имя Христа пророков, апостолов, мучеников и всех святых, к числу которых принадлежат и те, о ком пойдет речь далее (нач.: «Но яко ж святии пророцы и апостоли тако ж и мученицы»).

В собственно житии сочетание крупной точки и последующей прописной буквы выделяет несколько частей: Рассказ о Павле, его жене,

змее, поединке Петра со змеем, поиске врачей (совпадает с делением Дмитриевой; это действительно своего рода пролог к разворачивающимся далее событиям, а точнее прообразовательный зачин [13. С. 275]). Часть начинается со слов «Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром...». Рассказ о Февронии начинается с желания Петра найти хорошего врача: «Слыша ж яко мнози сут врачеве в пределах рязанския земли», а заканчивается чудом с крошками: «и от того дни остави ю к тому не искушати»». Таким образом полностью выделена *история спасения Петра через Февронию* [10. С. 108–109]. Следующая часть начинается диалогом с боярами: «И по мнозе ж времени приидоша к нему с яростию бояре его ркуще», затем следует притча о женском естестве, чудо о проросших деревьях и т.д., часть заканчивается словами: «бедныя от напасти избавляюще»». Здесь выделена *история идеального правления*. Далее таким же образом выделены: *сюжет о преставлении и посмертных чудесах*: «Егда ж приспе благочестное преставление ею»; *обращение людей за исцелением*: «Иже бо с верою приришуще к раце мощей их». Последующая *похвала* выделена особым образом, однако совсем не так, как предисловие или уже упомянутые части: намерение воздать похвалу отмечено прописной буквой, а первые два «радуися» начинаются с крупной точки: «Мы ж по силе нашей да приложим хваление има• радуися петре яко дана ти бысть от бога власть убити летящаго свирепаго змия• радуися февроние яко в женстех главе святых муж мудрость имела еси».

Остальные знаки и сочетания знаков в рукописном тексте могут свидетельствовать о более мелком смысловом членении: крупные точки выделяют эпизоды внутри более крупных частей, в том числе, возможно, чудеса и авторские отступления; большие буквы выделяют слова, отдельные фразы, какие-то более дробные смысловые градации внутри эпизода и т.д.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что наряду со случаями, подающимися интерпретации, существует ряд фактов, трактовка которых пока затруднительна, в том числе из-за отсутствия каких-либо исследований по данной проблематике. Например, почему в тексте Ермолая-Еразма преобладает сочетание обычной точки и прописной «С»? Что это — особенности почерка, графическая «привычка»? Безусловно, остается и известная доля исследовательской субъективности в интерпретации некоторых знаков.

Однако в целом, можно сказать, что употребление разного вида точек и прописных букв выглядит у Ермолая-Еразма вовсе не случайно, а вполне логично: все эти знаки и их сочетания так или иначе разделяют Повесть в соответствии с авторским замыслом, что ставит исследователя перед необходимостью учитывать их при научной публикации этого выдающегося агиографического произведения и анализе его текста.

Литература

1. *Каравашкин А. В.* Литературный обычай Древней Руси. М., 2011. С. 463.
2. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко / Под ред. Н. Костомарова. СПб., 1860. Вып. 1: Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. С. 29–48.
3. *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии (тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 224–256.
4. Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.
5. ПЛДР. Кон. XV – 1-я пол. XVI в. М., 1984. С. 626–663.
6. БЛДР. СПб., 2000. Т. 9: Кон. XIV – перв. пол. XVI века. С. 455–471.
7. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1990. С. 296–313.
8. *Чекова И.* Змей, князь и мудрая дева-целительница в житийной «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Мир житий. М., 2002. С. 181–192.
9. *Кусков В. В.* История древнерусской литературы. М., 1989. 5-е изд. С. 214.
10. *Гладкова О. В.* О славяно-русской агиографии. Очерки. М., 2008.
11. *Творогов О. В.* Археография и текстология древнерусской литературы. М.; СПб., 2009. С. 88–92.
12. *Гладкова О. В.* Рифма в житийных текстах // Русская речь. М., 2008. № 3. С. 81–85.
13. *Гладкова О. В.* Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX–XX веков: (История текстов и опыт интерпретации). М., 2013.

*Общество исследователей древней Руси
Москва*

Преподобный Авраамий Галичский и его Житие

© К.В. ДОРОФЕЕВА

В статье рассматриваются Житие Авраамия Галичского и приемы работы книжников XVI века над его текстом.

Ключевые слова: преподобный Авраамий Галичский, создание Жития, источники, рукописи, цитирование, редактирование.

The article discusses the Life of the monk and the practices of the scribes of the XVI century on creating its text.

Keywords: the monk Avraam of Galich, the creation of Life, sources, manuscripts, citations, editing.

Преподобный Авраамий Галичский (он же Чухломский или Городецкий) принадлежит к числу тех последователей и учеников «игумена земли русской» преподобного Сергия Радонежского (1322–1392), которые, основывая новые монастыри, несли христианство вглубь

Русской земли. Авраамий подвизался на землях, населенных мерей-угро-финским племенем, соседствовавшим со славянами. «Повесть временных лет» называет мерян «первыми насельниками» в Ростове (под 862 годом). Вместе со славянами меряне платили дань варягам, участвовали в походе Олега на греков. После 907 г. летопись не упоминает о мери, но в записи Лаврентьевской летописи под 1238 годом Галич назван Мерьским.

Стремясь к молитвенному уединению, в глухих лесах Костромской земли Авраамий основал четыре общежительных монастыря: Ново-заезерский Успенский Авраамиев Галичский монастырь, Великую АвраамиевуРизоположенскую Пустынь (ныне село Озерки), Верхнюю Собора Пресвятой Богородицы Пустынь на реке Виге (указом 1764 года обращенные в приходские храмы) и Покровский Авраамиев Городецкий Чухломский монастырь, где и покоятся ныне его мощи. Мерян в «стадо Христово» преподобный приобретал исцелениями и увещаниями, с ним рядом селились «не токмо иноци, но и мирьстии человеци», оставлявшие «вся волшебная своя хитрости», «умягчавшие сердца своя верой Сыну Божию Иисусу Христу», исходившие «из тьмы на свет» «просвещением разума Христова» и принимавшие постриг «от руки» святого, так что всего за несколько лет братство последнего только монастыря умножилось «яко до ста».

Создание Жития Авраамия было составной частью обширной деятельности по разысканию сведений о русских святых, предписанной Собором 1547 г. местным епископам и архиепископам. Им поручалось собрать сведения о местных чудотворцах с особо тщательной проверкой подлинности чудес, а также найти службы (каноны) им и жития для свидетельствования на соборе. Записи о чудесах читаемы были на самом соборе для принятия соборного решения, насколько велик тот или иной чудотворец, местного или общерусского празднования будет удостоен, а жития и каноны, если имелись, читаемы были книжными или учеными людьми, представлявшими собору отзывы о них.

Автором («поведателем») Жития Авраамия является игумен (1551–1564) четвертого Авраамиева – Покровского Городецкого Чухломского монастыря Протасий, свидетель многих чудес от мощей Авраамия. Вариант Жития, предлагаемый для рассмотрения на Соборе, должен был содержать необходимое число чудес, свидетели или участники которых могли бы их подтвердить. Этому требованию могли отвечать первые четыре чуда, содержащиеся в полных списках Жития Авраамия: 1-е – о исцелении «сына богатых родителей» устюжанина Леонтия, оставшегося после исцеления в монастыре и «в добреем подвизе» «скончавшего живот свой», 2-е – о исцелении Феодора Френёва (известна «данная» (т.е. вкладная) грамота 1564 года Михаила

Филиппова Френёва с сыном Федором «в дом Пречистой Богородицы .., и преподобному Авраамию чудотворцу, и игумену Протасию с братиею»), 3-е — о исцелении Родиона, «округних весей жителя монастыря того», 4-е — о исцелении Якова «из Понизья», после выздоровления принявшего постриг и скончавшегося в Авраамиевом монастыре.

Жизнь обители, включая тяготы XX столетия, описана в книге архим. Никандра (Анпилогова), мы же рассмотрим вопросы, возникающие при исследовании древнерусских рукописей с текстом Жития.

К настоящему времени известно около 30 списков Жития Авраамия, относящихся к XVI—XIX вв. Их сопоставление показало, что Житие существовало в виде трех редакций исходного текста, последовательно сменявших друг друга.

Самый ранний из списков Жития, хранящийся в Государственном Историческом музее (Барс. № 843), датируется 1550-ми годами. Он уникален по тексту и содержит имя Протасия как составителя Жития, опирающегося на устное предание «благочестивых иноков», «прежних рода родов слышавших известно», «не сущу же списану ни от кого же житие преподобного».

Второй по хронологии из выявленных списков (1560-х гг., доступен на сайте Троице-Сергиевой Лавры — РГБ Ф 556 № 92), а также 18 списков от начала XVII до XIX в. содержат текст, представляющий вторую, переработанную редакцию указанного текста. Сравнение обнаруживает их очевидную связь. При этом в тексте списков второй редакции уточнены фактические детали, а само повествование, живое и лаконичное в первом тексте, во второй редакции становится более этикетным и пространным. Полные списки содержат описания упомянутых четырех чудес и сохраняют в тексте имя Протасия как автора.

Среди списков третьей редакции Жития (около 10, конец XVII—XIX вв.) три имеют скопированную с протографа запись о создании рукописи в 1682 г. иноком Покровского Чухломского Городецкого Авраамиева монастыря Иосифом (Скрябиным) для соборной монастырской церкви. В текст второй редакции здесь внесены многочисленные мелкие исправления, пропуски или искажение некоторых деталей, в частности, сюжета о посещении Успенского Галицкого монастыря князем Юрием Дмитриевичем, включено высказывание о благочестии родителей преподобного, расширена Похвала. В трех списках XIX века описание чудес дополнено до 24—25, совершавшихся с престольного праздника Покрова Богородицы 1621 года.

Ранние списки первой (как теперь выяснилось — протасиевской) редакции и второй (послепротасиевской) почти одновременны. Чтобы

определить их соотношение, обратимся к сопоставлению редакций друг с другом и с их источниками.

Вступление к Житию Авраамия является прямым заимствованием из Жития Феодосия Печерского и включает в себе, согласно агиографическому канону, благодарение пишущего Богу, его надежду на Божественную помощь, перечисление источников его сведений о святом, признание духовной пользы его примера. Игумен Протасий пользовался списком Жития Феодосия, не отражавшим редакторских изменений, присущих Великим минеям четым митрополита Макария. В заимствованный текст вступления он вносит изменения в перечисление источников сведений о святом и стилистические правки: лексический топос «(молиться) со слезами многими», топос недопустимости забвения подвигов преподобного, а также изменяет интерпретацию в топосе сравнения «прежних» и «нынешних» преподобных: по Житию Феодосия, нынешние преподобные отцы превзошли первых, а по Житию Авраамия, подобны им. Составитель II редакции Жития Авраамия, перерабатывая текст Протасия, ограничивается содержательными поправками в перечислении источников сведений о святом и несколькими однословными стилистическими изменениями — лексическими топосами: азъ *многогрешный*, забвению *глубине* предати, *понудихся* списати. Лексический топос «*глубина забвения*» отсутствует в Житии Феодосия и в I редакции Жития Авраамия, неоднократно встречается в Житии Сергия Радонежского, составленном Епифанием Премудрым, и отсутствует в редакциях, созданных Пахомием Логофетом.

Собственно Житие Авраамия Галичского: приход в монастырь, принятие пострига, первые монашеские подвиги. В этой части текста, в отличие от автора Жития Феодосия Печерского, Протасий не имеет сведений о детстве святого, о его родителях, о духовном пути к вере и к иночеству: ведь уйдя далеко в пустыню, преподобный не отвечал на расспросы, говоря о себе лишь как о кающемся многогрешном страннике («странен бех, господине, имея множество грехов приидох семо плакаться грехов своих»). Эта лакуна обязательно должна быть восполнена, и Протасий заменяет упоминание плотских родителей упоминанием духовного «родителя»: Авраамий — «насаждение и напоение преподобного Сергия чудотворца, возвращение же Христово». Автору II редакции отсылка на небесное родство кажется недостаточной, и он восполняет лакуну фрагментом о юношеском благочестии преподобного Авраамия — ставший святым наверняка был благоговееен с юности, и с юности же мечтал о монашестве: «от юна возраста благоговееин сыи, и милостив, и страннолюбив, и по премногу зело любляше Бога и вся заповеди его творяше, чистоту душевную, вкупе

же и телесную, совсяцем опасением от юности соблюдаше и желаше конечно достигнути поснического жития и где бы ему дойти мужа свята и любяща Бога, могуща его спасти и обещи во святой ангельский образи поработати Господеви усердно».

Протасий, описывая приход Авраамия в монастырь, принятие пострига, первые подвиги, снова обращается к своему авторитетному образцу, попутно заимствуя и топос: приход новоначального *юноши* к старцу-наставнику – видимо Чухломскому игумену неизвестен возраст Авраамия при постриге. Однако автор II редакции усматривает здесь ошибку: ему известно, что годами Авраамий старше преподобного Сергия, поэтому слова «отрок», «юный» он последовательно устраняет или заменяет словом «муж», сохраняет фрагмент о том, как муж Авраамий просит Сергия о постриге, Сергий испытывает его решимость, постригает «своими святыми руками» и облакает в монашескую одежду.

Когда именно преподобный Сергий «остриг власы» Авраамия, мы не знаем: сам игумен земли Русской был пострижен в 1342, рукоположен и поставлен в игумена в 1354 г. Составитель II редакции устраняет из текста Протасия высказывание о предназначении Авраамия крестить и наставлять язычников (пропущен текст «многия люди омраченныа лестию святым крещением просветити и на путь правый наставити»). Вероятно, для составителя второй редакции была неважна эта деталь, на которую обратил внимание настоятель монастыря, окруженного мерянами, среди которых, может быть, и в позднее время встречались отголоски языческих обычаев. Составитель второй редакции или не считал их актуальными, или был далек от проблем миссионерства среди мерян. Обратим внимание, что в Житии наставника Авраамия, преподобного Сергия Радонежского, эта тема совсем не звучит, она не актуальна для населения московской, владимирской земли. Цитату из Жития Феодосия Протасий украшает вставками: «насаждение и напоение преподобного», «вращение Христово», «людей, омраченных лестью, просветить крещением», «остриже ... своими святыми руками», «с власами соотрезует плотское мудрование», «отлагая ветхие ризы облачается в добродетели». Автор II редакции не только исправляет фактические неточности. Он дополняет текст своего предшественника речевыми и сюжетными топосами, присутствующими в Житии Сергия Радонежского (глубина забвения, Сергий как солнце в Русской земле), появляются формулы «муж желаний духовных», «до земли со слезами».

Продолжение Жития Авраамия: принятие священства, подвиг молчания, уход в пустыню. В следующей части текста Протасий не имеет возможности опираться на Житие преподобного Феодосия, так как

событийная ткань их житий далее расходится. Одновременно возрастает число «вторжений» автора II редакции в текст I. Так, во II редакцию вводится сообщение о рукоположении Авраамия епископом Афанасием (по Житию Сергия, в отсутствие митрополита Алексия преподобный Сергей пришел к нему с двумя старшими иноками (чьи имена не названы) просить игумена для своей обители и сам был рукоположен им в священника и поставлен в игумена).

На подвиг молчания преподобный Сергей благословил Авраамия после отслуженной «вкупе» литургии, т.е. не ранее 1354 г. В краткое сообщение Протасия о благословении на подвиг молчания («и начат молити преподобнаго Сергия во единьстве безмолвия пребывати») во второй редакции вставлен фрагмент объемом более страницы, подробно описывающий это событие, с использованием цитаты из Жития Сергия (благословение на молчание Исаакия молчальника), но с изменением деталей. Еще одна крупная вставка в тексте II редакции — наставление преподобного Сергия уходящему в пустыню Авраамия сближается с наставлением епископа Афанасия преподобному Сергию после рукоположения. Здесь автор II редакции вводит многочисленные стилистические дополнения и украшения, однако все три крупные вставки в этом фрагменте опираются на Житие преподобного Сергия.

Продолжение Жития Авраамия: поиск места для уединенного жительства. Топос поиска места уединенного жительства может быть дополнен исторической информацией, локализующей это хронологически. Ее и включают авторы обеих редакций, пользуясь, при этом, по-видимому, разными источниками. Протасий называет князем Галича Мерьского (самостоятельный удел с сер.XIII в. по 1363) в год появления в нем Авраамия благоверного князя Василия Давыдовича и мать его благоверную княгиню Анну. Их имен нет в летописных источниках. Имеем ли мы дело с единственным документом, упоминающим этих реальных исторических лиц, или это ошибка Протасия и его респондентов, живших два века спустя после описываемых событий, точно сказать нельзя. Возможно, это и послужило поводом для недоверия составителю II редакции, исправившему это место по «достоверным», письменным источникам, и не учитывавшему наличие лакун в них. Приводя описание событий в соответствие с известными ему по летописям фактами, не попавшее в них имя он устраняет как ошибку, изменяя имя князя — Дмитрий Федорович (последний галичский князь, пожалованный на княжение ханом Наврусом в 1360 (1359) г. и изгнанный Дмитрием Донским в 1363 г.). При этом эффекта достоверности он достигает за счет использования авторитетного, т.е. книжного, летописного источника, путем построения родословия,

ссылки на общеизвестное событие, дополняя его менее известными, документированными летописями сведениями, таким образом включая в свой текст исторический экскурс.

Явление иконы Богоматери: молитва преподобного, явление иконы, радость преподобного и помысл об уходе вглубь леса, голос в тонком сне. На берегу Галичского озера Авраамий чудесным образом обретает икону Божией Матери Умиление. Текст, живо описывающий явление ему иконы Богородицы, ее перенесение, пропажу и повторное обретение в первой редакции занимает три листа рукописи. Составитель второй редакции подвергает его существенной стилистической правке. Как и в иных местах Жития, он исправляет сокращенные именованья Богоматери на более этикетные, краткую молитву-воздыхание Авраамия («О Пресвятая Дево, Мати Христа, истинного Бога нашего! Наставимя, иде еже спасуся!») заменяет более пространной, заимствованной из Жития Сергия (сцена явления Богородицы преподобному Сергию и его ученику Михею), внося в цитаты и свои изменения. Цитатами из Жития Сергия дополнены описание земного поклона Авраамия, сияния от (иконы) Божией Матери, радости преподобного, обещание покрова и промысла Матери Божией об обителях. Топос страха преподобного и укрепляющего голоса свыше имеет аналогию в Житии Сергия, но перефразирован. Во II редакции событие спрессовано в соответствии с тем, как построено аналогичное повествование в Житии Сергия: явление происходит во время отдыха после прочтения «правил» (акафиста). После явления, в I редакции преподобный Авраамий вкушает хлеб и воду, а во II — радуется, читает молебен Божией Матери и проводит ночь без сна. Подавляющее большинство исправлений в описании перенесения, пропажи и повторного обретения Авраамием иконы Умиление имеет стилистический характер («от сна» — «от дремания», «заложи» (церковь) — «начат здати», «источник студен» — «источник воды сладкы», «возбну от сна» — «воста от сна», «в ужасе» — «в трепете», «возгради» — «постави», «дни» — «время»).

Встреча с преподобным местного жителя. Для этого элемента сюжета авторы обеих редакций не находят подходящих аналогий в используемых ими источниках. Однако, создавая к нему некую прамбулу, они прибегают к цитированию Евангелия и Ветхого Завета, и дополнительно соотносят описание с Житием Марии Египетской. Во II редакции последовательно устраняется именование местного жителя «болярин» и заменяется на «человек» или «человек той»; «дубравы» заменяются на «пустыню», устраняются сообщения об охоте («ловле») «болярина», о «святолепном образе» преподобного во время молитвы, о впечатлении, произведенном ими друг на друга (здесь

даже подкрепленное цитатой из Псалтири!), устранены также благодарственная молитва «болярина» к Богородице за посещение этой земли и текст благословения преподобным самого «болярина» и его дома. В то же время здесь (в середине фрагмента) добавлено имя посетителя и сделан акцент на хлебе, которым он обещает снабжать преподобного.

Встреча иконы в городе Галиче. Очередной фрагмент повествования снова начинается в обеих редакциях с цитаты из Евангелия (о граде наверху горы и светильнике, светящем всем людям). Здесь в обеих редакциях имеется отсылка к Житию Арсения Великого, источником которой могло быть как само Житие, так и патериковые рассказы, в частности, Скитский патерик. В редакции игумена Протасия князь Василий Давыдович и его мать, благоверная княгиня Анна, узнав о подвижнике и об обретенной им иконе, «распалистася любовью духовною». Они посылают к нему сначала одного, а потом, получив отказ, двоих «благоговейных мужей» с великим молением: посетить город с чудесно явленной иконой. Повинуясь воле Богоматери и прошению людей, преподобный «отпускает их ко князю. Себе же оставлять единого благоговейна от отрокъ их совершена возрастом и малу ладийцу...».

Подробно описана Протасием торжественная встреча иконы и преподобного князем с княгиней и горожанами. Во II редакции из путешествия Авраамия через озеро редактор устраняет трогательные бытовые подробности, как бы доносившие до нас впечатления очевидца. При описании встречи иконы князем и горожанами Протасий использует ряд ветхозаветных прообразов Богоматери для воспроизведения молитвенного обращения к Ней самого князя. Наиболее точно он соответствует фрагменту из Первого похвального слова на Успение Пресвятой Богородицы Иоанна Дамаскина. Во II редакции сцена встречи князя и преподобного распространена и представлена «в ролях»: приветственное слово князя и ответное благословение ему преподобного. В тексте благословения князь соотнесен с ветхозаветным Авраамом. Текст единственного известного списка I редакции обрывается на месте, где наутро князь высказывает желание причаститься от рук преподобного Авраамия, поэтому далее анализ приемов переработки текста Протасия составителем II редакции невозможен.

Галицкий Успенский монастырь. Благодаря заинтересованному участию галичского князя вскоре была устроена и украшена церковь, поставлены кельи для братии — основан первый в Галиче монастырь, насельниками которого становились и местные жители, и иноки «от обители преподобного Сергия».

Уход Авраамия из своего монастыря. Преподобный Авраамий, выполнив волю Божией Матери и устроив монастырь, вновь ищет

молитвенного уединения — поставляет вместо себя игумена (Порфирия) и тайно уходит, что приводит к возникновению второго монастыря — Авраамиевой Положения пояса Богородицы пустыни. Составитель II редакции и здесь использует прямое цитирование Жития Сергия — главы об основании Киржачского Благовещенского монастыря, внося необходимые содержательные и стилистические изменения.

Преставление преподобного Авраамия. Преставился Авраамий в 1375 г. на память пророка Илии. Описание его преставления имеет вид подробной законченной самостоятельной главы, когда игумены его монастырей стекаются «яко небо парнии орлы», выслушивают поучение преподобного и «в самый исход» помогают ему причаститься Святых Таин. Приводится точная дата преставления, описание погребения, сообщается о чудесах от мошей, завершается глава похвалой. Преставление преподобного Авраамия — пожалуй, самая обширная цитата из Жития Сергия. Как и в остальных, в ней используется текст Пахомия Логофета в его 4-й редакции. Мощи преподобного Авраамия были положены в монастыре у церкви, и через некоторое время явились источником исцелений.

Как видим, книжник середины XVI века, имея задачу составления жития преподобного, основателя нескольких монастырей, выбирает себе в качестве образца и источника Житие первого русского преподобного — Феодосия Печерского, заимствует из него вступление, внося изменения в текстовую ткань в большинстве случаев путем внедрения устойчивых формул, распространяющих фразу. Он продолжает пользоваться этим источником до тех пор, пока имеется совпадение в топосах их житий. Далее повествование становится более самостоятельным. Отдельные эпизоды могут иметь свои небольшие вступления, «украшенные» отсылками к Евангелию или к житию иного преподобного. Составитель Жития стремится насытить текст образами, заимствованными из знакомых ему богослужебных или читавшихся на праздники текстов, цитатами из молитв.

Вскоре, однако, этот текст признается неудовлетворительным и перерабатывается (предположительно в Троице-Сергиевой Лавре). В него вносится значительная правка, касающаяся как исторического содержания, так и стиля текста, заменяются молитвы и речи действующих лиц. Для описания некоторых эпизодов используются обширные цитаты из Жития Сергия Радонежского. Этот текст тиражируется, становится основным вплоть до очередного редактирования в самом монастыре (посл. четв. XVII в.). В дальнейшем монастырем распространяется третья, монастырская редакция.

Литература

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 105–107.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Дмитриев Л. А. Протасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 306–307.

Святая обитель. Архим. Никандр (Анпилогов), автор-составитель. Орел, 2014.

Зонтиков Н. А. Авраамий Галичский // Православная энциклопедия. Т. 1. С. 173–175.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1, 2. М., 1998, 2001.

Дорофеева К. В. Житие преподобного Авраамия Галичского // Вестник церковной истории № 1/2 (21/22). М., 2011. С. 5–55. – публикация текста I и II редакций с разночтениями по III-й.

*Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН*

Евдокия Московская — идеальный женский образ Древней Руси

© В. Е. ДЕНИСОВА

В статье рассматривается «В мале сказание о блаженной великой княгине Евдокии», включенное в «Книгу Степенную царского родословия». Памятник, отчасти нарушающий композиционный агиографический канон, содержит идеальный образ благоверной княгини, созданный многообразными словесно-стилистическими средствами.

Ключевые слова: Степенная книга, Древняя Русь, религиозно-нравственный идеал, агиография, святая княгиня Евдокия Московская.

The article discusses the «Lesser tale of blessed Grand Duchess Eudoxia», integrated into the «Chronological Book of Tsar's Lineage». This piece, notable for a partial violation of the canonical hagiographic composition, presents a perfect image of the right-believing princess, created through diverse verbal and stylistic means.

Key words: Chronological Book of Tsar's Lineage, Ancient Russia, the religious and moral ideal, hagiography, holy princess Eudoxia of Moscow.

Женские образы в древнерусской агиографии многолики, но все они несут идеал святости, в котором гармонично сочетаются внешняя красота, внутренняя сила, праведность жизни и мудрость, накопленная веками. Идеальные образы женщин в древнерусской литературе не вымышлены, а отражают облик реальных исторических лиц. Один из таких образов — благоверная княгиня Евдокия Московская, во инокинях Евфросиния, верная и любящая супруга Дмитрия Донского. Именно она в тяжелое для Руси время татаро-монгольского ига вместе с мужем способствовала возвышению и укреплению Москвы.

Ранние сведения о жизни княгини сохранились по преимуществу в повестях о событиях начала 80-х годов XIV века. Первое жизнеописание святой содержится в Степенной книге царского родословия, которую С. А. Бугославский определял как «систематизированную летопись в агиографической обработке» [1. С. 9]. В последнем разделе 12-й степени — главах 14—20 — помещено «В мале сказание о блаженной великой княгине Евдокии».

Открывается текст традиционным торжественным вступлением, в котором говорится о том, что княгиня — духовная наследница великих святых. Русская земля хранит благочестие и православную веру, идущую от великого князя Владимира и святой «пресловушей в премудрости великой княгини Ольги» [2. С. 510. Далее в круглых скобках указаны только страницы]. Многие люди были их последователями в праведности, среди них «святая и *христолюбивая* великая княгиня Евдокия, иже бысть *благосочетанная* супружница блаженного и *достохвального* великого князя Дмитрия Ивановича, рекомаго Донскаго, дщи же быше великого князя Дмитрия Константиновича Суждальскаго» (С. 510. Здесь и далее курсив в тексте наш. — В.Д.).

Композиция жития имеет некоторые отступления от агиографического канона, например, отсутствуют традиционные мотивы, характерные для изображения святого: рассказ о рождении и воспитании. Возможно, это связано с тем, что целью «Степенной книги» было прославить деятельность князей, представить их мудрыми правителями. А роль княгини заключалась в том, чтобы быть верной спутницей мужа, разделяя с ним все невзгоды и оставаясь в тени его великих дел. Многими дарами природы украшена была княгиня, «но мудрость ея и *благочестие* превосходили еще временную красоту» [3. С. 4]. Автор особо подчеркивает, что Евдокия во всем поддерживала своего супруга, жила с ним в полном единомыслии: «во всем усердно подобствова *богоугодному* исправлению державного и *благонравного* святого супруга, с ним же *единомудренно* в заповедех Господних *благозаконно* живуши» (С. 510). Княгиня много времени уделяла воспитанию своих детей, которых было двенадцать, поэтому в народе святая Евфросиния почитается покровительницей жен и матерей.

Основная часть «В мале сказания» содержит в себе повествование о жизненном пути княгини после смерти мужа. Евдокия не только мудро управляла Москвой, но и занималась благотворительностью, воздвигала храмы и монастыри: «на своем же царском дворе постави церковь камену Рождество Святых Богородица; в Переяславле же постави церковь близ града у реки у Трубежа, Рождество Святого Иоанны Предтечи, и монастыри устрои. В царствующем же граде Москве постави церковь камену Вознесение Христово, и монастырь честен возгради, иже ныне есть девический общежительный монастырь» (Там же). Именно по настоянию княгини Евдокии была перенесена из Владимира в Москву икона Богоматери. Это событие имело огромное значение для спасения Русской земли от страшного нашествия Темир-Аксака. Княгиня была еще и великой молитвенницей: «сугубо подвизашеся прилежными к Богу мольбами, о себе же и о чадах своих и о всей державе их, Господь же о всяческих исполняше прошения ея» (С. 512).

В главе «О увещании чудесном благородном сыновом» великая княгиня предстает перед нами как глубоко верующая женщина, ведущая аскетический и благочестивый образ жизни, исполненная добродетелей и милосердия: «Христолюбивая же Великая Княгиня Евдокия не престаея труды к трудом прилагая, и подвиги к подвигом и милостыню нищим творя с любовию, и прочая добродетели исправляя, ими же возможно есть Богу угодити» (С. 511). В этой главе обращает на себя внимание наличие в житии двух традиционных агиографических мотивов: борьба с искушениями, клевета людей; аскетические подвиги. Когда великая княгиня подверглась лживым обвинениям в нечистоте со стороны некоторых людей, Евдокия призвала к себе сыновей, «и показа им малу часть телеси утробы своя, и видеша от зельнаго воздержания и от великаго трудолюбия, яко от огня ожжене быти плоти ея, и почернети и к костем прилпене» (С. 512). При этом княгиня просила сыновей не причинять никакого зла ее обидчикам. Этот эпизод подчеркивает милосердие княгини по отношению к людям и аскетический подвиг, который был скрыт от многих.

Святость преподобной Евфросинии была удостоверена чудесами. Так, уже в 18-й главе автор сообщает о видении архангела Михаила, предвозвестившего ей скорую кончину, после чего княгиня Евдокия решила уйти в монастырь: «во иноческий образ облещися возжела, и поиде изъ царскаго дому своего въ монастырь, его же сама создала во имя Христова Вознесения» (С. 513). Автор замечает, что вступление великой княгини на монашеский путь было ознаменовано Божиим благословением и чудом. По дороге в обитель на постриг Евдокия исцеляет слепого, как бы случайно опустив нищему на руку край своей одежды: «Обаче верою и любовию побужашеся, дерзну утерти рукавомъ ея слепотующая своя очеса, и абие прозре, и славяше Бога» (С. 514). Так же от различных недугов во время этого ее шествия в монастырь исцелилось 30 человек.

В обители княгиня приняла постриг с именем Евфросиния. Добрые дела ее продолжались: «*трудолюбезно* иночествова многъ подвиг о Христе, и *добродетельно* течение соверши, и Богу угоди» (Там же). Прожив недолгое время в иночестве, святая княгиня преставилась ко Господу 7 июля 6915 [1407] года. Погребена она была в основанном ею Вознесенском монастыре. И после кончины, как повествует сказание, преподобная Евфросиния была удостоена прославления.

Заканчивается сказание описанием посмертного чуда святой: свеча у гроба княгини-инокини много раз сама собой загоралась. Обычно заключение в древнерусских житиях представляло собой похвалу святому, речь о котором шла в главной части. В сказании же отсутствует обычная для агиографического жанра похвала. Однако его окончание «молитвами же ея в том монастыри ея и оттоле вся благая множахуся и всеми потребными изобилествуя, в нем же есть ныне честное общее жителство благодатию Христовою: ему же слава со Отцем и со Святым Духом ныне и присно и во веки веков, аминь» (Там же) выполнено в манере, характерной для памятников русской средневековой агиографии, что придает «сказанию» законченный характер.

Составитель житий всеми доступными ему средствами подчеркивает добродетели княгини: он широко использует эпитеты, сложносоставные слова, сравнения и метафоры для создания более яркого образа святой. Так, постоянными определениями для Евдокии является *блаженная, христолюбивая, святая, христова непорочная невеста*. Автор также украшает текст добавлением к существительным эпитетов: *многочудесный образ, великое трудолюбие, пресветлый зрак*. Еще одно средство, с помощью которого усиливается выразительность текста – сложносоставные слова: *единомудренно, благозаконно, благочестно, благородного, трудолюбезно* и другие, отмеченные нами выше, среди них много слов с первым корнем *благо-* и *добро-*.

На протяжении всего текста автор использует различные стилистические средства. Ряд тропов, характеризующих образ княгини, семантически связан с понятием «свет»: «людем же яко *светлым* лицом являясь», «*пресветлый зрак*», «целомудрия же сохраняя, и чистоту душевную вкупе же и телесную со всяцем смиренномудрием *просвеща*я». Слово *свет* в данном контексте приобретает переносное значение, которое объясняется в Словаре русского языка так: «то, что делает ясным, понятным мир; то, что делает радостной, счастливой жизнь, духовный свет» [4. С. 135].

Особо подчёркивается автором милосердие святой, проявляющей сострадание, сочувствие и любовь к людям – исполнение первой Евангельской заповеди: «прочие же милостивым нищелюбием богоугодно житие исправляя», «милостыню нищим творя с любовью», «нищих питательница». Во второй главе «О увещании чудесном благородном

сыновом», автор использует отрывок из Нагорной проповеди Священного Писания: «Блажени бо есте, рече Господь, егда поносят вам и изженут вы, и рекут всяк зол глаголь на вы лжуще, имени твоего ради, радуйтесь и веселитесь яко мзда ваша многа есть на небесех». Представленные две Заповеди Блаженства автор напрямую относит к жизни княгини, говоря о том, что блаженны гонимые за веру и благочестие, за добрые дела свои, совершаемые во имя Христово, за постоянство и непоколебимость в вере. Такие люди в вечной жизни будут награждены блаженством Царства Небесного.

Имя блаженной княгини навсегда вошло в историю России как супруги великого князя Дмитрия Донского, его помощницы и соправительницы.

Литература

1. Бугославский С. А. Главнейшие характерные черты московского периода русской литературы. Чернигов, 1916.
2. Книга Степенная Царскаго родословия. Часть 1. М., 1775.
3. Житие святой Благоверной княгини Московской во инокинях Евфросинии. М., 1871.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1996.

*Православный Свято-Тихоновский
государственный университет*

Лингвистические аспекты русской игры в *бабки*

© М.А. ГРАЧЕВ,
доктор филологических наук

В данной статье описывается социальный вариант языка — лексемы игры в *бабки*. Использован диахронический аспект данного лингвистического явления, а также степень распространенности упомянутой игры у других народов России. Лингвистический материал сочетается с этнографическим. Обращается внимание на актуальность фиксации подобных социодialektизмов.

Ключевые слова: *бабки, социальный диалект, жаргон, диалектизмы, словари, российская игра.*

The article describes the social variant of the word referring to game “babky”. The analysis is based on the diachronic method, the popularity of the game among other peoples of Russia is taken into consideration. Linguistic material is combined with ethnographic. The frequency of using such combined forms is underlined.

Key words: «*babky*», *social dialect, jargon, dialecticism, dictionary, Russian game.*

В ряде современных толковых словарей слово *бабки* имеет не совсем точное определение, например: «только мн. Игра, заключающаяся в выбивании из круга костей таких же костей, расставленных в определенном порядке» [1]. Уточним: не обязательно таких же костей, не обязательно из круга, и не обязательно выбивание костями.

Сколько об этой интересной и азартной игре написано и лексикографом В. И. Далем, и этнографом С. В. Максимовым! Считается, что происхождение игры уходит в седую старину. Раньше в *бабки* играли как подростки, так и взрослые. Азартными игроками в *бабки* были А. В. Суворов и А. С. Пушкин.

Но она не умерла и в XX веке. В нее активно играли в 60–70-е годы прошлого века. На окраине города Павлова Горьковской (Нижегородской) области данная игра была очень популярна, особенно среди подростков. В какие народные игры тогда ни играли: в *городки*, *лапту*, *чижик*, *прятки*, *догонялки*, *футбол*... Но эта была особенно популярной. Павловская игра в *бабки* имела и свои особенности. Здесь следует учитывать, что Восточный район Павлова был новостройкой и заселялись в него жители из различных районов Горьковской области (Сосновского, Вачского, Богородского, Арзамасского, Ардатовского, Большеболдинского, Сеченовского). Поэтому жаргон игроков в *бабки* совмещал в себе многочисленные территориальные диалектизмы, причем на некоторые названия повлияли и местные особенности. Так, на название *бит* (*плиток*) оказало влияние то, что Павлово — город металлистов.

Сами *бабки*, помню, называли *бабульками*, *кознами*, *мослами*. Имелись их разновидности: *гутя* — если бабка при броске встает на «ноги», *панок* — большая бабка; *рак*, *царь* — если бабка при броске встает на «голову» (в этой «позе» бабка напоминала корону; очень редкая поза, как и *гутя* (*гутяшка*), и часто она имела ее тогда, когда у бабки отшибали основание), *сок*, или *сочень* — положение, когда бабка лежит *ничком*, «спиной», *ничка* — когда бабка лежит на «спине».

Все эти *бабки* при игре ставились «на попа», в *кон* (в ряд). Игроки, стоящие за коном, метали *биты*.

Биты, или, как они назывались, *плитки*, были железными, свинцовыми, медными. Павлово — город промышленный, отсюда *плитки* могли быть с одним просверленным отверстием (так называемая *одноглазка*), с двумя (*двуглазка*), с тремя (*трехглазка*) — больше трех отверстий не было. Очень гладкую плитку называли *гладышем*, продолговатая, в виде цилиндра, обычно медная *плитка* именовалась *костылем*, большая плитка называлась *загребышем*. Перед тем как метать *плитки*, *бабки* ставили в *кон*, одна бабка — одна *плитка*, но, бывало, когда много бабок, то нередко предлагали *по паре*, *по тройку*, то есть на одну *плитку* — две, три *бабки*. Как видим, игровые жаргонные названия были довольно примитивные, но они отчетливо отражали суть игры.

Иногда *бабки покупали*. За одну копейку можно было купить две *бабки*. Иногда (когда у игрока не было *бабок*) ставили *рек* (*монету*), или *реку* под *бабку*, которую перемещали поодаль, но на одной линии с основным *коном*. Нередко в этом случае игроки целились в *рек* (*реку*), чтобы завладеть монетой.

Обычно игра начиналась с угадывания, в какой руке находится *бабка*. При угадывании игроку позволялось вторым метать *плитки*. Благодаря этому преимуществу он мог *далить* (не случайно он назывался *далилой*), то есть кинуть свою *плитку* дальше *плитки* противника (что давало право бить первому, доходя до ближайшей *плитки* — своей или чужой). Можно *играть на одну руку* с товарищем, результатом чего могли быть совместная добыча или проигрыш.

Иногда вместо металлических бит использовались крупные *бабки*: с этой целью брали *панка* (крупную *бабку*), высверливали его и полость заливали свинцом, который извлекали из старых автомобильных радиаторов... Особенно ценилась *бабка*, которая при броске могла занимать положение *гути* (своеобразный ванька-встанька), в этом случае игрок получал право бить в *кон* первым. Порой и саму такую *бабку* называли *гутей*. Если *бабка-бита* каким либо чудом вставала на «голову» (на «*царя*»), то противник выставлял *бабки* в тройном размере и право бить первому полагалось тому, у кого «*царь*».

Если же с первого раза не удавалось сбить весь *кон*, то обычно *доставляли*: по *паре*, по *тройке бабок* — это уже по договору между противниками.

У хороших игроков были так называемые *собиральщики*, или *рабы*. Это мальчишки-*прислужники*, которые собирали *бабки*, сбитые метким ударом, кроме того, они и выставляли нужное количество на *кон*. Обычно за эту работу искусный игрок великодушно давал сборщику два — три *мосла*.

У В. И. Даля зафиксированы следующие элементы этой интересной игры: *кон*, *поджошка*, *пристенки катюшки*, *краснокудана*; названия бит: *панок*, *битка*, *биток*, *бабка боевая*, *литок*, *свинчатка*, если она налита свинцом, *гвоздырь*, если в нее забит гвоздь, *хруль*, *хрулек*, *шлюшка* — маленькая *бабка*. В. И. Даль приводит различные энциклопедические сведения в отношении этой игры: «Бабки ставят на кон гнездами, когда *конаются*, подкидывая *бабки*, то различаются: *жох* — положение хребтом вверх, *конка* — хребтиком вниз, *плоцка*, *бок*, *бо/ка* — на левый бок; *ника*, *ничка*, *ни/чек* — на правый» [2]. Как видим, многие названия по значению сходны с павловскими именованиями *бабок*. Он также приводит в качестве иллюстрации различного рода пословицы и поговорки: «В счастье, не в *бабках*: *свинчаткой кону* не забьешь. Тебе не в шашки а в *бабки* играть» [Там же].

Существует ли игра в *бабки* у других народов? Оказывается, имеется. У татар, башкир также была распространена эта игра. В разговоре с казахстанским профессором-филологом Г. Б. Мадиевой я узнал, что у казахов имеется такая же игра и множество общих с русским языком

лексико-тематических групп, у финно-угров (мордвы, марийцев, чувашей) тоже что-то подобное. К сожалению, данный социальный вариант языка зафиксирован далеко не во всех российских регионах, иначе можно было бы провести интереснейшие сравнения. И многие лексические системы, связанные с исконными народными играми, уходят в небытие, оставаясь вне поля зрения лингвистов и этнографов.

Литература

1. Большой толковый словарь / Под ред. С.А. Кузнецова СПб., 1998.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.

*Нижегородский государственный
лингвистический университет*

Какие обращения бытуют в семьях

© Л. В. СТЕПАНОВА

В статье представлены различные способы создания как новых форм имени с помощью богатейшей палитры суффиксов, так и игровых прозвищ, положительно воспринимаемых всеми участниками семейного общения.

Ключевые слова: имя, обращение, именование, полная/краткая форма, уменьшительно-ласкательный суффикс, прозвище.

Examines the different ways of creating new forms of a name with a rich palette of suffixes and gaming nicknames, positively perceived by all participants in family communication.

Key words: name, address, naming, full / short form, a diminutive suffix, nickname.

Феномен необычности обращений, которые используют партнеры по общению в любом виде коммуникации, особенно очевиден применительно к семейному обиходу. Здесь можно вспомнить множество историко-биографических примеров существования таких индивидуальных средств обращения из «жизни замечательных людей». Так, Г. Р. Державин называл свою первую жену *Пленира* (этимология слова прозрачна), а когда «любезной Плениры не стало» и поэт женился вторично на Дарье Александровне Львовой, то вторую жену называл в обращениях *Милена*.

Владимир Набоков, начиная автобиографическую повесть «Другие берега», писал: «Кодом счастливой семьи являются особые индивидуальные слова...». Это и есть «арго» как язык определенной социальной группы, в котором одну из главных ролей играют обращения. Имеется множество исторических примеров таких обращений.

Образцы личной переписки показывают, что корреспонденты часто не называют своих адресатов по имени, а пытаются найти другие именованья. Классические примеры: переписка с женами А. С. Пушкина и А. П. Чехова. А. С. Пушкин писал жене: «Поздравляю тебя со днем твоего ангела, *мой ангел*, целую тебя заочно в очи...». А. П. Чехов в начале письма писал: «*С новым годом, с новым счастьем, милая моя актрисуля, жена моя!*». Затем шутливо ругает ее за то, что она не пишет писем и обращается к ней: «*Собака, рыжая собака! Почему ты не пишешь мне?..*». В другом месте

называет ее «*крокодилом души моей*» — обращение, которое простительно только в отношениях, понятных и принимаемых по условиям любовного диалога двумя конкретными людьми. Так, подписи В. Маяковского в письмах к Лиле Брик — *Щен*; Лиля Брик — к Маяковскому — *Милый щененок*. Подобные именованья-номинативы свидетельствуют о справедливости теории именования, требующей верного и правильного выбора именующего слова, т.е. слова-имени Ю. В. Рождественский ссылается на Конфуция, который кратко формулировал этот принцип так: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинует, то дело не образуется. Если же имя дано верно, то и речь повинует; если речь повинует, то и дело образуется» [1. С. 63].

В современном речевом этикете не может быть отменена традиция вежливого обращения к уважаемому человеку как в семье, так и в профессиональном общении. На обращение по имени-отчеству в 90-е годы вследствие внедрения западных форм делового этикета была предпринята серьезная атака как внутри делового сообщества, так и в СМИ. Была провозглашена мода на обращение по полной форме имени (*Сергей, Елена, Владимир, Татьяна*) — и этой форме найдено обоснование, якобы она более эффективна вследствие краткости и облегченности, особенно для иностранцев, с которыми приходится общаться. В современной русской семье, конечно, сохраняется традиция обращения по имени-отчеству, особенно к старшим. При адаптации в новой семье молодые супруги обращаются к «новым родителям» в подавляющем большинстве случаев не «папа» и «мама», как было принято еще в середине XX века, а по имени-отчеству.

Для того чтобы исследовать необычные обращения в семейном диалоге, мы провели анкетирование более сотни респондентов. Каждому из них были предложены следующие анонимные вопросы: какие необычные обращения наблюдали вы в вашей семье или в знакомых вам семьях (жены — к мужу, мужа к — жене, родителей — к детям, детей — к родителям и т.д)? Ответы позволили получить достаточно разнообразный материал, фиксирующий богатейшую гамму необычных обращений. Попытаемся систематизировать их и характеризовать с ориентацией на существующую классификацию форм имен в русском именнике и речевом этикете.

Обобщение этих показаний ясно демонстрирует, как происходит переход от традиционных именованья-обращений к обращениям необычным, индивидуальным.

Возможно, краткая форма обращения наиболее нейтральна и не несет в себе никаких особых модальных характеристик. В обращениях разговорного стиля она сокращается до форм *Серез, Саш, Володь, Лен, Оль, Тань...* Впрочем, именно на их фоне и разворачивается дальнейшая работа-игра со всем богатством суффиксальных именованья.

Краткие формы имен с уменьшительно-ласкательными суффиксами для выражения доброго, благожелательного, любовного отношения. На

наш взгляд, в современном этикете есть три основные уменьшительно-ласкательных суффикса *очк-/ечк-*, *оньк-/еньк-*, *ушк-/юшк-*. Именно здесь начинается творчество и игра индивидуальных обращений-предпочтений по отношению к тому или иному суффиксу, который должен нравиться как адресанту, так и адресату. Возможности присоединения диктуются благозвучием, ибо суффикс не присоединяется только в случае, если звучит тавтология типа *Сашушка*, или *Ленонька*.

Некоторые имена приобретают устоявшиеся формы с иными уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, *уш-/юш*: *Катюша*, *Танюша*, *Настюша*; или *ок-/ёк*: *Сашок*, *Ленок*, *Витёк*.

Таинственным образом в народной речи приживаются, или становятся модными и популярными определенные формы некоторых имен. Например, формы *Катюша*, *Танюша* представляются более популярными, нежели *Настюша*, *Олюша*, *Ленуша*, которые возможны, но явно не на слуху у современного человека. Впрочем, и здесь многое зависит от индивидуального вкуса и восприятия, зафиксированного пословицей: *Одному нравится попадья, другому — попова дочка*.

Предваряя наш анализ индивидуальных форм, вспомним стихотворение Р. Рождественского: «*Катька, Катюшок, Катюха — тоненькие пальчики, / Слушай, человек-два уха, излиянья папины...*».

Грубоватые формы обращений с суффиксом *к-*: *Сережка*, *Сашка*, *Володька*, *Ленка*, *Олька*, *Танька*, конечно, живучи. Дети (особенно в школьном возрасте), конечно, наиболее частые пользователи данных суффиксов.

Имятворение начинается тогда, когда говорящий (создатель имени) хочет выразить свое личное отношение, поэтому придумывает своеобразное обращение — и это можно делать разными способами изобретения новых имен. Отнесем к ним следующие с разной степенью редкости/частотности встречающиеся суффиксы, выражающие игровое отношение к человеку (иногда шутовское, иногда ласковое): *ок-*: *Витёк*, *Сашок*, *Ленок*; *ик-*: *Люсик*, *Вовик*; *ун-*: *Сергуня*, *Олюня*, *Витюня*; *чик-*: *Танчик*, *Лильчик*; *ул-*: *Вовуля*, *Мишуля*, *Димуля*; *ус-*: *Ритуся*, *Маруся*, *Натуся*, по аналогии возможны словоизобретения *Ленуся*, *Олюся*, *Никуся*, хотя можно возвести все эти формы к *Люся*, где *Люс-* будет уже корнем.

Таковы основные суффиксы, в пределах которых создаются обычные и необычные именованья, но существуют и семейные прозвища как особые семейные имена-обращения, которые рождаются в семьях для того, чтобы выразить такое личное отношение, какого не бывает больше нигде.

Способы словообразования могут быть самыми различными в зависимости от намерений и вкусов создателей имен, т.е. это могут быть как усечения форм имени (*дусик* от *дедусик*, *буля* от *бабуля*), так и распространения, например, в соединении двух слов в одно. Таковы популярные формы словообразований с именами любимых бабушек, рожденные от детских форм произношения: *Бабаня* (баба + Аня), *Бабася* (Баба + Ася), *Балида* (баба + Лидя) и т.д.

Переходом к прозвищам являются формы, обыгрывающие имя в рифме, например: *Гаврилка-говорилка*, *Вика-чечевика*, *Ритуля-красотуля*, *Ладка-мармеладка*, *Дашулец-молодец* и т.д.

Формы изобретения новых имен-обращений, переходящих в семейные прозвища, являются своеобразной формой словесно-игрового воспитания, поэтому они наиболее часты по отношению к детям со стороны взрослых носителей языка. Поскольку каждая семья имеет свою непохожую на другие семьи историю, рождается тенденция к индивидуальной стилистике имен.

Многие слова рождаются как имитация детской речи, звучавшей из уст ребенка и прилепившегося к нему или к ней прозвища во взрослом возрасте: *Абаданка* (от *обезьянка*); *Нуся* (от *Ленуся* — ребенок не выговаривал полностью имя).

Иногда прозвище проходит целый ряд превращений как синонимических ассоциаций, например, отмечены следующие обращения-переделки от одного и того же имени *Варвара*: *Сгущёнка* (*Варвара* → *варёнка* → *сгущёнка*).

Особая тема — зоонимы в обращениях как к детям, так и друг к другу. Если классическая литература предлагает ограниченный набор таких обращений, то современный этикет значительно расширил этот набор. Так, у Л. Н. Толстого в «Детстве — отрочестве — юности» мы обнаружим только *голубчик* и *голубушка*, как и индивидуальное прозвище *индюшечка* (мать Николеньки, будучи ребенком, обращалась к няне Наталье Савишне: *Нашик*, *Красавчик мой*, *Индюшечка моя* [2]), но в современном этикете имеются: *зайчик*, *киска*, *рыбка*, *лапка*, *птичка*, *ёжик* и *медвежонок*, в наших анкетах: *ласточонок*, *оленок*...

Во многих русских семьях модна игра с имитацией иностранных форм имен-заимствований. Так, на иностранный лад переделываются русские имена, например: *Бетти* (от *Елизавета*), *Мишель*, *Боб*, *Виктор*, *Хелен*, *Ирен*, *Люси*, *Серж*.

Многие семейные прозвища рождаются в игровой форме, а затем приживаются, прилепляются — совсем, как у Гоголя в «Мертвых душах», писавшего о «метком» русском слове. Так, в обращениях супругов отмечены формы: *Кирасина* (от *Кира*), *Светафор* или *Светофор* (от *Света* — трудно сказать, как предпочитает записывать это слово его создатель), *Мисеньиш* (от *Маша*, *Мария*), *Лошадкин* (от фамилии *Белоконев*), *Чижерик* (от фамилии *Чижова*).

Как видим, невозможно предугадать, какие идеи, ассоциации и производимые ими формы слов могут родиться в сознании творца имен. Очевидно, что все эти инновации исходят из возможностей словообразования и уместности изобретенной формы по отношению к тому человеку, к которому она обращена. «Создание слов, — пишет Ю. В. Рождественский, — есть, по сути дела, создание языка» [1. С. 64], поэтому каждая вновь образованная необычная форма слова или новое слово творят новую

действительность с ее новыми стилевыми отношениями, поскольку стиль речи формирует стиль жизни.

Наши наблюдения над современным имятворчеством в создании имен-обращений суммируем следующим образом:

В современном русском речевом этикете гораздо большее значение имеет собственно-номинативная функция обращения, т.е. называние адресата по имени (имени-отчеству, имени с прибавлением оценочных суффиксов), нежели в классическом русском этикете.

В русском семейно-бытовом общении наряду с традиционными формами наблюдается огромное многообразие в изобретении новаторских необычных форм обращений.

У русского народа, кроме употребления имени, возможно употребление прозвищ, т.е. использование других слов-имен, имеющих метафорический характер.

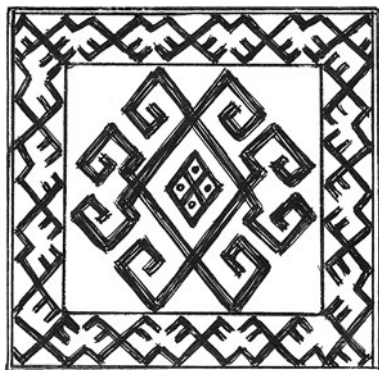
Необычные обращения в русской семье становятся прозвищами, приобретая арготический характер именований, свойственных и употребляемых только в данной семье. Основной состав таких изобретений характеризуется возможностями многообразия уменьшительно-ласкательных суффиксов, традиционных «ласковых» словечек, но также и новообразований, создаваемых участниками данного семейного коллектива. Весь этот комплекс средств создает в каждой семье своеобразное семейное «арго», присущее только данному семейному коллективу, который состоит из неповторимых конкретных личностей, требующих к себе индивидуального внимания и обращения.

Литература

1. *Рождественский Ю. В.* Общая филология. М., 1996.
2. *Степанова Л. В.* Обращения в семейно-бытовом диалоге (на материале повести Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность») // Риторика в контексте образования и культуры. Материалы XIX Международной научной конференции по риторике. 29–31 января 2015 года. Рязань. С. 364–369.

*Московский государственный
психолого-педагогический университет*

Топонимика

Ладога – Нево

© Л. В. МИХАЙЛОВА,
кандидат философских наук

Исследование гидронимов *Ладога–Нево* показало, что существуют различные версии, объясняющие древнюю этимологию названий озера какц финского, карельского, древне-скандинавского, так и русского происхождения. Хотя, возможно, гидроним *Ладога* появился намного раньше *Нево* в связи с историей заселения Северо-Западного Приладожья в I–II вв. н.э. древним племенем карел.

Ключевые слова: озеро, город, река, Приладожье, этимология, финский, карельский, древне-скандинавский, русский, происхождение.

Research of *Ladoga–Nevo* hydronyms showed that there are different versions explaining ancient etymology of the Lake names as the Finnish, Karelia, Anciently-Scandinavian, so Russian origin. Although, it's possible, that hydronym *Ladoga* appeared far before than *Nevo* in connection with history of settling of North-Western Priladozh'ya in I–II centuries of our era by an ancient Karelian tribe.

Key words: Lake, town, river, Priladozh'ye, etymology, Finnish, Karelia, Anciently-Scandinavian, Russian, origin.

Ладожское озеро относится к бассейну Балтийского моря и является самым крупным пресноводным озером Европы. В озере большое количество островов, среди них Валаамский архипелаг, с самым

большим островом Валаам с действующим в настоящее время мужским православным монастырем. На берегах озера расположены города Приозерск, Сортавала, Новая Ладога и др.

Первой экспедиционной поездкой, давшей достоверные сведения о географических особенностях Ладожского озера, было путешествие Н. Я. Озерецковского в 1785 году [1]. В 1858 году А. П. Андреев возглавил экспедицию, результатом которой стала его книга «Ладожское озеро» [2], получившая на всемирной выставке в Париже золотую медаль.

Ладога — это название города, реки и озера. До настоящего времени точно неизвестно, какое из них является первичным. А. П. Андреев писал, что еще в 1201 году озеро называлось в торговом договоре готландцев с новгородцами *Алдея*, *Алдескъ*, только в 1228 году в княжестве Георгия Всеволодовича, в первый раз является под названием Ладожского.

Финны называли его *Вениемъ-мери*, т.е. русским морем [Там же]. Топоним *Вение-мери* (ср. фин. Venäjänmeri «русское море») использовался, вероятно, и в XIX — начале XX века, когда северо-западное Приладожье и острова Валаамского архипелага входили в состав Великого Финляндского княжества Российской империи.

Е. М. Поспелов считал, что гидроним *Ладожское* (озеро) входит в обиход с начала XIII века и образовано от названия города *Ладога*, названного в свою очередь по одноименному притоку в низовьях реки Волхов (фин. alodejoki — «река в низкой местности») [3. С. 106–107]. А. П. Андреев ссылается на географический словарь Миллера, в котором отмечено, что озеро прежде всего называлось *Алдеск*, *Альда*, *Альдагасъ*, *Альдога* [2. С. 4]. По мнению Г. М. Керта, в древнерусском языке при заимствовании было закономерно образование *лад* из *алд* и то, что слово *Ладога* возникло из *Альдога* путем метатезы (перестановки звуков), ни у кого из ученых не вызывает сомнения [4. С. 63]. Версию скандинавского названия Ладоги — *Альдейгья*, *Альдейгьюборг* (др.-исл. Aldeigja, Aldeigjuborg) поддерживает С. В. Кисловский. Он отмечает, что в древних скандинавских сагах и договорах с ганзейскими городами озеро именуют *Альдога* (ср. фин. aalto — «волна») [5. С. 79–80]. Авторы рукописи Псковской летописи не согласны с первоначальным названием озера *Альда*, *Альдога* и считают, что слово *Ладога* произошло от *Одло*, некогда принадлежавшего водоему Нево [6].

М. Фасмер объяснял происхождение топонима *Ладога* от финских слов *aalto* «волна» и *aaldokas*, *aalokas* «волнующийся» [7]. А. И. Попов отвергает эту этимологию. Он предполагает, что озеро получило название по старинному городу Ладоге. А *Старая Ладога* — от имени реки *Ладожки*, образованного из прибалтийско-финских слов *ala djogi*

«нижняя речка». Таким образом возникает цепь: река Ладога (Ладожка) — город Ладога (Старая Ладога) — озеро Ладожское [8].

По мнению Т. Н. Джаксон, сначала возникло название реки, затем города и лишь затем озера. Она утверждает, что первичным является гидроним *Ладога*, от др.-фин. *Alode-jogi (joki)* «нижняя река». От названия реки произошло название города др.-исл. *Aldeigja*, и уже оно было заимствовано славянским населением и преобразовано при помощи метатезы *ald* → *lad* в др.-рус. Ладога. Джаксон считает уже доказанным, что первыми поселенцами в Ладоге в начале 750-х годов были выходцы из Северной Европы, а импульс продвижения славян дал себя знать лишь к концу 760-х годов. Соответственно, археологический материал подтверждает топонимические данные [9. С. 77–79].

Однако достоверно известно, что в I–II веках н.э. Карельский перешеек, а также северо-западное и северное побережья Ладожского озера являлись первоначальной областью поселения древнего племени карел (Корела). Более вероятным, по нашему мнению, является первоначальное карельское название озера — *Аалтокас* (ср. кар. *aalto* — «волна»; *aaltokas* — «волнистый»), которое было заимствовано славянским населением как *Лаатокас* (метатеза *aalt* → *laat*) → *Латокас* → *Латока* → *Ладока* → *Ладога*. От гидронима *Ладога* образованы названия реки и города: *Ладога* (озеро) → река *Ладога* (*Ладожка*) → город *Ладога* (*Старая Ладога*). Гидроним *Ладога* адаптируется карельским языком как *Luadogu*, ср. *Ladoga* → *Ladogu* → *Luadogu*. Примеры двойного заимствования топонимов встречаются часто в топонимии Приладожья, например: *Змеиная* (гора) → *Käärmevuori* → гора *Кярмевуори*; (Валаамский архипелаг). На финских картах XIX–XX веков озеро называется *Laatokka*.

Появление гидронимов: *Альда*, *Альдагасъ*, *Альдога* в XIII веке связано, очевидно, с началом шведской экспансии на Карельском перешейке и в Северном Приладожье (ср. кар. *Аалтокас* → *Альдагасъ* → *Альда*; русск. *Ладога* → *Альдога*).

По мнению автора, возможна также связь гидронимов *Аалтокас* (*Алатокас*) со словами *алатырь* — *алтын* — *алтарь*; *Ладога* (*Латока*) — со словом *латырь*. В словаре В. И. Даля *алатырь* — это загадочный камень, поминаемый в сказках и заговорах: бел-горюч камень, лежащий на дне морском, либо на море-окиане, на острове Буяне [10. С. 15]. В духовных стихах «Голубиной книги» алатырь-камень называется *латырь*: «Белый латырь — камень всем камням отец» [11. С. 35]. По описанию О. В. Беловой, *алатырь* — алтын-камень или *алтарь* — это «бел-горюч камень» русского фольклора, стоящий посреди моря-океана, — это русский вариант «пупа земли», где происходят главные события, определяющие судьбы мира (и человека), где растет мировое древо, стоит престол Господень, пребывает сам Господь со

святыми и апостолами» [12. С. 453]. Возможно, для жителей Приладожья остров Валаам был Центром Мира, это был алатырь-камень (латырь), стоящий посреди бушующего озера, которое стали также называть *Алатырь*, преобразованный карельским языком в *Аалтокас*: *Алатырь* → *Алат* → *Аалт* → *Аалтокас* и русским языком в *Ладогу*: *Латырь* → *Лат* → *Латока* → *Ладога*.

В разных источниках Ладожское озеро называется также *Нево*. Так, в «Повести временных лет» XII века написано, что по Ловоти можно войти в Ильмень, из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево [13. С. 25]. Е. М. Пospelов утверждал, что есть связь *Нево* с названием реки *Нева* [3. С. 106–107]. Г. А. Крылов считает, что название реки *Нева*, на которой царь Петр построил новую столицу России, восходит к финскому названию *Nevajoki* – «болотистая река», образованному от слова *neva* – «болото» [14]. В словаре А. Щекатова первоначальным названием озера считается *Невъ* или *Нево*. Слово *Невъ* есть название сарматское и значит «морской залив» или «море», так и на финском языке знаменует тоже [15]. Такое название озеру могли дать прибалтийско-финские племена, жившие на его берегах. Это же название относилось и к реке *Неве*, которая была похожа на залив озера, поэтому в летописях IX–X веков она называлась «морским заливом».

Е. А. Хелимский предлагает германскую этимологию гидронима *Ладога*. По его мнению, первичным является название озера *Aldauga* (др.-сканд.) «старый источник, подобный открытому морю». Он считает, что данный гидроним связан с названием Невы, которая вытекает из Ладожского озера, в германских языках означает – «новая». Через промежуточную форму *Aldaugja* это слово дало др.-исл. *Aldeigja*, а впоследствии Ладога [16]. Известно, что новый пролив между Ладожским озером и Финским заливом, ставший долиной реки Невы, возник примерно четыре тысячи лет назад. Старый пролив на севере Карельского перешейка к этому времени уже был выше уровня озера.

В Палестине находится гора *Нево* (*Небо*), которая возвышается справа от Мертвого (Соленого) моря и реки Иордан. С вершины горы открывается вид на всю Святую Землю. Согласно Ветхому Завету, Господь призвал Моисея на гору Нево и сказал: «взойди на сию гору Аварим, на гору Нево; и умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложишь к народу твоему» [17. С. 228]. На горе Нево пророк Моисей провел последние часы своей жизни: «И взошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона. И умер там Моисей, раб Господен, в земле Моавитской, по слову Господню» [Там же. С. 229]. Иноки Валаамского монастыря идентифицировали Валаам с Палестиной. Идентичны окрестностям Иерусалима находящиеся на Валааме горы Сион, Фавор. Фавор и Сион на

Валааме соединяет дорога, которая проходит рядом с Мертвым морем по мосту через реку Иордан, справа от которых возвышается гора Большая Скитская на острове Скитском. По аналогии с Палестиной, эта гора могла быть названа *Нево*. Факт того, что в топонимии Валаама сохранились библейские названия, характеризующие дохристианский период острова, подтверждает топоним *Кармил* (гора). С вершины Большой Скитской горы (Нево) открываются просторы озера, которое могли также называть *Нево* → *Нева*. Перенос названия одного географического объекта на другой является одним из способов номинации. Гидроним Нева для обозначения Ладожского озера, согласно записям одного из валаамских монахов, употреблялся и в XIV веке «на озере Неве» [18].

Таким образом, исследование гидронимов *Ладога* – *Нево* показало, что существуют различные версии, объясняющие древнюю этимологию названий озера как финского, карельского, древне-скандинавского, так и русского происхождения. Хотя, возможно, гидроним Ладога появился намного раньше *Нево* в связи с историей заселения Северо-Западного Приладожья в I–II вв.н.э. древним племенем карел.

Литература

1. *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.
2. *Андреев А. П.* Ладожское озеро. СПб., 1875.
3. *Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 2002.
4. *Керт Г., Мамонтова Н.* Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982.
5. *Кисловский С. В.* Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Л., 1974.
6. Псковская летопись // Полное собрание русских летописей. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. Т. 31.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967.
8. *Попов А. И.* Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородских областей. Л., 1981.
9. *Джаксон Т. Н.* Альдейгьюборг: археология и топонимика // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб., 1994. С. 77–79.
9. История Валаама. Солнце Ладоги. М., 2004.
10. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. М., 2005.

11. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М., 1991.
12. Белова О. М., Петрухин В. Я. «Святые горы», Киев и Иерусалим в славянской мифопоэтической традиции // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009.
13. Повести временных лет // Изборник. Повести Древней Руси. М., 1986. С. 24–58.
14. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб., 2005.
15. Щекатов А. П. Словарь географический Российского государства. М., 1807. Ч. 5.
16. Хелимский Е. А. Старая Ладога [Электронный ресурс]. URL: / [http:// dic.academic.ru](http://dic.academic.ru) (24. 08. 2015).
17. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические с параллельными местами. М., 2009.
18. Беседа валаамских чудотворцев. Рукопись XIV в. // НА РК, ф. 762, оп. 1, д. 2/11, л. 1–4.

Петрозаводский государственный университет

«Заиграл в гуселышки яровчатые...»

«Играют в шашки-шахматы...»

Игра в былинах

© И. П. ЧЕРНОУСОВА,

доктор филологических наук

В статье рассматриваются типичные для былинной картины мира виды игры: на музыкальном инструменте — гуслях и интеллектуальная — в шахматы.

Ключевые слова: игра, былинная картина мира.

The article explores playing pastimes typical of the epic tale picture of the world: playing a musical instrument — the psaltery and playing an intellectual game — chess.

Key words: game, playing, epic tale picture of the world.

В былинной картине мира отмечены два вида игры: на музыкальном инструменте — гуслях и интеллектуальная — в шахматы. Гуслярами и шахматистами в былинном мире являются Соловей Будимирович, Садко, Добрыня Никитич, Чурила Пленкович. На гуслях играют также Алеша Попович, Ставр Годинович, Дунай Иванович, а в шахматы играет Михайло Потык.

Гусли — старинный струнный щипковый музыкальный инструмент. В былине они чаще всего называются *гуселышки* и имеют постоянные эпитеты *звончатые* и *яровчатые*. С помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ышк-* выражается отношение к гуслям: это любимый музыкальный инструмент у богатырей. В большинстве случаев используется эпитет *яровчатые*, который означает *сделанные из белого клена явора*, с тем же суффиксом *-чат-*, что и в слове *звончатые*. В слове *яровчатые* отмечена перестановка согласных (метатеза).

Базой исследуемого материала послужили тексты из авторитетных собраний русского эпоса: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года в 3-х томах [1]; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым [2]; Беломорские былины, записанные А. Марковым [3]; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым в трех томах [4].

И. И. Срезневский связывал игру на гусях с древнеславянскими языческими богослужениями: «Жрецам, как кажется, принадлежало и название баев, балиев (от “баять” — рассказывать) и гусяров» [5]. Игра на гусях некогда была частью священного ритуала и воспринималась мистически. Чудесными свойствами обладали сказочные *гусли-самогуды / самоигры*, которые «сами заводятся, сами играют, сами пляшут, сами песни поют».

В былинной картине мира описывается, как Садко, играя на гусях, воздействует на силы природы. Его игра осознается как «бесовская», а пляски как «нечестивые»:

Брал Садко *гусельишки яровчаты*,
Яровчаты гуселки, звончаты:
 Струночку ко струночке налаживал,
 Стал он в гусельишки поигрывать,
 Играет-то Садко в Нове-городе,
 А выигрыш ведет от Царя-града.
 Стал царь Водяник поскакивать,
 А царица Водяница поплясывать,
 Красные девушки хоровод водят,
 А мелкая четь вприсядку пошла. {...}
 Ай же ты, Садке купец богатый гость!
 Полно тебе играть во *гуселки яровчаты*,
 Полно губить людей бесповинных,
 От твоих от *игор* от *бесовских*,
 И от тых от плясок нечестивых,
 Окиан сине море всколыбалось,
 Кораблики все повыволомало,
 Людей-то всех повывотпило.

[4. Т. I. С. 334. Курсив здесь и далее наш. — И.Ч].

В благодарность за игру на гусях в былинном мире предлагают награду: водяной царь учит Садко, как выловить в Ильмень-озере рыбку золотые перья и как побиться об заклад с новгородскими купцами, что он поймает такую рыбку. Впоследствии благодаря совету водяного царя Садко разбогател.

Князь Владимир также хочет жаловать Добрыню Никитича за игру на гусях на свадебном пиру:

Повел он по *гусельишкам яровчатым*,
 Заиграл Добрыня по уныльнѣму,
 По уныльнѣму, по умильнѣму. {...}
 За тым заиграл Добрыня по весѣлому...
 — Ах скоро мала смела скоморошина!
 А чим-то нам тебя буде жаловать
 А за эту игру за умильную?
 Города ль теби наб с пригородками,
 Али села да ти наб со приселками,
 Аль много наб бессчотной золотой казны?

[1. Т. I. С. 446–447].

Добрыня отказывается от такой награды, но просит налить чару зелена вина, чтобы опустить туда *злачен перстень*, которым обручался со своей женой Василистой Микуличной, тем самым сообщает ей о себе и расстраивает ее брак с Алешей Поповичем.

В современном русском языке *игра* – «занятие с целью развлечения, основанное на известных условиях или подчиненное определенным правилам» [6]; «забава, установленная по правилам» [7], а в былине игра в шахматы – это не столько занятие с целью развлечения, забава, сколько состязание, поединок с очень высокой ставкой. Здесь доминирует семантический признак «сражение, схватка; противоборство» [8].

И. М. Линдер подчеркивает специфически воинский характер шахматной игры, имеющей на Руси «тысячелетнюю историю» [9. С. 157], и считает, что «былины донесли некоторые особенности шахматного быта Киевской Руси и высокую оценку этой игры как средства испытания умственных способностей человека» [10]. Народные певцы включали шахматы в число традиционных средств испытаний силы и ума героев-богатырей не случайно: «Ведь шахматная доска, как известно, представляет поле сражения, а типы фигур – рода войск, а поэтому игра эта полезна для воспитания тактических и стратегических навыков, умения обеспечить взаимодействие войск» [11. С. 276].

И даже когда игра в шахматы в былинной картине мира описывается как забава, но это не простое развлечение, помня о значении этой игры. Богатыри играют на заставе друг с другом в шахматы и тем самым готовятся к сражению с врагом земли Русской – Калин-царем:

Сидят молодцы во белом шатре,
Во белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в *шашки-шахматы*,
В тыи *велеи золоченыя*.

[4. Т. II. С. 110].

Игра в шахматы показана в былинном мире в динамике. А. Т. Хроленко сравнивает игру в шахматы с рыцарским поединком: «Сама доска становится площадкой, где соперники “ходят-гуляют”» [12. С. 140]. В качестве описания техники богатырского состязания разбираются ходы противников: *ступень, заступь*.

Как тут они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали они по дощечке ходить-гулять.
А тут Михайлушка *ступень* ступил – не доступил,
А другой как ступил, сам призаступил,
А третий что ступил, его поиграл.

[1. Т. I. С. 468–471].

В некоторых былинах в шахматы играют женщины, например, Забава с Соловьем Будимировичем. Здесь игра в шахматы рассматривается как брачное испытание:

А стали они играть во шахматы.
А й тут-ли Соловей сын Будимирович,
Раз тот сыграл, Забаву поиграл,
Другой тот сыграл, Забаву поиграл,
Третей тот сыграл, Забаву поиграл.
А говорит тут Забава дочь Путятична:
«Ах молодец ты заулишек добр!
Кабы взял за себя, я бы шла за тебя»
[Там же. Т. III. С. 27].

Но все же эта игра считается мужской: князь Владимир, испытывая пол посла, в роли которого выступала переодетая жена Ставра, заставляет ее стрелять, бороться и играть в шахматы:

Стал с ним *в шахматы играть*
Золотыми тавлеями:
Первую заступь заступовали,
И ту посол поиграл;
Другую заступь заступовали,
И другую заступь посол же поиграл;
Третью заступь заступовали,
Шах да и мат да и под доску.
[2. С. 95–96].

Игра в шахматы входит в число эпических состязаний. «В представлении народа шахматы поднимаются на один уровень с состязаниями в стрельбе из лука и борьбе» [9. С. 155].

Синонимами шахматных фигур в былине выступают *шашки-шахматы*, *пешки-шахматы*, *шахманки*, *тавлеи*, или *велеи*. Это контекстуальные синонимы — различные слова, имеющие в фольклорном контексте сходный смысл и выполняющие сходную функцию. Фольклорная синонимия строится на принципиально иных основаниях, чем в общезыковой системе, что отмечалось многими учеными: И. С. Климас [13], Н. Г. Черняевой [14]. Основой категории синонимии является тождественность, которая «выявляется в соотношении с фольклорной языковой картиной мира и особенностями ее построения» [Там же. С. 77]. Для всех этих названий своеобразным родовым обозначением (гиперонимом) является существительное *доска* [12. С. 140].

Тавлеи и *велеи* в большинстве случаев имеют эпитеты *золотые*, *золоченые*, *дорогие*, что служит «косвенной оценкой ставки в игре» [Там же]. *Велеи* имеют также эпитет *немецкие*, что указывает на направление заимствования (впрочем, необходимо учитывать, что в древности

«немцами» русские могли называть любых европейцев, говорящих на неславянских языках).

— Ай же вы удаленьки дородни добры молодци!
Еще есть ли-то на вашей на святой Руси
Да у славного у князя Владимира,
У них есть ли та *игра* да и *картежная*,
А играют ли они да в *шашки-шахматы*
Да й во славны во *велеи* во *немецкии*?
А ще кто из вас горазд сыграть во шашки-ты во шахматы,
Да во славны во *велеи* в *немецкии*?
[1. Т. I. С. 79].

В былинах часто наблюдается смешение разных видов игры: в карты, шашки-шахматы и велеи. Названия игры здесь являются эпической условностью, иносказанием. В упоминании одновременно нескольких видов игры содержится традиционный фольклорный смысл: «интеллектуальная игра, служащая средством испытания для богатырей».

Отмеченное А. Т. Хроленко у всех существительных, входящих в лексико-тематическую группу «игра», дополнительное значение «смертельный риск; граница между формами бытия» [12. С. 141] просматривается в эпизодах с Садко, переправляющимся на шахматной доске (шахмотнице) в подводный мир и тем самым переходящим границу между земным бытием и жизнью в океане-море.

И скоро Садко нарежается,
Берет он гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И берет он шахмотницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со темя дороги вольящеты...
Спускался он на сине море,
Садился на шахмотницу золоту
[2. С. 231–232].

Игра в шахматы в былинном мире — состязание с очень высокой ставкой: в качестве залога предлагают не только доброго коня и бессчетну золоту казну, но и буйну голову:

Как сыграли в первый раз да в игру шашечну,
Молодой Добрынюшка Микитинец
Ён со тою со великой со горячности
Просмотрел один да ступень шашечной,
Обыграл его король да ведь литовский
Ботиян да Ботияновец,
Й он повыиграл у молодца Добрынюшки *добра коня*,
А й добра коня он богатырского.

А й под другую игру они залогои-то покладали,
А й король-от полагает он великую *бессчетну золоту казну*,
А и молодой Добрынюшка Микитинец
Положил залогом свою *буйную головушку*.

[1. Т. I. С. 79–80].

Михайло Потык, приехавший послом получить дани-пошлины со-рок тысячей у короля Ляховинского, Шведского, при игре заклады-вает свою буйну голову против золотой казны противника. Богатырь с честью выдерживает испытание и за это получает награду.

«Уж ты гой еси, дороднѣй доброй молодец!
Мы зыграм-ко с тобой во пешки-шахматы;
Клади-ко-се залогом сорок тысячей,
Я кладу залогом пол-королесьва, пол-царсьва своѣго» (<...>
«Ты клади-ко залогом всё добра коня;
Я кладу свою да *буйну голову* во веки –
Служить-то верой-правдою да неизменною».

[3. С. 383–384].

Таким образом, игра в былинной картине мира занимает важное место и имеет большое значение: это традиционное средство испытания, заслуживающее вознаграждения.

Литература

1. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года Т. I–III. М.-Л., 1949–1951.
2. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.-Л., 1958.
3. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
4. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3 т. М., 1909–1910.
5. *Срезневский И. И.* О языческом богослужении древних славян. СПб., 1848. С. 66.
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1956. Т. 5. С. 21–22.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 79.
9. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М., 1964.
10. *Линдер И. М.* Шахматные реалии в былинах // Советская этнография. 1984. № 3. С. 39.
11. *Липец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 276.

-
12. *Хроленко А. Т.* Лингвокультуроведение: Пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура». Курск, 2000.
 13. *Климас И. С.* К проблеме фольклорной синонимии // Дело всей жизни. Сборник научных трудов (К юбилею профессора Е. Б. Артеменко). Воронеж, 2009.
 14. *Черняева Н. Г.* Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. М., 1980. С. 101–134.

*Липецкий государственный педагогический
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского*

«Душечка-сударушка и миленький дружок...»

Диминутивы в лирической песне

© Ю. А. КОЖАЕВА

В статье рассматривается эстетическая функция диминутивов, широко употребляемых в русских народных лирических песнях. Обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов является специфическим языковым явлением русской культуры. Частотность использования диминутивов обусловила целесообразность классифицировать их. Статья иллюстрируется многочисленными примерами из текстов лирических песен.

Ключевые слова: диминутивы, любовная лирика, русский фольклор, эстетическая оценка.

The article discusses the aesthetic function diminutive, widely used in the Russian folk lyric songs. The abundance of diminutive suffixes is specific linguistic phenomenon of Russian culture. The frequency of use diminutive in Russian folk song lyric led to classify the feasibility of them. The article is illustrated by numerous examples from the texts of lyrical songs.

Key words: diminutive, love lyrics, Russian folklore, aesthetic evaluation.

Одной из наиболее ярких особенностей устного народного творчества является употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Слова с этими суффиксами встречаются почти в каждой песне, каждой строке:

На тебе долинушка ничего не родилось,
ни грибка, ни ягодки, ни черной смородинки.
Ни горькой калинушки, ни сладкой малинушки.
Только на долинушке повзросла рощица,
рощица березова, листьяще широкое [1. № 5].

В большинстве случаев такая лексика составляет основу лексического корпуса лирических песен и выступает своего рода оператором смыслов, определяя «эмоциональную температуру текста, которая создается обилием уменьшительно-ласкательных форм (димиутивов), реальное экспрессивное значение которых описать крайне сложно» [2. С. 55].

Частотность использования димиутивов в русской народной лирической песне настолько велика и многообразна, что целесообразно тематически классифицировать их. Это адресат песни: *голубчик, детинушка, дитяtko, дружок, дружочек, душечка молодчик, кавалерчики, касатик, любчик, мальчишка, миленок, паренек, сокол-соколик, старички; девчоночка, душечка, молодушки, размолодушка, соседушки, старушки, сударушка (-и), хозяйушка* и др.

Имена собственные, мужские и женские: *Алексеюшко/-а, Ванюша, Ванюшка, Ваняша, Вася Шеголек, детинушка Федорушка, Иванушка, Михайлушка, Николашенька, Николаюшка; Алгеньюшка Ивановна, Аннушка, Аграфенушка, Грунюшка-Груняша, Дарьюшка, Дунюшка, Дуняша, Дуняшенька, Дуняшечка, Катенька, Катеринушка, Марфушка, Марьюшка, Машенька, Настенька, Сашенька, Шашуронька.*

Топонимы и/или приложения к ним: *Волга матушка, Доночек, матушка Москва, Россиюшка.*

Род деятельности: *купчик, некрутик, солдатик, солдатушка, фабричник, целовальничек.*

Родственные связи: *батюшка, братец, деточки, женушка, маменька, матушка, матушка сестрица, сироточка, сиротинушки, сродничек.*

Предметы бытового обихода: *базарчик, банюшка, блюдечко, веревушки, веретешко, городок, гусельцы, жердочка, калачик, каретушка, ключики, коичка, копеечка, короватушка, крылечко, крылечушко, лавочка, окошечко, печурочка, подарочек, постелюшка, расшивушка, рюмочка, садик, саламатушки, светлица, сенюшки, серпочек, стеколушко, столик, тарелочка, уголочек, часовенка.*

Наряду с обозначением домашнего убранства в уменьшительно-ласкательной форме представлены и детали народного костюма,

аксессуары: *башмачки, венок, вороточек, гребешок, жилеточка, карманчик, колечко, ленточка, перстенец, платочек, плеточка, подтяжки, полушалочек, сапожки, сертучки, фуражечка, часики, шубка, шапочка, шляпонька, юбочка.*

Абстрактные существительные: *беседушка, воздыханьице, волюшка, думушка, замашечка, компаньице, песенка, поговорочка, походочка, приметочка, путечко, путь дороженька, раставаньице, реченьки, свиданьице, словечко, словечушко.*

Время суток и времена года: *вечерочки, времечко, времячко, годичек, зимушка, неделюшка, ноченька, ночка, часик, часок.*

Гидронимы: *водичка, реченька, речка, струйка.*

Небесные явления: *дождик, заря-зорюшка, звездюшки, зоренька, светик, снежки, снежок, солнышко.*

Реалии природы: *бережок, бережок, горка, горочка, далинушка (даль), далюшка, долинушка, дороженька, камушек, лужок, пашенька, песочек, полюшко, рожица, сторонка, сторонушка.*

Фитонимы: *вербочка, грибок, грушица, дубчик, калинушка, капусточка, крапивушка, ленок, лозушка, листик, листьце, малинушка, огурчики, орешки, рябинушка, смородинка, травушка, цветочек, хмель-хмелек, яблонька, ягодинка, ягодка.*

Зоонимы: *голубушка (голубь), зайчик, заяка, крылушки, лебедушка, перья-перушки, пташки, селезенушка, соколик, утица, уточка, утушка и др.*

Утонченная техника уменьшительно-ласкательного словообразования с тщательностью плетет ткань языкового орнамента, эстетизируя окружающее человека пространство в лирической песне. Предметный мир описывается любовно и ласково, словно воссоздается уютный детский мирок, похожий на сказку, мир выдуманный, идеальный. Многочисленные обращения и описания редко обходятся без нежности уменьшительно-ласкательных слов: *глазки, глазоньки, головка, головушка, губки, коленочки, колечушки, косицы, кудеречки, кудерушки, кудерцы, кудерьки, личико/личко, ноженьки, ножки, оченьки, пальчик, плечики, рученьки, ручка, ручки, сердечко, сердечушко, ушко, шейка, шеюшка, щечки.*

Ласковые обращения к молодцу или девице схожи с обращениями к ребенку. В некоторых исследованиях существуют доводы в пользу детскости как первоначальной концептуальной идеи диминутивов, а дальнейшее их распространение связывается с овладением абстрактными значениями. По мнению Е. А. Земской, ими нередко пользуются в тех случаях, когда «говорящий желает выразить ласковое отношение к собеседнику (не только к тому предмету, который называется уменьшительным словом), например, когда говорят с детьми, с больными, рассказывают о детях или о животных» [3]:

Идет милой вечером, лицом белым ко двору;
сам ручкой махнул, головкой качнул.
Мил головушкой качает, свою Дуню величает:
«Ты, Дуняшенька моя, — хорошенькая!» [13];
Красоты в лице не можно оценить.
Его личико — белый снег,
щечки — аленько-лазоревого цветка [35];
Его личико — как беленький снежок,
щечки алы — словно розовый цветок [36];
Милый нравен всей душою, милый нравен красотой:
ручки, ножки его маленькия, в лице щечки аленькия,
на правой руке злато кольцо, его белое лицо... [47];
кудри шелковы по плечикам бегут [59] и т. п.

Некоторые исследователи считают, что первоначальным и наиболее главным значением диминутивов является «маркирование интимности, вхождение в круг ближайших предметов. Называя предмет экспрессивно, говорящий тем самым выражает свое на него право. Диминутивы возможны тогда, когда у общающихся есть право друг на друга, на общность, на взаимную зависимость» [4]. Вместе с тем Е. Ю. Протасова приходит к выводу, что употребление таких слов, возможно, в большей степени свидетельствует о говорящем и его намерении, чем об описываемом предмете.

Я за то люблю Ивана, что головушка убрана,
бело личико румяно [60];
У Михайлушки головушка гладка,
что гладка, гладка, учесанная
и помадой умазанная;
завивалася кудерочки во серебряны колечушки,
изсушил милой сердечушко сухье этого колечушка...[62].

В подобных компонентах, по словам А. Вежицкой, «выражено просто какое-то никак не определенное “хорошее чувство”, выражено и обычно направлено к лицу, о котором идет речь» [2. С. 34].

Особенностью народной лирики является синтез прагматической и эстетической функций. Когда в песне говорится о милом или милой, каждая деталь словно утончается и уточняется. По мнению В. В. Колесова, народное слово не абстрактно. Оно детально: «Для народной речи так важна деталь. Нужно помнить о частности, потому что только она и есть реальность жизни. Наши предки превыше всего ценили образную конкретность слова» [5]. Лирические русские народные песни наполнены добротой и любовью, и каждая деталь в них обладает особым значением и тайным смыслом. Как в прозрачном, но глубоком озере видны тончайшая травинка и камушек, так и в любовной народной лирике отражается самое тонкое движение

души и чувств, которые скрыты от нас за глубиной речевых формул, стереотипных фраз: *миленький дружок, душечка-сударушка, аленький цветочек* и т.п.

Важная роль диминутивов в народных песнях — ритмообразующая функция:

Там не в гусельцы играют [11];
Она щепотко ходила, по три юбочки носила [12];
Прежде купчика любила, полушолочком дарила [13];
Девушка траву жала, красная шелковую.
Серебряным серпчком, золотою ручкою [15];
Я с малешенька глупешенька росла,
я не слушала ни матери, ни отца [21];
С измалешенька вольнешенька я, млада, выросла [23];
Я по сенюшкам хожу, млада, хожу,
сквозь стеколушко на милого гляжу [31];
только весел в саду зелененький лужок:
на лужку гуляет миленький дружок [37].

Однако зачастую ритмообразующий фактор отходит на второй план, предоставляя главенствующую поэтическую роль эстетической функции:

Я еще ему прибавила красы:
на белую грудь повесила часы, часики новенькие...
кавалерчики молоденькие,
сертучки на них коротенькие [80];
Катеринушке дал два прянца медовые,
два калачика грошовые [91];
Мой-то миленький форсун таки, форсун:
на нем шапочка форменная, и жилеточка суконная,
и сибирочка из чистаго сукна [92].

Употребление диминутивов в некоторых случаях построено на звукописи, придающей особую выразительность поэтическому тексту любовной лирики:

Через улицу серой утицей [77];
крапивушка — больно жжется,
во льду — ножкам холодно [4];
У меня, у девушки, в думушках весна прошла [5] и т.п.

Богатая палитра уменьшительно-ласкательных слов отражает душевный склад русского человека, его потребность жить в добром, гармоничном мире, таком, какой он создал в народной лирической песне.

Литература

1. *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. В 7 т. СПб., 1895—1902. Т. IV. Далее в скобках указывается номер песни.
2. *Вежбицкая А.* Русский язык // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 113.
4. *Протасова Е. Ю.* Усвоение категории «свой-чужой» в детской речи // Теоретические проблемы функциональной грамматики. СПб., 2001. С. 242.
5. *Колесов В. В.* Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. С. 173.

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

«Смоленские говоры»

Коллективная монография ученых Смоленского государственного университета «Смоленские говоры» (Смоленск, 2015) представляет собой фактически первый труд, в котором на широком историко-культурном фоне и разнообразных лингвистических фактах анализируются говоры Смоленщины, имеющие сложную историю развития и во многом сформированные под влиянием пограничных этноязыковых процессов. Авторы этой книги – Л. З. Бояринова, В. С. Картавенко, И. А. Королева, Е. С. Лунькова, М. Н. Трубаева, А. Г. Рыжкова, В. А. Королькова, В. С. Ковалева, Л. Г. Каткова, Н. А. Максимчук, С. М. Прохорова (Белорусский гос. ун-т).

Стоит отметить, что издавна территория Смоленщины была перекрестком культурных традиций разных народов: древних кривичей, вятичей и радимичей, литовцев, поляков, великорусов. В то же время эта территория неоднократно подвергалась набегам сопредельных государств. Так, в XIII веке монголо-татарское нашествие с востока и Великое Княжество Литовское с запада атаковали Смоленские земли. Такое частое «перекраивание» географических, политических и по сути языковых границ продолжалось вплоть до 30-х годов XX века. Во многом эти события повлияли на формирование колоритного смоленского говора, в котором наряду с южновеликорусскими чертами есть общие признаки белорусских наречий и польского языка. В один из периодов трагической истории Смоленщины после захвата ее поляками, как отмечают авторы монографии, «образуется совершенно особый социальный слой населения Смоленщины – смоленская шляхта. Развивается двуязычие, следствием которого является большое количество заимствований из польского языка в смоленский диалект» (с. 12).

Особенно ожидаемым, безусловно, можно считать очерк фонетических особенностей смоленских говоров, изложенный в монографии. Авторы делают объектом наблюдения сложную в силу своего формирования лингвистическую территорию и обращают внимание на неоднородность ее

фонетического облика. Смоленские говоры обнаруживают черты нескольких систем, среди которых цоканье и чоканье северо-западных окраин Смоленщины, относимое авторами к северновеликорусскому наследию, типичные для южновеликорусского наречия черты юга и юго-востока, влияние среднерусских говоров в северо-восточных районах, близость белорусскому языку и его диалектам на юго-западе. Для описания фонетических особенностей смоленских говоров привлекаются сведения из работ Р. И. Аванесова, Л. В. Граве, В. Н. Добровольского, З. И. Жаковой, О. Д. Кузнецовой и др., материалы «Словаря смоленских говоров». Важно, что на данном этапе изучения столь сложной в генетическом отношении территории становится возможным установление по привлекаемым лингвистическим источникам и «инвентаризация целого ряда отдельных соответственных явлений» (с. 15).

Мы обратили внимание и на описание лексической системы смоленских говоров. Это прежде всего так называемые ключевые темы, получившие широкое распространение в письменном и речевом творчестве. Авторы называют и дают характеристику предметам быта и местным реалиям: осветительным «приборам» (*серница, жмурик, моргулёк, чадилка, шандарейка* и др.), наименованиям домашних животных (*бодачка, первостинка, рогатик*), посуды (*лучинник, двоёнки, квасовка, утворянка* и др.), названиям грибов (с. 29 и далее). Важно, что указана такая характеристика лексики, как эмоционально-экспрессивная окрашенность диалектных слов, составляющая важную признаковую часть любого диалекта. Подобных слов в смоленском диалекте немало: *накрячить* («нагромоздить»), *лупак* («глаз»), *хавальник* («лицо»), *тихоступ* («калоша») и многие другие.

Разнообразен и ярок фразеологический материал смоленских говоров, который получил отражение в наиболее распространенных социальных актах: в свадебном обряде (*сваживать молодых* — «благословлять перед свадьбой», *круглая беседа* — «свадебные гости, сидящие вокруг стола в полном составе», *обыгрывать песни* — «петь величальные песни в честь гостей на свадьбе, собирая за это деньги»), в проведении народных праздников (*май сажать* — «сажать березки в Троицын день», *венки развивать* — «бросать в реку венки, сделанные на Духов день») и т. п. (см. подробнее с. 66 и далее).

Большой раздел в этой части посвящен явлениям антропонимики и топонимики. Это тоже очень показательная сфера — имясловие. Здесь авторы отмечают такие явления, как влияние социальной картины мира на трансформацию традиционных имен, наличие заимствований, возрождение неканонического именного фонда, диалектное значение ряда фамилий и их интерпретация, этимология прозвищного имени и др.

Очень богата местными оттенками топонимика региона, которая зафиксирована в письменных памятниках с древнейших времен. Это — названия населенных пунктов, волостей, рек, озер и других объектов.

Здесь представлено целое созвездие наименований вроде *Ельня*, *Микулин*, *Велиж*... Разработке этой отрасли науки смоленские ученые уделяют особое внимание.

Очевидно, что подобный анализ на обширном диалектном материале стал возможен после завершения работы над «Словарем смоленских говоров» и способствует выявлению специфики функционирования общенародного и диалектного слова в словообразовательной системе смоленских говоров.

Большой интерес представляет очерк морфологической системы смоленских говоров, для которой характерны специфические особенности, наиболее ярко выраженные в словоизменении основных морфологических классов, таких как склонение существительных и местоимений, спряжение глаголов. Своей задачей авторы в данном разделе монографии сделали описание регулярных и малорегулярных отличительных морфологических особенностей смоленских говоров. Наиболее ценным представляется использование материалов авторских записей живой диалектной речи.

В монографии смоленских коллег уделено внимание такому трудному в связи с недостаточностью языкового материала уровню языка, как синтаксис. Задачей исследователей стало рассмотрение простых осложненных однородными членами предложений, широко представленных в общенародном языке, с целью получить более глубокое представление о грамматических и стилистических особенностях осложнения. По наблюдениям ученых, в качестве осложняющих элементов чаще других однородных членов используются простые глагольные сказуемые: «Дь ни чирпай ты лошкуй, лучи рьзвыдяшшым налей» (С. 282). Очерк синтаксиса сложного предложения смоленских говоров содержит обширный материал и позволяет авторам сделать ряд выводов о типологической и генетической структуре сложного предложения данной изучаемой лингвистической территории.

Большое значение, кроме собственно теоретической части монографии, имеет раздел «Лексикографическое описание смоленских говоров», в котором дана сжатая характеристика словарей, отразивших в своем составе лексический фонд данных говоров. Обзор словарей показывает богатую палитру речевого полотна говоров и широкие социально-культурные и духовные связи, получившие отражение в лексике этого региона (быт, традиции и обряды, растительный и животный мир и др.). Главное же, что несут в себе лексикографические источники, заключается, по нашему мнению, в том, что они позволяют проникнуть в культурно-историческую традицию смоленского слова как особого лингвистического явления, впитавшего и переработавшего целые пласты языковой жизни реальных людей – носителей смоленских говоров.

Наконец, стоит заметить, что авторы этой монографии совершенно логично включили в концепцию книги раздел «Лингвистическое

краеведение», позволяющий решать практические задачи изучения смоленских говоров и помогающий педагогам (прежде всего учителям русского языка и литературы) в расширении знаний учащихся о родном крае. То, что называют теперь «региональным компонентом», — это и есть «отечествоведение»: тексты о своей малой Родине, писателях и поэтах, творивших в разные эпохи, информация о памятниках культуры, о природе и истории и, конечно же, о богатой языковой традиции. Поэтому мы солидарны с авторами, что на занятиях необходимо прослушивать и комментировать аудио- и видеозаписи диалектной речи, объяснять названия тех или иных предметов быта, учить лингвостилистическому анализу текстов и т.д. Все это вкупе с проникновением в живую фольклорную стихию, безусловно, воспитывает эстетический вкус учащихся, делает их соучастниками творимой ими же истории, к которой они не останутся равнодушными никогда.

Коллективная монография «Смоленские говоры», по сути, создавалась поколениями ученых Смоленской области и не только (начиная, пожалуй, еще с Е. Ф. Карского, А. А. Шахматова) и вылилась в серьезный систематический труд большого историко-культурного и научного значения. Важно, что в нем представлена не только диахроническая плоскость исследуемой области, но и показаны современные направления и достижения ученых, намечены перспективы работы по изучению смоленского диалекта.

© А. В. Войтенко,

кандидат филологических наук,

© О. В. Никитин,

доктор филологических наук

Московский государственный областной университет

Последний куплет «Коробейников»

*Е. М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук*

В статье обращается внимание на то, что исполнение (или неисполнение) последнего куплета песни «Коробейники» на слова Н. А. Некрасова полностью меняет ее смысл. При этом большинство певцов не исполняют последний куплет.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, поэма «Коробейники», песня «Коробейники».

It is shown that non-rendering of the last couplet of the song «Korobeiniki» (poem «Korobeiniki» by N. A. Nekrasov) completely changes the content of the song. The attention is paid to the fact that most singers do not render the last couplet.

Key words: Nekrasov, poem «Korobeiniki», song «Korobeiniki».

Вы, наверное, слышали, как на концертах объявляют: «Русская народная песня “Коробейники”». Между тем, это вовсе не народная песня. Музыка в 1898 году написана Яковом Федоровичем Пригожим (1840—1920), дирижером, композитором, пианистом, аранжировщиком-аккомпаниатором известного цыганского хора московского ресторана «Яр». Слова — Некрасова. Это — начало его поэмы «Коробейники», написанной в 1861 году.

Если спросить зрителей на концерте, каков последний куплет песни, наверняка большинство из них ответят: «Знает только ночь глубокая...».

Приведем конец песни (по Некрасову):

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец,
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

Кто-то может подумать, что Катя торгуется за свою любовь. А ведь у Некрасова следующее четверостишие такое:

«Ой! Легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок».

И содержание меняется на противоположное: Катя взяла на память только дешевый бирюзовый перстенок, все было по любви, а не из корысти. Самое забавное, что в поэме у Некрасова Коробейник (вообще-то, он Ванька, но в песне его имени нет) вовсе не одобряет катиного бескорыстия, хотя оно ему и на руку. Наоборот, он считает ее душой («То-то дуры вы, молодочки!»): богатство ей в руки шло, а она, блаженная, сама отказалась.

Но как оценивать катино бескорыстие — другой вопрос. Важно — как петь: о продажности (без последнего куплета) или о бескорыстной любви (с последним куплетом).

Почти все певцы теперь поют песню без последнего куплета. Причины могут быть разные: одни просто не знают про последний куплет, другие, по-видимому, за основу взяли классическое исполнение песни Лидией Руслановой, которая пела ее без последнего куплета. Впрочем, Русланова была не первой, кто не пел последний куплет. Так исполняли и Анастасия Вяльцева, и Варя Панина (к тому же с сильно искаженным по сравнению с Некрасовым текстом). Однако некоторые певцы (Козин, Лемешев) пели песню с последним куплетом, а Козловский — без последнего куплета.

Теперь с последним куплетом песню поет, похоже, только Олег Погудин. За это честь ему и хвала!

Создается впечатление, что многие певцы поют песни, обращая внимание только на музыкальную сторону, а содержание проходит мимо их внимания. То же и со слушателями.

Москва